

Том 23. № 1
2026

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Я. Вальсинер (Ольборгский университет, Дания, и Частный университет Зигмунда Фрейда, Австрия)

Е.Л. Григоренко (Хьюстонский университет, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)

Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.Е. Лепский (ИФ РАН)

М.Личи (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (Университет Парижа Нантерр, Франция)

А.Н. Подьяков (НИУ ВШЭ)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)

М.В. Фаликман (Севани. Университет Юга, США)

А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)

С.А. Шибетко (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанчиков (МГППУ и МИП)

Т.Ю. Базаров (МГУ им. М.В. Ломоносова и МИП)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Карлов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

П. Луцисано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)

А. Лэнгле (Международное общество логотерапии и экзистенциального анализа, Австрия)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (МГППУ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черторилов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Р.М. Байрамян*

Редакторы *Т.А. Сарыева, Д. Вонсбро.*

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская,*

Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: hsejournal.psychology@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

Современная психодиагностика: методы, валидация, практика

А.А. Данилова. Вступительное слово <i>(на английском языке)</i>	5
М.В. Злобина, Л.И. Афтанас, А.А. Фёдоров, Е.А. Дорошева. Психометрические характеристики русскоязычной версии шкалы интолерантности к неопределенности IUS-12 <i>(на английском языке)</i>	7
Е.В. Забелина, А.А. Данилова, И. Педович, Н. Чирович. Нетерпимость к неоднозначности: результаты адаптации Краткой шкалы нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) на русскоязычной выборке <i>(на английском языке)</i>	26
Т.О. Гордеева, Д.М. Нечаева, О.А. Сычев. Диагностика стиля родительского воспитания: опросник воспринимаемой поддержки автономии и контроля <i>(на английском языке)</i>	42
А.С. Струкова, И.В. Антипкина, М.Ф. Линч. Что родители российских школьников ожидают от школы в области благополучия учащихся и насколько они этим довольны: разработка инструмента оценивания <i>(на английском языке)</i>	62
Ю.В. Потапова, А.Ю. Маленова, А.А. Маленов. Опросник приверженности городу: верификация модели и стандартизация методики <i>(на английском языке)</i>	82

Статьи

Т.В. Белых, Е.Б. Князев, А.А. Шаров, В.В. Белых. Характеристика связей дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде с индивидуальными и личностными свойствами у молодежи	100
М.А. Маричева. Личностные адаптации как детерминанты финансового поведения: транзактно-аналитическая модель	125
М.Г. Чеснокова. Методологические проблемы истории психологии на современном этапе развития науки	148
М.А. Шестова. Невидимые грани личности: психологические портреты современной молодежи, взаимодействующей с искусством новых медиа в музейных пространствах	167
Д. Видмар, Б. Тачер, А. Арзеншек. Исследование связи между мышлением, благополучием и депрессивной симптоматикой среди пользователей онлайн-платформы позитивной психологии <i>(на английском языке)</i>	192
Н.В. Волкова, Н.Т. Сугианто. Роль инклюзивного лидерства в развитии профилей межличностного доверия <i>(на английском языке)</i>	211

Vol. 23. No 1
2026

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

HSE University

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

Maria Falikman, University of the South, Sewanee, USA

Elena Grigorenko, University of Houston, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatoliy Kharbhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, University of Paris Nanterre, France

Alexander Poddakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Elena Starovoytenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark, and Sigmund Freud Private University, Austria

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abul Khanova-Slavskaja, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Moscow University of Psychology and Education, and Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

Takhir Bazarov, Lomonosov MSU, and Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Alfried Längle, International Society of Logotherapy and Existential Analysis (GLE-I), Austria

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, Moscow City Pedagogical University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *T.A. Sarieva, N.S. Sambu,*

D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: hsejournal.psychology@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2026 r.

Vol. 23. No 1
2026

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Contemporary Psychodiagnostics: Methods, Validation, Practice

A.A. Danilova. Editorial	5
M.V. Zlobina, L.I. Aftanas, A.A. Fedorov, E.A. Dorosheva. Psychometric Properties of the Russian Version of the Intolerance of Uncertainty Scale-12 (IUS-12)	7
E.V. Zabelina, A.A. Danilova, I. Pedović, N. Čirović. Ambiguity Intolerance: Results of an Adaptation of the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) on a Russian Sample	26
T.O. Gordeeva, D.M. Nechaeva, O.A. Sychev. Measuring Parenting Styles: A Russian Version of Perceived Parental Autonomy Support and Control Scale (P-PASS-RU)	42
A.S. Strukova, I.V. Antipkina, M.F. Lynch. What Parents of Russian State Schoolchildren Expect from Schools Regarding Care for Student Well-Being and Their Level of Satisfaction: The Development of a Questionnaire	62
Yu.V. Potapova, A.Yu. Malenova, A.A. Malenov. City Commitment Questionnaire: Model Verification and Method Standardization	82

Articles

T.V. Belykh, E.B. Knyazev, A.A. Sharov, V.V. Belykh. Specifics of the Relationships between Maladaptive Personality Subordination in Virtual Environment with Individual and Personal Characteristics in Young People (<i>in Russian</i>)	100
M.A. Maricheva. Personality Adaptations as Determinants of Financial Behavior: A Transactional Analysis Model (<i>in Russian</i>)	125
M.G. Chesnokova. Methodological Issues of History of Psychology at the Modern Stage of Science Development (<i>in Russian</i>)	148
M.A. Shestova. The Invisible Facets of Personality: Psychological Profiles of Contemporary Youth Engaging with New Media Art in Museum Spaces (<i>in Russian</i>) ...	167
D. Vidmar, B. Tacer, A. Arzenšek. Exploring the Connection between Mindset, Well-Being, and Depressive Symptomatology among Users of Positive Psychology Online Platform	192
N.V. Volkova, N.T. Sugianto. The Role of Inclusive Leadership in Developing Interpersonal Trust Profiles	211

Special Theme of the Issue.
Contemporary Psychodiagnostics:
Methods, Validation, Practice

EDITORIAL

Dear readers!

The thematic issue “Contemporary Psychodiagnostics: Methods, Validation, Practice” is focused on the potential applications of psychodiagnostic tools essential in an era of dynamic change. Valid and reliable methods form a foundation upon which researchers can have accurate scientific dialogue, test hypotheses, and obtain research results that are significant for both theory and practice.

The papers presented in this issue share a common goal, to enrich the methodological toolkit of Russian psychology by proposing to the academic community novel psychodiagnostic tools, either adapted from a Russian sample or rigorously psychometrically tested.

The paper by M.V. Zlobina, L.I. Aftanas, A.A. Fedorov, and E.A. Dorosheva presents a Russian-language validation of the well-known short version of Intolerance of Uncertainty Scale (IUS-12). This study fills an important gap as it provides researchers and clinical psychologists with a convenient tool while testing its relevance to anxiety disorders.

This topic is consistently continued in the article by E.V. Zabelina, A.A. Danilova, I. Pedović and N. Čirović that looks into an adapted version of the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7). The authors propose a concise and valid instrument for measuring a related but independent phenomenon, and also contribute to clarifying its conceptual boundaries.

The paper by T.O. Gordeeva, D.M. Nechaeva, and O.A. Sychev introduces readers to a Russian-language adaptation of the Perceived Parental Autonomy Support Scale Questionnaire based on self-determination theory. This instrument allows for the assessment of parenting style that has a high predictive value for the child's well-being and motivation.

The study by A.S. Strukova, I.V. Antipkina, and M.F. Lynch proposes an innovative questionnaire, Parental Expectations and Satisfaction with School in the Context of Well-Being. The authors move beyond practice-oriented marketing models and demonstrate new theoretical depths in research on family engagement in education.

This article by Yu.V. Potapova, A.Yu. Malenova, and A.A. Malenov presents the development and validation of the City Commitment Questionnaire. In a context of mobility and changing social landscapes, it is highly important to understand the foundations of local patriotism and migration intentions. The authors propose a three-factor (loyalty, involvement, identification) tool that provides researchers and social policy practitioners with a reliable method for assessing this phenomenon.

In conclusion, we would like to express our sincere gratitude to all the authors for their diligent work, high academic standards, and willingness to share valuable methodological developments with the wider community. We are grateful to the reviewers for their expert assessment and helpful suggestions, which have significantly improved the quality of the publications. We also express our gratitude to the journal's editorial board and technical editors for their professional assistance throughout all stages of the preparation of this special issue.

We hope that the studies presented in this issue will contribute to the further strengthening of methodological culture in Russian psychology and serve as a stimulus for new and interesting research.

A.A. Danilova

PSYCHOMETRIC PROPERTIES OF THE RUSSIAN VERSION OF THE INTOLERANCE OF UNCERTAINTY SCALE-12 (IUS-12)

M.V. ZLOBINA^{a,b}, L.I. AFTANAS^{a,b}, A.A. FEDOROV^{a,b},
E.A. DOROSHEVA^{a,b}

^a Federal State Budgetary Scientific Institution “Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine”, 4 Timakova Str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation

^b Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk State University, NSU), 1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Психометрические характеристики русскоязычной версии шкалы интолерантности к неопределенности IUS-12

М.В. Злобина^{a,b}, Л.И. Афтанас^{a,b}, А.А. Фёдоров^{a,b}, Е.А. Дорошева^{a,b}

^a Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины», 630117, г. Новосибирск, ул. Тимакова, д. 4

^b Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

Abstract

Intolerance of Uncertainty (IU) is a tendency to respond to uncertain situations with a set of emotional, behavioral and cognitive reactions. Studies have shown that IU may play a key role in emerging and maintenance of a wide range of emotional disorders, especially anxiety. The

Резюме

Интолерантность к неопределенности (ИТН) — это тенденция реагировать на неопределенные ситуации набором эмоциональных, поведенческих и когнитивных реакций. Исследования показывают, что интолерантность к неопределенности может играть ключевую роль в возникновении и поддержании широкого спектра

The study was carried out within the framework of the PNI “Development of a technology for individual analysis of brain mechanisms of priority processing of self-referential information for objective diagnostics of the risk of occurrence, severity and monitoring of clinical dynamics of depression and suicidal behavior”, registration number EGISU NIOKTR: 123100400150-3.

Исследование выполнено в рамках ПНИ «Разработка технологии индивидуального анализа мозговых механизмов приоритетной обработки самореферентной информации для объективной диагностики риска возникновения, тяжести и мониторинга клинической динамики депрессии и суицидального поведения», регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 123100400150-3.

short version of Intolerance of Uncertainty Scale-12 (IUS-12) is widely used all over the world, however it has not yet been validated for Russian-speaking samples. Given this, the aim of this study was to investigate psychometric properties of the Russian version of the IUS-12. The total sample consisted of 951 non-clinical subjects, aged 18 to 63 ($M = 22.9$; $SD = 7.6$), 698 females and 253 males. The results indicate that the IUS-12 demonstrates high test-retest reliability ($N = 50$) and strong internal consistency ($N = 951$). The results of the correlational analysis revealed positive associations between the IUS-12 scales and measures of intolerance of ambiguity and interpersonal intolerance of ambiguity from the NTA questionnaire, as well as with the anxiety, depression, and stress scales of the DASS-21. A negative correlation was observed with the tolerance to ambiguity scale (NTA). These findings provide robust evidence for the convergent validity of the IUS-12. Furthermore, the analysis of the internal structure of the IUS-12 demonstrated superior fit for the bifactor model, which includes one general factor and two specific factors (Inhibitory and Prospective Intolerance to Uncertainty). Based on these findings, it can be concluded that the IUS-12 is suitable for assessing intolerance of uncertainty in Russian-speaking populations.

Keywords: intolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty scale, IUS-12, psychometric analysis.

Marina V. Zlobina — Senior Lecturer, Chair of Personality Psychology, Faculty of Medicine and Psychology, NSU; Senior Researcher, Laboratory of Clinical Behavioral Neuroscience and Neurotechnology, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, PhD in Psychology.

Research Area: psychology of uncertainty, psychodiagnostics, personality psychology.
E-mail: marinazlobina1991@mail.ru

эмоциональных расстройств, в первую очередь тревожных расстройств. Краткая версия шкалы интолерантности к неопределенности (Intolerance to Uncertainty Scale-12, IUS-12) широко используется во всем мире, однако на сегодняшний день она не валидизирована для русскоязычной выборки. Таким образом, целью данного исследования стало изучение психометрических свойств русскоязычной версии шкалы IUS-12. Выборку составили 951 человек в возрасте от 18 до 63 лет ($M = 22.9$; $SD = 7.6$), 698 женщин и 253 мужчины. Было показано, что IUS-12 обладает высокой ретестовой надежностью ($N = 50$) и внутренней согласованностью ($N = 951$). Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о значимых положительных связях с показателями интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности опросника НТН, а также с показателями шкал тревоги, депрессии и стресса опросника DASS-21. Отрицательная корреляционная связь была обнаружена с показателем шкалы толерантности к неопределенности (НТН). Мы обнаружили, что бифакторная модель с одним общим и двумя специфическими факторами (ингибиторный и перспективный компоненты интолерантности к неопределенности) показала наилучшее соответствие данным. Таким образом, мы можем сделать вывод, что IUS-12 является надежным инструментом для оценки интолерантности к неопределенности на русскоязычной выборке.

Ключевые слова: интолерантность к неопределенности, шкала интолерантности к неопределенности IUS-12, психометрический анализ.

Злобина Марина Владимировна — старший преподаватель, кафедра психологии личности, факультет медицины и психологии, НГУ; старший научный сотрудник, лаборатория клинической нейронауки поведения и нейротехнологий, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология неопределенности, психодиагностика, психология личности.

Контакты: marinazlobina1991@mail.ru

Lyubomir I. Aftanas — Director, Head of Department, Department of Experimental and Clinical Neuroscience, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine; Head of Chair, Chair of Neuroscience, Faculty of Medicine and Psychology, NSU, DSc in Medicine, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences.

Research Area: individual variability of brain mechanisms of emotions and psycho-neuro-somatic interactions, biological psychiatry and pathology of emotions, development of neurotechnologies, Mindfulness, evidence-based psychotherapy.
E-mail: liaftanas@neuronm.ru

Alexandr A. Fedorov — Head of Chair Chair of Clinical Psychology, Faculty of Medicine and Psychology, NSU; Lead Research Fellow, Laboratory of Clinical Behavioral Neuroscience and Neurotechnology, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: contemporary behaviorism, psychology of moral behavior, philosophy and theory of psychology.
E-mail: fedleks@yandex.ru

Elena A. Dorosheva — Deputy Head of Chair, Chair of Comparative Psychology, Faculty of Medicine and Psychology, NSU; Senior Research Fellow, Laboratory of Clinical Behavioral Neuroscience and Neurotechnology, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, PhD in Biology, Associate Professor.

Research Area: self-regulation, affective disorders, psychophysiology, psychodiagnostics.
E-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Афтанас Любомир Иванович — директор, заведующий отделом, отдел экспериментальной и клинической нейронауки, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины; заведующий кафедрой, кафедра нейронаук, факультет медицины и психологии, НГУ, доктор медицинских наук, профессор, академик РАН.

Сфера научных интересов: индивидуальная вариабельность мозговых механизмов эмоций и психонейросоматических взаимодействий, биологическая психиатрия и патология эмоций, разработка нейротехнологий, Mindfulness, доказательная психотерапия.

Контакты: liaftanas@neuronm.ru

Фёдоров Александр Александрович — заведующий кафедрой, кафедра клинической психологии, факультет медицины и психологии НГУ; ведущий научный сотрудник, лаборатория клинической нейронауки поведения и нейротехнологий, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: современный бихевиоризм, психология морального поведения, философия и история психологии.

Контакты: fedleks@yandex.ru

Дорошева Елена Алексеевна — и.о. заведующего кафедрой, кафедра сравнительной психологии, факультет медицины и психологии НГУ; старший научный сотрудник, лаборатория клинической нейронауки поведения и нейротехнологий, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, кандидат биологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: саморегуляция, аффективные нарушения, психофизиология, психодиагностика.

Контакты: elena.dorosheva@mail.ru

The problem of dealing with uncertainty is one of the most acute challenges of modern life. Uncertainty has become an inherent part of daily routine. There is no doubt that uncertainty is a fundamental characteristic of the modern world (Antonova et al., 2023). Uncertainty, as a feature of an individual's worldview, implies a lack of information about a situation (Leontiev & Mospan, 2022). From this perspective, in the context of growing social, economic, and geopolitical uncertainty and unpredictability that accompany contemporary life – both globally and in Russia – the study of attitudes toward uncertainty becomes particularly relevant.

A strong connection between attitudes toward uncertainty and the emotional sphere of individuals has been demonstrated in several studies by Russian psychologists (Kornilova & Krasavtseva, 2023; Shestova, 2021; Kornilova & Pavlova, 2020; Zlobina & Pervushina, 2017). As shown in the research by E.T. Sokolova, interaction with uncertainty is often accompanied by negative emotional states (Sokolova, 2015). Furthermore, Kornilova and Pavlova (2020) revealed a link between intolerance of uncertainty and emotional vulnerability. Uncertainty is frequently associated with negative experiences of anxiety and uncertainty about the future, exerting a disorganizing effect on both the mental state and behavior of individuals (Mospan, 2023). A person may often feel anxiety, fear and confusion in face of uncertainty. The fear of the unknown serves as a foundation of a broad spectrum of emotional disorders (Carleton, 2016a). N. Carleton (2016a) defines fear of uncertainty as “an individual’s propensity to experience fear caused by the perceived absence of information at any level of consciousness or point of processing” (Ibid., p. 5). Intolerance of uncertainty, hence, “an individual’s dispositional incapacity to endure the aversive response triggered by the perceived absence of salient, key, or sufficient information, and sustained by the associated perception of uncertainty” (Ibid.). Uncertainty intolerance is the tendency to react negatively on cognitive, emotional, and behavioral levels to uncertain situations and events (Buhr & Dugas, 2009, p. 216). Incapacity to cope with uncertainty is a key vulnerability factor for anxiety disorders and depression (see e.g. Carleton, 2016a).

Thus, assessment of intolerance of uncertainty (IU) may reveal a predispositional risk for anxiety and mood disorders. However, there is a lack of psychometric instrument in the Russian language that allows one to assess intolerance to uncertainty as opposed to ambiguity. The Intolerance of Uncertainty Scale (IUS) (Carleton et al., 2007) is a valid psychometric instrument universally applied to measuring and assessing intolerance to uncertainty. It has several advantages over other similar measurements, such as excellent psychometric properties and applicability for both clinical and non-clinical samples. However, psychometric properties of the Russian version of IUS-12 have not been evaluated so far. The aim of this study is to assess the psychometric properties of IUS-12 on Russian-speaking sample.

Intolerance of Uncertainty

It seems that Krohne was the first one who used the term “intolerance of uncertainty” (in contrast to Intolerance of Ambiguity, see Grenier et al. (2005) for clarification of two constructs) in 1989 (Krohne, 1989). According to Freeston et al. (1994), intolerance of uncertainty is defined as the manifestation of a core dysfunctional schema. As Freeston and colleagues pointed out, this schema refers to how a subject processes information and influences the development and maintenance of anxiety through direct and indirect effects (Ibid.).

In a modern world, people constantly face uncertainty solving daily routine tasks and that is especially difficult for those who are highly intolerant to uncertainty. Such individuals tend to feel threatened in case of uncertainty and may try to control or eliminate it (Buhr & Dugas, 2009).

Intolerance of Uncertainty is a key factor underlying a wide range of emotional disorders. The role of IU in emergence of anxiety and depression has been shown in a large body of studies and is now beyond doubt (see Dugas & Robichaud, 2007; Ladouceur et al., 2000; Sexton et al., 2003; Carleton, 2016a). As such, Intolerance of Uncertainty may play a transdiagnostic role in psychopathology of emotions. Considering high comorbidity in emotional disorders, it is important to identify such transdiagnostic vulnerability factors for providing new paths to personalized treatment in psychiatry.

The Intolerance of Uncertainty Scale-12 (IUS-12)

The original version of the Intolerance of Uncertainty scale was developed in 1994 and consisted of 27 items (Freeston et al., 1994). The original IUS-27 contains five subscales: 1) uncertainty is unacceptable and should be avoided, 2) being uncertain reflects badly on a person, 3) frustration about uncertainty, 4) uncertainty causes stress, 5) uncertainty prevents action (Ibid.).

The internal structure of IUS has been revised a few times. For example, in the study conducted by Buhr and Dugas (2002), a four-factor structure for the English version of the IUS (uncertainty is stressful and upsetting, uncertainty leads to inability to act, uncertain events are negative and should be avoided, being uncertain is unfair) was described. Norton (2005) found five-factor structure on a sample of African American, Caucasian and South-East Asian subjects, and six-factor structure on a sample of Hispanic/Latino subjects. Five-factor solutions, however, were different from each other, and the factors themselves were poorly interpreted (Norton, 2005). Berenbaum and colleagues (2008) revealed four components of the Intolerance to Uncertainty, namely: seeking for predictability, tendency to be paralyzed in face of uncertainty, tendency to experience difficulty in face of uncertainty and inflexible beliefs about uncertainty (Berenbaum et al., 2008). Factor analysis of the Chinese version of IUS showed four-factor structure, with the identical factors as in the English version (Yang, 2013).

The most commonly used version of Intolerance to Uncertainty scale was developed by Carleton and colleagues (2007). The scale includes 12 items (IUS-12) (Carleton et al., 2007). Analysis of the internal structure allowed the authors to identify two factors, namely, Prospective Anxiety and Inhibitory Anxiety (Ibid.). Prospective Anxiety is operationalized as a cognitive component that causes anxiety about the future (e.g. “unforeseen events upset me greatly”). This component of intolerance to uncertainty reflects attitude toward future events. Inhibitory Anxiety is a behavioral component that reflects inability to act in an uncertain environment (e.g. “the smallest doubt can stop me from acting”).

The IUS-12 has been translated into many languages and its psychometric properties have been tested on Dutch (Helsen et al., 2013), Italian (Lauriola et al., 2016), Brazilian (Kretzmann & Gauer, 2020), Serbian (Volarov et al., 2021), Chinese (Yao et al., 2021), Indian (Kumar et al., 2022), Mexican (Hernández-Posadas et al., 2023), Greek (Simos & Nisyraiou, 2023), Arabic (Chaaya et al., 2024) and Hungarian (Bakos & Koós, 2024) samples.

Although the two-factor structure of the IUS-12 has been confirmed in a large number of studies, including clinical and non-clinical samples (McEvoy & Mahoney, 2011; Jacoby et al., 2013; Helsen et al., 2013), the internal structure of the IUS-12 scale is still an open question. In recent studies, the bifactor model of the IUS-12 is increasingly recognized as a robust structure that captures both the general and specific aspects of intolerance of uncertainty. The bifactor model (with one general IU factor and two specific Prospective and Inhibitory IU factors) has been found in both non-clinical and clinical samples (Shihata et al., 2018; Wilson et al., 2020; Huntley et al., 2020; Hernández-Posadas et al., 2023) and has demonstrated cross-cultural robustness (Kumar et al., 2022). Research strongly suggests that this model demonstrates superiority to others.

The study by Lauriola and colleagues (2018) showed the superiority of a bifactor model with two specific and one general factor compared to a single-factor, two-factor, and hierarchical two-factor model with a second-order general factor. The general factor IU in a bifactor model explained most of the variance. In the work of Shihata and colleagues (2018), the bifactor model with a strong general factor also demonstrated the best fit to the data. The superiority of the bifactor model was demonstrated in both clinical and non-clinical samples.

Wilson and colleagues (2020) showed that a bifactor model provided a significantly better fit to the data than a unidimensional model in a clinical sample of patients with GAD. The authors conclude that the IUS-12 had limited dimensionality, indicating that only the total score has meaningful interpretation.

Huntley and colleagues (2020) also demonstrated the superiority of the bifactor model over the unidimensional model and the model with two correlated factors. The bifactor structure of the IUS-12 was confirmed in two samples. The authors also confirmed the relationship between IU and trait and state anxiety.

The bifactor model with one general and two specific factors also showed cross-cultural stability. Hernández-Posadas and colleagues (2023) conducted a confirmatory factor analysis with competing models (two-factor model with correlated factors, unidimensional model and bifactor model) on a Mexican sample. The two-factor model with correlated factors showed an adequate fit to the data. The authors also tested the unidimensional factor structure, since there was a strong correlation between the two factors, but the unidimensional model had a worse fit to the data compared to previous studies. The bifactor model with one general and two specific factors (prospective and inhibitory uncertainty) demonstrated the best fit to the data. The authors suggested that using the total score is a more appropriate measure. This result was also consistent with other models of the scale (Hale et al., 2016; Kumar et al., 2022; Lauriola et al., 2016).

Simos and Nisyraiou (2023) also confirmed the superiority of the bifactor model on a Greek undergraduate non-clinical sample (Simos & Nisyraiou, 2023).

In a study by Kumar et al. (2022), four models were analyzed on a sample of Indian students: a one-factor model, a two-factor model, a full bifactor model, and a truncated bifactor model. The truncated bifactor model estimated the contribution of the general factor and the specific factor Inhibitory IU (without Prospective IU). The full bifactor model demonstrated the best fit to the data, with

the general factor explaining most of the variance. However, as the authors point out, the IIU and PIU factors were not orthogonal, and the nature of their relationship requires further research (Kumar et al., 2022).

In addition, as it was noted by Shihata and colleagues (2018), the internal structure of the scale may differ for clinical and non-clinical groups (Shihata et al., 2018). The other important aspect is the cross-cultural differences in the structure of the IUS-12. As Kumar et al. (2022) note, the internal structure of the IUS-12 was tested mainly on Western samples. Since the frequency and manifestations of anxiety disorders and depression vary across cultures, and Intolerance to Uncertainty is a key factor underlying anxiety disorders and depression, cross-cultural differences in the structure of the IUS-12 can be expected (Ibid.). Thus, the issue of testing the internal structure of the IUS-12 on a Russian-speaking sample is of particular interest.

The short version of the Intolerance to Uncertainty Scale (IUS-12) is one of the most reliable methods for assessing intolerance of uncertainty. It is important to note that according to T.V. Kornilova there may be psychologically different variables underlying the concepts of tolerance to uncertainty and intolerance to uncertainty (Kornilova, 2010). This assumption requires further verification which is not the aim of this study but nevertheless should be taken into account. There are several Russian-language measurements of tolerance and intolerance to *ambiguity*, such as Tolerance – Intolerance of Ambiguity New Questionnaire (Ibid.), Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale (MSTAT-I and MSTAT-II) by D. McLain validated on a Russian-language sample by Leontiev et al. (2016), and Measurement of Ambiguity Tolerance by R. Norton validated on a Russian-speaking sample by M. Zlobina (Zlobina, 2022). However, there is a lack of psychometric instruments in the Russian language that allow the assessment of intolerance to *uncertainty*. The IUS-12 will fill this gap in the psychometric tools available.

The original version of IUS-12 has excellent psychometric properties, and the small number of items makes it easy to use. One important advantage of this scale is that it is a valid instrument to apply on a clinical sample, which is crucial in the field of depression and anxiety studies. The 27-item version of Intolerance of Uncertainty Scale was tested on a Russian-speaking sample (Tkhostov et al., 2022). From our point of view, the short version of the scale (IUS-12) is of greater interest, hence the aim of this study was to test the psychometric properties of its Russian-language version.

Materials and Methods

Participants

The sample included 951 non-clinical participants aged 18 to 63 ($M = 22.9$; $SD = 7.6$), 73.4% (698 subjects) female and 26.6% (253 subjects) male. Most participants in the sample, 52.26% (497 subjects), aged 18 to 20, 34.18% (325 subjects) aged 21 to 30, 7.78% (74 subjects) aged 31 to 40 and 5.78% (55 subjects) aged 41 to 63.

Procedure

A total of 951 participants were recruited via social media platforms. Data collection was conducted both offline (using paper-and-pencil methods) and online (via Google Forms). Participants were informed of the study aims and were given assurance of confidentiality.

The English version of IUS-12 scale was translated into Russian independently by four psychologists. After that we developed a working version through discussion. This working version was reviewed then by a research team (specialists in psychology). After the feedback all corrections were made and this version was used at the following steps.

Statistical analysis of data was performed using Jamovi 2.3.28. The dataset did not include any missing responses.

Re-collection of data for the assessment of retest reliability was carried out after six months on a sample of 50 persons: 41 women (82%) and 9 men (18%), aged 18 to 45 years ($M = 22$): 20 and below – 21 subjects (42%); 21 to 30 – 23 subjects (46%); 31 to 40 – 3 subjects (6%); over 40 – 3 subjects (6%). The sample comprised 41 students (82%) and 9 persons with higher education (18%). 42 subjects (80%) had higher or unfinished higher psychological education.

The convergent validity was examined on a sample 200 subjects (137 women and 63 men) aged 18 to 47 years ($M = 22.56$, $Sd = 6.44$).

In addition, we conducted a correlational analysis between IUS-12 and Depression, Anxiety and Stress Scale-21 (DASS-21) on a sample of 219 women, aged 18 to 45 years ($M = 24$, $Sd = 6.9$): 20 and below – 100 subjects (45.66%); 21 to 30 – 71 subjects (32.42%); 31 to 40 – 45 subjects (20.55%); over 40 – 3 subjects (1.37%). All participants reported no history of anxiety and/or depressive disorders.

Participants for the test-retest and convergent validity analyses were selected from the overall sample and consented to take part in the study.

Psychometric Instruments

Intolerance of Uncertainty Scale-12

The scale comprises 12 items. Participants rate items on a five-point Likert scale ranging from 1 ('not at all characteristic of me') to 5 ('entirely characteristic of me'). The questionnaire has two sub-scales: Prospective Intolerance of Uncertainty and Inhibitory Intolerance of Uncertainty.

Tolerance – Intolerance of Ambiguity New Questionnaire (NTA) (T.V. Kornilova)

The questionnaire comprises 33 items. Participants rate items on a seven-point Likert scale ranging from "absolutely disagree" to "absolutely agree". Items are grouped into three scales: tolerance to uncertainty ambiguity, intolerance to uncertainty ambiguity, interpersonal intolerance to uncertainty ambiguity. Analysis of the points scored enables the understanding of a subject's attitudes to changes,

novelty, willingness to make decisions in an ambiguous situation and the desire for clarity and control in interpersonal relations (Kornilova, 2010). This questionnaire was used to verify convergent validity.

Depression, Anxiety and Stress Scale-21 (DASS-21)

The scale has three seven-item subscales assessing depression, anxiety, and stress. Items are rated on a four-point Likert scale (from 0 to 3), with higher scores indicating higher levels of depression, anxiety, or stress. The psychometric properties of the Russian DASS-21 were accessed by A. Zolotareva (Zolotareva, 2021). It was shown that the Russian version of DASS-21 is a valid and reliable instrument and can be used for screening and monitoring psychological distress in Russian-speaking sample. Convergent validity refers to the degree to which constructs that are theoretically expected to be related indeed demonstrate either a positive or negative association. Given the theoretical and empirical grounds to expect that intolerance of uncertainty is associated with negative emotional states, particularly anxiety and depression, we conducted a correlational analysis between the IUS-12 and DASS-21 scales.

Results

Internal Consistency

In order to assess the reliability of internal consistency, we used the Cronbach’s coefficient. The Cronbach’s reliability coefficient was .862. The Cronbach’s did not increase with exclusion of items (Table 1).

Table 1

Descriptive Statistics and Change in Cronbach’s α when Items are Excluded from the Questionnaire

Item	Mean	Standard deviation	Cronbach’s α if item deleted
1	2.97	1.08	.851
2	3.64	1.08	.857
3	3.43	1.18	.857
4	2.93	1.24	.855
5	2.7	1.26	.856
6	3.35	1.28	.846
7	3.44	1.23	.858
8	2.89	1.37	.845
9	2.63	1.34	.845
10	3.11	1.25	.848
11	2.68	1.24	.848
12	2.28	1.16	.846

The Cronbach's α coefficient for the sub-scales of the scale was .785 for the Prospective Intolerance of Uncertainty and .727 for the Inhibitory Intolerance of Uncertainty.

After excluding items, the α coefficient did not increase.

Retest Reliability

A correlation analysis of the primary and retest data was conducted in order to assess test-retest reliability. The Pearson correlation coefficient was .88 ($p < .01$).

Convergent Validity

The results of the correlational analysis, conducted using Spearman's rank correlation coefficient, demonstrated that the total score of the IUS-12, as well as its subscales (Prospective and Inhibitory Intolerance to Uncertainty), were negatively associated with the Tolerance to Ambiguity scale and positively associated with the scales measuring related constructs, namely Intolerance of Ambiguity and Interpersonal Intolerance of Ambiguity (Table 2). This finding provides evidence supporting the convergent validity of the IUS-12.

Given the theoretical and empirical evidence indicating a relationship between intolerance of uncertainty and negative emotional states, such as anxiety and depression, we conducted a correlation analysis between the DASS-21 subscales and the IUS-12 to further assess the convergent validity. It has been shown in a wide range of research that intolerance to uncertainty is closely related to worry, anxiety and depression, not only in clinical, but also in a sub-clinical and a non-clinical sample (see Carleton et al., 2007). Hence, we expected moderate to strong correlations between IUS-12 and DASS-21 measurement.

It has been shown that Prospective Intolerance of Uncertainty and Inhibitory Intolerance of Uncertainty subscales of IUS-12 have moderate correlations with DASS-21 subscales (Table 3).

Table 2

Correlations between the IUS-12 Scores and the Tolerance – Intolerance of Ambiguity New Questionnaire by T.V. Kornilova (Spearman's Rank Correlation Coefficient)

	PIU	IU	IUS-Total
TA	-.324***	-.296***	-.335***
IA	.263***	.389***	.337***
InterIA	.607***	.556***	.632***

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Note. TA – Tolerance to Ambiguity (NTA questionnaire), IA – Intolerance to Ambiguity, InterIA – Interpersonal Intolerance to Ambiguity; PIU – Prospective Intolerance to Uncertainty scale (IUS-12), IU – Inhibitory Intolerance to Uncertainty scale (IUS-12), IUS-Total – total score of the IUS-12; N = 200.

Table 3

Correlations of IUS-12 and DASS-21 (Spearman Correlation Coefficient)

Scale (sub-scale)	Depression	Anxiety	Stress
Total score IUS-12	.427***	.456***	.441***
Prospective Intolerance of Uncertainty	.459***	.465***	.453***
Inhibitory Intolerance of Uncertainty	.330***	.393***	.374***

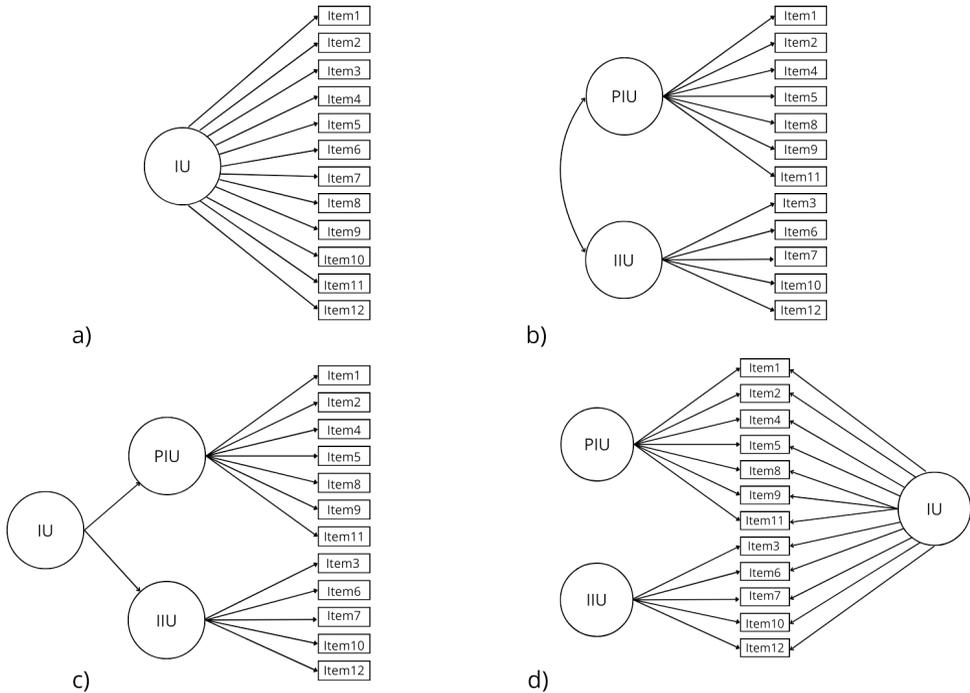
*** $p < 0.001$.

Internal Structure of the IUS-12 Scale

In order to analyze the internal structure of the IUS-12 scale, we conducted a confirmatory factor analysis using the maximum likelihood (ML) method. In line with previous studies, four models were tested: a one-factor model, a two-factor model, a hierarchical two-factor model with one latent factor, and a full bifactor model with one general and two specific factors (Figure 1).

Figure 1

Four Models of IUS-12

Note. a) a one-factor model, b) a two-factor model, c) a hierarchical two-factor model with one latent factor, d) a full bifactor model with one general and two specific factors; IU – intolerance to uncertainty, PIU – prospective intolerance to uncertainty, IIU – inhibitory intolerance to uncertainty.

The following goodness-of-fit indices were used to assess the model: 1) RMSEA < .06; 2) CFI > .95; 4) TLI > .90; 5) GFI > .95; 6) SRMR < .08. The results are presented in Table 4.

As shown in Table 4, the bifactor model, which includes one general factor and two specific factors, demonstrated the best fit to the data, aligning with the results of several previous studies (Hale et al., 2016; Huntley et al., 2020; Hernández-Posadas et al., 2023).

Gender Differences

Since the majority of the sample in our study was female, we conducted independent samples t tests to assess gender differences. The results are presented in Table 5. Descriptive statistics are presented in Table 6. As it can be seen from the tables, women demonstrated slightly higher levels of both prospective and inhibitory intolerance of uncertainty and of general intolerance of uncertainty.

Table 4

CEFA Model Fit Indices

Model	χ^2, p	df	RMSEA (90% CI)	CFI	TLI	GFI	SRMR	AIC
One-factor model	481, $p < .001$	54	.091 (.084–.099)	.878	.851	.980	.052	33941.343
Two-factor model	478, $p < .001$	53	.092 (.084–.100)	.878	.849	.980	.052	33941.153
Hierarchical two-factor model	479, $p < .001$	52	.93 (.085–.101)	.878	.845	.980	.052	33907.299
Bifactor model	188, $p < .001$	39	.063 (.054–.073)	.958	.928	.993	.028	33641.840

Table 5

Gender Differences of IUS-12 (Student's t)

	Statistic	df	p	Mean difference	SE difference	Effect Size (Cohen's d)
Prospective Intolerance of Uncertainty	4.35	949	< .001	1.81	.415	.319
Inhibitory Intolerance of Uncertainty	3.3	949	< .001	1.02	.308	.242
Intolerance of Uncertainty (total score)	4.18	949	< .001	2.82	.675	.307

Table 6

Descriptive Statistics						
	Group	N	Mean	Median	SD	SE
Prospective Intolerance of Uncertainty	Female	698	20.9	21	5.71	.216
	Male	253	19.1	19	5.50	.346
Inhibitory Intolerance of Uncertainty	Female	698	15.9	16	4.29	.162
	Male	253	14.9	15	3.93	.247
Intolerance of Uncertainty (total score)	Female	698	36.8	37	9.39	.355
	Male	253	34.0	34	8.67	.545

Age-Related Characteristics

Since the age of participants in our study ranged from 18 to 47 years, we conducted a correlational analysis between the IUS-12 scales and age (see Table 7).

Thus, based on the data presented in the table, no significant correlations were found between the IUS-12 scores and age.

Table 7

Correlation Analysis Results for IUS-12 Scales and Age (Spearman’s Rank Correlation Coefficient)

IUS-12	Age
PIU	-.048, $p = .136$
IIU	-.033, $p = .316$
IUS-Total	-.043, $p = .189$

Note. PIU – Prospective Intolerance to Uncertainty scale (IUS-12), IIU – Inhibitory Intolerance to Uncertainty scale (IUS-12), IUS-Total – total score of the IUS-12; N = 200.

Discussion

The current study examined the psychometric characteristics of the short version of Intolerance of Uncertainty Scale-12. The original version of IUS-12 was developed in 2007 by N. Carleton and colleagues and demonstrated high psychometric properties.

Our study showed that the Russian version of the Intolerance to Uncertainty Scale (IUS-12) had high internal consistency and high test-retest reliability. The convergent validity test demonstrated satisfactory correlation coefficients with subscales of the DASS-21 questionnaire.

A large number of studies have shown that intolerance to uncertainty is a transdiagnostic risk factor underlying a number of emotional disorders (Carleton et al., 2012). Theoretically, the relationship between intolerance of uncertainty and anxiety

follows more easily than between intolerance of uncertainty and depression, since anxiety itself is a response to uncertainty. “Fear of the unknown may be a, or possibly the, fundamental fear” (Carleton, 2016b, p. 39). Some theorists believe that intolerance to uncertainty may play a significant role not only in emerging of anxiety, but also in contributing to depressive disorders. There is some theoretical and empirical evidence supporting this assumption (see, for example, McEvoy & Mahoney, 2011; Miranda et al., 2008). Of particular importance is the fact that the relationship between intolerance to uncertainty and negative emotionality is observed both in clinical and nonclinical samples (see Dugas et al., 2001). In our study, satisfactory correlation coefficients between IUS-12 and DASS-21 subscale scores indicate a convergent validity of the IUS-12.

To evaluate the internal structure of the IUS-12, confirmatory factor analysis was conducted. Although early work showed that the IUS-12 has a two-factor structure (Prospective IU and Inhibitory IU), in recent years there has been increasing evidence supporting a bifactor model, with a common IU factor and two specific factors. In line with previous studies, we tested four different models: a one-factor model (general IU factor), a two-factor model (Prospective IU and Inhibitory IU), hierarchical two-factor model (with general second-order factor IU) and bi-factor model (general IU factor and specific Prospective IU and Inhibitory IU factors). Our findings confirm the hypothesis that the bifactor model provides the best fit to the data, highlighting its superiority over alternative models. This result gives greater significance to the general Intolerance to Uncertainty factor, which must be taken into account when interpreting the results of future studies.

The question of the dimensionality of intolerance to uncertainty is essential in the context of emotional psychopathologies, since intolerance to uncertainty is considered as a transdiagnostic risk factor for a wide range of emotional disorders. Different studies support the association of specific components of the IU (i.e. Prospective Intolerance of Uncertainty and Inhibitory Intolerance of Uncertainty) with specific disorders, highlighting the role of specific factors. While the results of various studies examining the relationships between specific IU factors and symptoms of anxiety and depression are not entirely consistent (see, e.g., Jensen et al., 2016), these studies still appear to be of considerable value. For example, research shows that Prospective IU is associated with panic disorder, social anxiety, and depression, while Inhibitory IU is more closely related to GAD and OCD (McEvoy & Mahoney, 2011, 2012). O’Bryan et al. (2021) found that both general IU and Prospective IU had an indirect effect on anxiety via anxiety sensitivity, but this pattern was not observed for Inhibitory IU. Morriss et al. (2024) showed that the inhibitory IU subscale (uncertainty paralysis) was associated with paranoia, anxiety, and depression, whereas the prospective IU subscale (desire for predictability) was associated only with depression, but not paranoia and anxiety.

At the same time, recent evidence supports the superiority of the bifactor model, in which the general factor plays a greater role. As it was pointed out by some researchers, the interpretation of the results obtained from the two specific

dimensions could be very limited (Hale et al., 2016), and the subscale data should be interpreted with caution (Shihata et al., 2018). However, as noted by Yao et al. (2021), the research questions must be taken into account: if the aim of a study is to examine the difference between prospective and inhibitory IU in relation to psychopathology, a two-factor model may be preferable; if the focus is to examine the role of trait IU, a unidimensional or bifactor model can be used.

In addition, it seems important to verify the structure of the Intolerance to Uncertainty in clinical as well as in non-clinical samples. Although the superiority of the bifactor model was demonstrated in both samples, it is still possible that the structure of the IUS-12 may vary across different samples.

In order to assess gender differences, we conducted an independent sample *t* test. The results showed higher levels of intolerance to uncertainty in the female group. While several studies did not find any gender differences in intolerance of uncertainty (Kusec et al., 2024), our results are consistent with some others studies (Kretzmann & Gauer, 2020).

Limitations

Our study is not without limitations. One limitation is that the scale was validated using a sample composed entirely of healthy individuals. At the same time, this limitation can serve as a direction for further research. Although existing data suggest that IUS-12 can be successfully applied to healthy subjects inclusively, data of clinical samples will significantly expand our understanding of the construct of intolerance to uncertainty and possibility of applying IUS-12 scale on Russian-speaking samples. Studying the structure of the IUS-12 in a sample of patients with anxiety and depressive disorders can shed light on the structure of the Intolerance to Uncertainty.

Another limitation pertains to the overrepresentation of women in our sample. Some studies show higher levels of intolerance to uncertainty in women, while other studies find no gender differences. It may be crucial to investigate gender differences in uncertainty intolerance in the future, especially in the context of studying emotional and mood disorders.

Conclusion

The problem of uncertainty stands as one of the most pressing issues of our era. Fear of the unknown is one of the basic human fears. It is the fear of the unknown that underlies such a personal variable as intolerance to uncertainty. A large number of foreign studies have shown that uncertainty intolerance is strongly associated with emotional disorders such as anxiety and depression, and negative emotional states.

The purpose of this article was to assess psychometric characteristics of the short version of IUS-12 on a Russian-speaking sample. This scale has proven to be a reliable and valid tool for assessing intolerance to uncertainty. The undoubted advantage of IUS-12 scale, as has been shown in a number of studies, is the possibility

of its use in clinical samples, which seems especially important in context of exploring the relationship of intolerance to uncertainty and anxiety and depressive disorders.

In our study, the IUS-12 demonstrated high rates of retest reliability and internal consistency reliability, satisfactory convergent validity scores. Analysis of internal structure of the scale on our sample proved superiority of the bifactor model, which supports unidimensionality of the construct.

Future research could focus on evaluating the psychometric properties of the IUS-12 within clinical samples, as well as investigating gender differences of intolerance to uncertainty on a gender balanced sample.

References

- Antonova, N. A., Eritsyanyan, K. Yu., & Usacheva, N. M. (2023). The role of ideological beliefs and tolerance for uncertainty in seeking esoteric services. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, *14*(4), 194–209. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140412> (in Russian)
- Bakos, A., & Koós, M. (2024). Psychometric properties of the Hungarian version of the Intolerance of Uncertainty Scale-Short Version (IUS-12). *Neuropsychopharmacologia Hungarica*, *26*(1), 5–16.
- Berenbaum, H., Bredemeier, K., & Thompson, R. J. (2008). Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality. *Journal of Anxiety Disorders*, *22*(1), 117–125. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2007.01.004>
- Buhr, K., & Dugas, M. J. (2002). The intolerance of uncertainty scale: Psychometric properties of the English version. *Behaviour Research and Therapy*, *40*(8), 931–945. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(01\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(01)00092-4)
- Buhr, K., & Dugas, M. J. (2009). The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation. *Behaviour Research and Therapy*, *47*(3), 215–223. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2008.12.004>
- Carleton, R. N. (2016a). Fear of the unknown: One fear to rule them all? *Journal of Anxiety Disorders*, *41*, 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.03.011>
- Carleton, R. N. (2016b). Into the unknown: A review and synthesis of contemporary models involving uncertainty. *Journal of Anxiety Disorders*, *39*, 30–43. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.02.007>
- Carleton, R. N., Mulvogue, M. K., Thibodeau, M. A., McCabe, R. E., Antony, M. M., & Asmundson, G. J. G. (2012). Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, *26*(3), 468–479. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2012.01.011>
- Carleton, R. N., Norton, M. A. P. J., & Asmundson, G. J. G. (2007). Fearing the unknown: A short version of the Intolerance of Uncertainty Scale. *Journal of Anxiety Disorders*, *21*(1), 105–117. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2006.03.014>
- Chaaya, R., Hallit, R., Postigo, A., Malaeb, D., Sakr, F., Dabbous, M., Alhuwailah, A., Shuwiekh, H. A. M., Obeid, S., Fekih-Romdhane, F., & Hallit, S. (2024). Psychometric properties of the Arabic version of the intolerance of uncertainty scale: A multinational study. *BMC Psychology*, *12*(1), Article 156. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01631-x>
- Dugas, M. J., Gosselin, P., & Ladouceur, R. (2001). Intolerance of uncertainty and worry: Investigating specificity in a nonclinical sample. *Cognitive Therapy and Research*, *25*(5), 551–558.
- Dugas, M. J., & Robichaud, M. (2007). *Cognitive-behavioral treatment for generalized anxiety disorder: From science to practice*. Routledge; Taylor & Francis Group.

- Freeston, M., Rheaume, J., Letarte, H., Dugas, M. J., & Ladouceur, R. (1994). Why do people worry? *Personality and Individual Differences*, *17*, 791–802. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)90048-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)90048-5)
- Grenier, S., Barrette, A.-M., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: Similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, *39*(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Hale, W., Richmond, M., Bennett, J., Berzins, T., Fields, A., Weber, D., Beck, M., & Osman, A. (2016). Resolving uncertainty about the Intolerance of Uncertainty Scale-12: Application of modern psychometric strategies. *Journal of Personality Assessment*, *98*(2), 200–208. <https://doi.org/10.1080/00223891.2015.1070355>
- Helsen, K., Van den Bussche, E., Vlaeyen, J. W. S., & Goubert, L. (2013). Confirmatory factor analysis of the Dutch Intolerance of Uncertainty Scale: Comparison of the full and short version. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, *44*(1), 21–29. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2012.07.004>
- Hernández-Posadas, A., De la Rosa-Gómez, A., Lommen, M. J. J., Bouman, T. K., Mancilla-Díaz, J. M., & Del Palacio González, A. (2023). Psychometric properties of the Mexican version of the Intolerance of Uncertainty Scale: The IUS-12M. *Interacciones*, *9*, Article e358. <https://doi.org/10.24016/2023.v9.358>
- Huntley, C. D., Young, B., Tudur Smith, C., & Fisher, P. L. (2020). Uncertainty and test anxiety: Psychometric properties of the Intolerance of Uncertainty Scale-12 (IUS-12) among university students. *International Journal of Educational Research*, *104*, Article 101672. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2020.101672>
- Jacoby, R. J., Fabricant, L. E., Leonard, R. C., Riemann, B. C., & Abramowitz, J. S. (2013). Just to be certain: Confirming the factor structure of the Intolerance of Uncertainty Scale in patients with obsessive-compulsive disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, *27*(5), 535–542. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2013.07.008>
- Jensen, D., Cohen, J. N., Mennin, D. S., Fresco, D. M., & Heimberg, R. G. (2016). Clarifying the unique associations among intolerance of uncertainty, anxiety, and depression. *Cognitive Behaviour Therapy*, *45*(6), 431–444. <https://doi.org/10.1080/16506073.2016.1197308>
- Kornilova, T. V. (2010). Novyi oprosnik tolerantnosti–intolerantnosti k neopredelennosti [Tolerance-Intolerance of Ambiguity New Questionnaire]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, *31*(1), 74–86.
- Kornilova, T. V., & Krasavtseva, Yu. V. (2023). Vulnerable buoyancy: A new view on emotional regulation under uncertainty. *Chelovek*, *34*(4), 39–57. <https://doi.org/10.31857/S023620070027352-4> (in Russian)
- Kornilova, T. V., & Pavlova, E. M. (2020). Risk Intelligence Scale and its relationship with risk readiness and emotional intelligence. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, *28*(4), 59–78. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280404> (in Russian)
- Kretzmann, R. P., & Gauer, G. (2020). Psychometric properties of the Brazilian Intolerance of Uncertainty Scale – Short Version (IUS-12). *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, *42*(2), 129–137. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2018-0087>
- Krohne, H. W. (1989). The concept of coping modes: Relating cognitive person variables to actual coping behavior. *Advances in Behaviour Research and Therapy*, *11*(4), 235–248. [https://doi.org/10.1016/0146-6402\(89\)90027-1](https://doi.org/10.1016/0146-6402(89)90027-1)

- Kumar, S., Saini, R., Jain, R., & Sakshi. (2022). Confirmatory factor analysis of the Intolerance of Uncertainty Scale (short form) in India. *International Journal of Mental Health, 51*(4), 361–380. <https://doi.org/10.1080/00207411.2021.1969321>
- Kusec, A., Murphy, F. C., Peers, P. V., & Manly, T. (2024). Measuring intolerance of uncertainty after acquired brain injury: Factor structure, reliability, and validity of the Intolerance of Uncertainty Scale-12. *Assessment, 31*(4), 794–811. <https://doi.org/10.1177/10731911231182693>
- Ladouceur, R., Gosselin, P., & Dugas, M. J. (2000). Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: A study of a theoretical model of worry. *Behaviour Research and Therapy, 38*(9), 933–941. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(99\)00133-3](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(99)00133-3)
- Lauriola, M., Foschi, R., Mosca, O., & Weller, J. (2016). Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales. *Assessment, 23*(3), 353–373. <https://doi.org/10.1177/1073191115577188>
- Lauriola, M., Mosca, O., Trentini, C., Foschi, R., Tambelli, R., & Carleton, R. N. (2018). The Intolerance of Uncertainty Inventory: Validity and comparison of scoring methods to assess individuals screening positive for anxiety and depression. *Frontiers in Psychology, 9*, Article 388. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00388>
- Leontiev, D. A., & Mospan, A. N. (2022). Sovladanie s neopredelennost'yu kak konstruirovanie sub'ektivnoi opredelennosti: variatsii i prediktory [Coping with uncertainty as the construction of subjective certainty: variations and predictors]. In *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustoychivost' i izmenchivost' otnoshenii, lichnosti, gruppy v epokhu neopredelennosti: Sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kostroma, 22–24 sentyabrya 2022 goda)* [Psychology of stress and coping behavior: stability and variability of relationships, individuals, groups in an era of uncertainty: Proceedings of the Sixth International Scientific Conference. Kostroma, September 22–24, 2022] (pp. 253–258). Kostroma: Nekrasov Kostroma State University.
- Leontiev, D. A., Osin, E. N., & Lukovitskaya, E. G. (2016). *Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: Shkaly D. Makleina* [Diagnostics of tolerance to uncertainty: D. McLain's scales]. Moscow: Smysl.
- McEvoy, P. M., & Mahoney, A. E. J. (2011). Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders, 25*(1), 112–122. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2010.08.010>
- McEvoy, P. M., & Mahoney, A. E. J. (2012). To be sure, to be sure: Intolerance of uncertainty mediates symptoms of various anxiety disorders and depression. *Behavior Therapy, 43*(3), 533–545. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2011.02.007>
- Miranda, R., Fontes, M., & Marroquín, B. (2008). Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms. *Behaviour Research and Therapy, 46*(10), 1151–1159. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2008.05.009>
- Morriss, J., Gaudiano, B. A., So, S. H., Kingston, J., Lincoln, T., Morris, E. M. J., & Ellett, L. (2024). Associations between intolerance of uncertainty, paranoia, anxiety, and depression: Evidence from an international multisite sample. *Mental Health Science, 2*(4), Article e81. <https://doi.org/10.1002/mhs2.81>
- Mospan, A. N. (2023). Coping with stress of uncertainty. *Chelovek, 34*(2), 40–51. <https://doi.org/10.31857/S023620070025530-0> (in Russian)
- Norton, P. J. (2005). A psychometric analysis of the Intolerance of Uncertainty Scale among four racial groups. *Journal of Anxiety Disorders, 19*(6), 699–707. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2004.08.002>
- O'Bryan, E. M., Stevens, K. T., Bimstein, J. G., Jean, A., Mammo, L., & Tolin, D. F. (2022). Intolerance of uncertainty and anxiety symptoms: Examining the indirect effect through anxiety sensitivity

- among adults with anxiety-related disorders. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 44(2), 353–363. <https://doi.org/10.1007/s10862-021-09912-0>
- Sexton, K. A., Norton, P. J., Walker, J. R., & Norton, G. R. (2003). Hierarchical model of generalized and specific vulnerabilities in anxiety. *Cognitive Behaviour Therapy*, 32(2), 82–94. <https://doi.org/10.1080/16506070302321>
- Shestova, M. A. (2021). Relationship between emotional sphere, tolerance of uncertainty and productive decision-making strategies. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. Seriya: Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki [Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences]*, 18(3), 145–156. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.10> (in Russian)
- Shihata, S., McEvoy, P. M., & Mullan, B. A. (2018). A bifactor model of intolerance of uncertainty in undergraduate and clinical samples: Do we need to reconsider the two-factor model? *Psychological Assessment*, 30(7), 893–903. <https://doi.org/10.1037/pas0000540>
- Simos, G., & Nisyraiou, A. (2023). Factor structure, validity and reliability of the Intolerance of Uncertainty Scale-12 (IUS-12) in a Greek undergraduate sample. *Psychiatry International*, 4(2), 68–78. <https://doi.org/10.3390/psychiatryint4020010>
- Sokolova, E. T. (2015). Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty and ambiguity: clinical approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 8(40). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.560> (in Russian)
- Tkhostov, A. S., Nelyubina, A. S., Razlutsky, A. A., & Merzlyakova, A. M. (2022). Approbation of “Intolerance of Uncertainty Scale (IUS)” in Russian language. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya [Theoretical and Experimental Psychology]*, 15(4), 43–59. (in Russian)
- Volarov, M., Saulnier, K. G., Allan, N. P., Shapiro, M. O., & Mihić, L. (2021). Are we still uncertain about the latent structure of intolerance of uncertainty: Results from factor mixture modeling in a Serbian sample. *Journal of Affective Disorders*, 294, 505–512. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.07.081>
- Wilson, E. J., Stapinski, L., Dueber, D. M., Rapee, R. M., Burton, A. L., & Abbott, M. J. (2020). Psychometric properties of the Intolerance of Uncertainty Scale-12 in generalized anxiety disorder: Assessment of factor structure, measurement properties and clinical utility. *Journal of Anxiety Disorders*, 76, Article 102309. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102309>
- Yang, Z. (2013). Psychometric properties of the Intolerance of Uncertainty Scale (IUS) in a Chinese-speaking population. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 41(4), 500–504. <https://doi.org/10.1017/S1352465812000975>
- Yao, N., Qian, M., Jiang, Y., & Elhai, J. D. (2021). The Influence of intolerance of uncertainty on anxiety and depression symptoms in Chinese-speaking samples: Structure and validity of the Chinese translation of the Intolerance of Uncertainty Scale. *Journal of Personality Assessment*, 103(3), 406–415. <https://doi.org/10.1080/00223891.2020.1739058>
- Zlobina, M. V. (2022). Adaptation of the Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50) by R. Norton: Analysis of internal structure. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(3), 433–453. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-433-453> (in Russian)
- Zlobina, M. V., & Pervushina, O. N. (2017). Intolerance for ambiguity and depression. *Reflexio*, 10(2), 126–141. (in Russian)
- Zlotareva, A. (2021). Psychometric examination of the Russian version of the Depression, Anxiety, and Stress Scales-21. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 42(5), 80–88. <https://doi.org/10.31857/S020595920017077-0> (in Russian)

AMBIGUITY INTOLERANCE: RESULTS OF AN ADAPTATION OF THE SHORT AMBIGUITY INTOLERANCE SCALE (SAIS-7) ON A RUSSIAN SAMPLE

E. V. ZABELINA^a, A. A. DANILOVA^a, I. PEDOVIĆ^b, N. ČIROVIĆ^b

^a *Chelyabinsk State University, 129 Bratyevo Kashirnykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation*

^b *University of Niš, 2 Ćirila i Metodija, Niš, 18105, Serbia*

Нетерпимость к неоднозначности: результаты адаптации Краткой шкалы нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) на русскоязычной выборке

Е.В. Забелина^a, А.А. Данилова^a, И. Педович^b, Н. Чирович^b

^a *Челябинский государственный университет, 454001, Российская Федерация, Челябинск, ул. Братьев
Кашириных, д. 129*

^b *Нишский университет, 18105, Сербия, Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2*

Abstract

Ambiguity intolerance is a relatively new psychological phenomenon, which manifests its relevance in the conditions of instability of the modern world. Intolerance to ambiguity that is often not distinguished with the intolerance to uncertainty, refers to an individual's predisposition to react aversely to ambiguous situations. This tendency manifests across three domains: cognitively, through dichotomous (black-and-white) thinking; affectively, through experiences of anxiety and discomfort; and behaviorally, through the avoidance of ambiguous scenarios. This study aims to fill the existing gap in methodological development of this phenomenon in the Russian context. The aim

Резюме

Нетерпимость к неоднозначности (ambiguity intolerance) — относительно новый психологический феномен, проявляющий актуальность в условиях неустойчивости современного мира. Нетерпимость к неоднозначности, которую часто не отличают от нетерпимости к неопределенности, отражает тенденцию негативно реагировать на двусмысленные ситуации. Это проявляется в черно-белом мышлении на когнитивном уровне, тревоге и дискомфорте на эмоциональном уровне, а также в избегании таких ситуаций на поведенческом уровне. Настоящее исследование призвано восполнить имеющийся пробел в части методической разработки этого феномена в российском контексте. Целью стали выявление психометрических характеристик и адаптация

was to identify psychometric characteristics and adapt the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) on a Russian sample. The study involved 2,709 respondents aged between 18 and 87 years ($M = 34.27$, $\sigma = 14.73$) with different socio-demographic characteristics. Confirmatory factor analysis found the final (ex post) model of the scale, having a single-factor structure in which the indices of consent best meet the original data after adding links between errors of variables: $CMIN = 100.909$; $df = 12$; $p = .000$; $GFI = .974$; $CFI = .990$; $RMSEA = .052$; $Pclose = .325$. The results of the study allow us to establish acceptable indicators of the internal reliability and convergence. The identified patterns support that the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) is a reliable and robust tool, extending the scope for empirical studies on the intolerance to ambiguity, including cross-cultural design.

Keywords: ambiguity, uncertainty, ambiguity intolerance, tolerance to uncertainty, VUCA, short scale of ambiguity intolerance (SAIS-7).

Ekaterina V. Zabelina — Professor, Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University, DSc in Psychology, Associate Professor.

Research Area: general and social psychology, economic behavior, psychology of time, ecological consciousness, cognitive processes.

E-mail: katya_k@mail.ru

Anastasia A. Danilova — Associate Professor, Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University, PhD in Pedagogical Sciences.

Research Area: social and organizational psychology, psychology of well-being.

E-mail: ensti1988@mail.ru

Краткой шкалы нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) на российской выборке. В исследовании приняли участие 2709 респондентов, в возрасте от 18 до 87 лет ($M = 34.27$, $\sigma = 14.73$) с различными социально-демографическими характеристиками. Конфирматорный факторный анализ констатировал итоговую (апостериорную) модель шкалы нетерпимости к неоднозначности, имеющую однофакторную структуру, индексы согласия в которой наилучшим образом удовлетворяют исходным данным после добавления связей между ошибками переменных: $CMIN = 100.909$; $df = 12$; $p = 0.000$; $GFI = 0.974$; $CFI = 0.990$; $RMSEA = 0.052$; $Pclose = 0.325$. Результаты исследования позволяют констатировать приемлемые показатели внутренней надежности и конвергентной валидности. Выявленные закономерности свидетельствуют в пользу того, что Краткая шкала нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) является надежным и валидным инструментом, расширяющим возможности проведения эмпирических исследований конструктора нетерпимости к неоднозначности, в том числе в кросс-культурном дизайне.

Ключевые слова: неоднозначность, неопределенность, нетерпимость к неоднозначности, толерантность к неопределенности, VUCA, краткая шкала нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7).

Забелина Екатерина Вячеславовна — профессор, кафедра психологии, Институт образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, доктор психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: общая и социальная психология, экономическое поведение, психология времени, экологическое сознание, когнитивные процессы.

Контакты: katya_k@mail.ru

Данилова Анастасия Анатольевна — доцент, кафедра психологии, Институт образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, кандидат педагогических наук.

Сфера научных интересов: социальная и организационная психология, психология благополучия.

Контакты: ensti1988@mail.ru

Ivana Pedović — Professor, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia), DSc in Psychology.

Research Area: social psychology, emotional processes, social behavior and activism, cognitive psychology.

E-mail: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Nikola Ćirović — Teaching Assistant, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia), MSc in Psychology.

Research Area: social psychology, social behavior and activism, cognitive psychology, cultural values.

E-mail: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Педович Ивана — профессор, кафедры психологии, философский факультет, Нишский университет (Сербия), доктор психологии.

Сфера научных интересов: социальная психология, эмоциональные процессы, социальное поведение и активизм, когнитивная психология.

Контакты: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Чирович Никола — ассистент преподавателя, кафедры психологии, философский факультет, Нишский университет (Сербия), магистр психологии.

Сфера научных интересов: социальная психология, социальное поведение и активизм, когнитивная психология, культурные ценности.

Контакты: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Ambiguity is becoming an integral part of the modern society. The technological development, on the one hand, is oriented towards the formation of a comfortable and safe world, while, on the other hand, it increases the amount of information and the variability of the environment that determines the complex situation of choice. Characterizing the modern world, researchers and practitioners describe new conditions through the abbreviation VUCA (volatility, uncertainty, complexity and ambiguity) (De Schauer, 2022; Baran & Woznyj, 2021). Such realities of the modern world as socio-economic transformations and terrorist threats (Bennett & Lemoine, 2014), development of information technologies, political instability (Troise et al., 2022), and new biological and environmental threats (Noda, 2020) define the rise of ambiguity. The issues related to the characteristics of a VUCA world affect the psychological aspects of society creating a cognitive and emotional tension (De Schauer, 2022; Luthans & Broad, 2022). In sum, the modern reality makes people exist, think and act effectively in the conditions of ambiguity.

Effective management of ambiguity requires flexibility, the ability to manage crisis situations and cope with stress (Baran & Woznyj, 2021). A promising approach to this problem is seen in its consideration through the prism of the concept of tolerance (intolerance) to ambiguity. For the first time, this phenomenon as an attitude to the changing, probabilistic and contradictory situation was presented by E. Frenkel-Brunswick (1948). The author concluded that tolerance/intolerance to ambiguity as a personal variable is manifested in behavioral dispositions and individual characteristics (Isaeva & Mamatova, 2021). It can be said that the intolerance to ambiguity reflects a personal tendency to react negatively on emotional, cognitive and behavioral levels to the ambiguity of situations and events (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023b, p. 657). Cognitive reactions include responses that indicate an individual's tendency to perceive the ambiguous situation strictly in black or white; emotional reactions are expressed in discomfort, resentment, anger and anxiety, and behavioral responses indicate rejection or avoidance of the ambiguous situation (Grenier et al., 2005).

The question of the conceptual nature of ambiguity intolerance remains open. According to the first approach, ambiguity intolerance is considered as a generalized personality trait. It is a stable tendency to respond to perceived ambiguity with a greater or lesser intensity, distributed in the general population (Carleton, 2016; McLain et al., 2015; Kornilova & Chumakova, 2014). The representatives of the second approach tend to see in this phenomenon a certain strategy of life implementation determined by the surrounding conditions (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a; Ladouceur et al., 2000). In our view, these approaches are not contradictory. According to the compensator control theory, humans are intolerant to ambiguity because it represents a lack of structure and deprives them of the ability to feel in control of their lives (Ma & Kay, 2017). This, in turn, forms a certain strategy of human interaction with the world (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a). Thus, this makes us consider ambiguity intolerance as a personal characteristic in response to external challenges.

Ambiguity and Uncertainty: The Problem of Distinguishing Concepts

In order to reveal the phenomenology of the ambiguity intolerance, it is worth taking into account the existence of similar but not identical concepts, which are often used as interchangeable. Thus, there is a problem of distinguishing the concepts “intolerance to ambiguity” and “intolerance to uncertainty”. This problem is especially acute in the Russian scientific literature. For example, in the study of Kornilova and Chumakova (2014) the construct “tolerance to uncertainty” is described through the lens of the methodological approaches of E. Frenkel-Brunswick and S. Budner, revealing the tolerance to ambiguity. The same situation is observed in the works devoted to studying the problem of the diagnosis of tolerance to uncertainty and the methods thereof (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023b). This is probably due to the fact that this terminology first appeared in English-language scientific studies and may be considered as a problem of translation. Indeed, available translators, such as Google or Yandex, often translate “ambiguity” and “uncertainty” identically as “uncertainty”.

In the foreign scientific literature, the problem of mixing concepts is found in earlier studies (e.g., Geller et al., 1993; Majid & Pragasam, 1997), in which ambiguity and uncertainty are seen as interchangeable on the basis of a number of similar characteristics. First, both phenomena are cognitive filters through which people perceive the environment as a source of threat. Second, they both include a tendency to react negatively, which is reflected in emotions, cognitions and behaviors in uncertain or ambiguous situations (Rosen et al., 2014).

Recent studies attempt to prove the differences of these constructs both at theoretical and empirical levels (Zvolensky et al., 2010; Grenier et al., 2005). In the work of Grenier and colleagues (Grenier et al., 2005), an attempt to distinguish these phenomena is made in relation to a time perspective. The authors note that people intolerant to ambiguity are not able to tolerate a situation “here and now” (a real situation is the source of threat). On the other hand, uncertainty intolerance refers to an unpredictable future-oriented component (uncertain future situations are the source of threat). In support of this claim, it was found that intolerance to

uncertainty plays a key role in the acquisition and maintenance of anxiety that is usually focused on the expectations of future negative consequences (Birrell et al., 2011). An attempt to prove empirically Grenier's hypothesis on the temporal orientation of the differences of the constructs was made in 2007. Although some trends have been found in the link between intolerance to uncertainty and orientation to the future, the authors did not find support for the hypothesis (Rosen et al., 2014).

In a number of studies, uncertainty and ambiguity are distinguished according to the probability of the result (e.g., Chen & Lovibond, 2016; Kirschner et al., 2016). Uncertainty refers to the situation where the result is unknown, but the probability of the result is known, whereas ambiguity is defined as higher-order uncertainty, that is, complete ignorance about the result (Chen & Lovibond, 2016; Kirschner et al., 2016). In the experimental study (Kirschner et al., 2016), it was found that manipulating only the uncertainty of the situation did not reveal differences between patients with generalized anxiety disorder and the control group, which contradicts a large number of studies. However, with the additional introduction of incentives for ambiguity, it was possible to identify differences between groups of highly anxious and low anxious people (Ibid.). Scientists have concluded that the intolerance to uncertainty is related to increased threat assessment and negative affect in the conditions of ambiguity, but not uncertainty (Chen & Lovibond, 2016). Ambiguity in this case is a particularly powerful trigger for the biased threat assessment and negative affect included in the uncertainty. The data presented clearly indicate the need to separate the concepts of uncertainty and ambiguity, both at the terminological and conceptual levels.

In the context of this study, ambiguity is understood as a subjective perception of missing (Frisch & Baron, 1988) or conflicting information (Trautmann & Van De Kuilen, 2015), and ambiguity intolerance is seen as a dispositional tendency to interpret the perceived ambiguity as threatening and/or discomforting (e.g. Budner, 1962). As opposed to uncertainty, ambiguity does not imply a new, unknown situation or a complex task (Pedović et al., 2022). In view of the above, there is a growing need to find adequate ways of measuring and diagnosing ambiguity intolerance, and it requires adapting the available methodological tools to different cultural samples. This work aims to identify the psychometric characteristics of the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) on a Russian sample.

Measuring Instruments of the Ambiguity Intolerance

At present, questionnaires are the most common method of assessing ambiguity intolerance, but the choice of tools adapted on Russian samples is largely limited. The most frequently used methods are MAT-50 (Norton, 1975), S. Budner scale (Budner, 1962) and MSTAT-1 (McLain, 1993).

Among the main techniques is Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50) developed in 1975. This scale is quite big, consisting of 50 points "truth-lie", such as "Usually the more clearly defined rules in society, the better" or "I worry when I do not know how strangers react to me" (Grenier et al., 2005). In 2022, this technique was adapted to a Russian-language sample. As a result of the confirmatory factor analysis, it was not possible to confirm the original eight-factor model of the

questionnaire. Seven factors were identified, reflecting the levels of the tolerance to ambiguity in different spheres of life (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a).

One of the most commonly used tools in the research is the Tolerance Ambiguity Scale (Budner, 1962), which popularity can be explained by its shortness; it consists of 16 (12) points (Rosen et al., 2014; Grenier et al., 2005). Each item refers to one of the four types of ambivalent situations: (1) assessing a variety of others (e.g., “I avoid an environment in which people do not share my values”); (2) change (e.g., “The sooner we all acquire similar values and ideals”); (3) complex perspectives (e.g., “I would like to live in a foreign country for a while”); and (4) unfamiliarity (e.g., “I like to surround myself with things that I know”) (Rosen et al., 2014). The methodology was originally designed to assess tolerance/intolerance to ambiguity as two poles of one scale. However, as noted by Kornilova and Chumakova (2014), in modern studies the scale is used more often as a measure of tolerance to uncertainty, which can lead to unexpected results that are difficult to interpret. Besides, the methodology does not give a solid statistical support: it shows a great variety of the factor structure and, accordingly, a variety of interpretations of the results on different cultural samples (Ibid.).

Recently, McLain proposed a Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance-1, 1993 (MSTAT-1). Tolerance to ambiguity is seen here as a range of reactions, from rejection to attractiveness, when perceiving unknown, complex, dynamically uncertain or having contradictory interpretations of the stimuli (Kondrashikhina, 2015, p. 84). The first adaptation of the questionnaire on the Russian sample took place in 1998 in the work of Lukovitskaya, then in 2010 in the work of Osin (Osin, 2010). The questionnaire identified groups of homogeneous items forming five subscales: attitude to novelty, attitude to complex tasks, attitude to uncertain situations, preference for uncertainty and tolerance/avoidance of uncertainty. Thus, here we see a methodological problem of not distinguishing terms, and it can be concluded that the questionnaire is aimed at identifying tolerances to uncertainty rather than ambiguity.

The use of the English-language questionnaires to assess ambiguity intolerance raises reasonable doubts. There is an obvious need for a comprehensive and reliable psycho-diagnostic tool, characterized by brevity and low variability of factors. Our attention was drawn to the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) proposed by Serbian scientists in 2022 (Pedović et al., 2022). The present scale, despite its brevity, covers a wide range of the behavioral characteristics that can be characterized as an intolerance to ambiguity. Given that empirical research in general does not provide strong support for the multidimensionality of the construction of ambiguity intolerance, the merit of this scale is its unidimensionality. SAIS-7 validation was conducted in four different languages (Serbian, Bulgarian, English and Greek) and showed good results of reliability, dimension, measurement invariance, as well as sufficient convergent, external and prognostic validity of the scale (Ibid.).

Method and Procedure

First, the statements were translated from English into Russian. To ensure reliable results, the functional equivalence of the Russian and English versions of the

Ambiguity Intolerance Scale was established using the direct and reverse translation method (Brislin, 1986). Initially, seven statements reflecting aspects of ambiguity were translated into Russian (Annex). Linguistics and translation experts then assessed these definitions for accuracy. All the statements were then retranslated into English to preserve their original meaning.

In addition, the study used the following methods: MSTAT-I (in an adaptation of Lukovitskaya, 1998), TIPI-RU by C. Gosling, P. Rentfrou and V. Svochnna (in the adaptation Sergeeva, Kirillov, & Dzhumagulova, 2016), Life Satisfaction Scale by Diener (in the adaptation Osin & Leontiev, 2020). In order to monitor socio-demographic variables, reference data were collected: gender, age, place of residence, level of education, family status, religion, subjective level of income.

Sample

Data collection took place from December 1, 2024 to January, 31, 2025. The prepared questionnaire was posted in the electronic form on the website <https://science.dobro.ru>, where a detailed instruction for its filling for the volunteers of science was formulated. There was also a feedback form, in which any participant could ask questions to the researchers.

After the cleaning procedure of the sample, 2,709 reliable responses were found. The age of the respondents ranged from 18 to 87 years ($M = 34.27$, $\sigma = 14.73$). Gender distribution: 41.4% male, 58.6% female. Most of the sample (44.9%) live in cities with fewer than one million people; almost the same number live in cities with over one million inhabitants (15.6%) and cities with populations over a few million people, such as Moscow and Saint Petersburg (15.9%); 23.4% of the respondents live in small towns (villages). Distribution according to subjective income levels: 45.9% of the respondents state average income, 19.4% consider their income levels to be below average, 19.6% – above average, 8.5% say their income levels are high, and 6.3% respondents consider their incomes low. 42% of the respondents have a higher education, 17.2% have not completed higher education, 22.7% have completed secondary vocational education and 18.1% have completed general education. 45% of the respondents are married, 40% mention their status as unmarried, 13.4% are divorced, 1.3% widowed, and 0.4% of respondents indicated that they were in a relationship (marriage not registered). Distribution by the level of religiosity: 30.2% of respondents admit the existence of higher forces, 12.7% say they are atheists, 16.1% report that they do not care about religion, 28.1% call themselves believers, 12.9% agree with the statement “I believe and try to observe the rites of my religion”.

Results

In the first stage of processing the results the descriptive statistics of the items were calculated (Table 1).

Table 1

Descriptive Statistics on the Short Ambiguity Intolerance Scale

Statements	M	σ	Kurtosis	Skewness
S1. I dislike questions which could be answered correctly in many different ways	3.12	1.311	-1.015	-.162
S2. Poems with contradictions are annoying	3.06	1.356	-1.142	-.118
S3. I like stories that have consistent	3.57	1.125	-.481	-.421
S4. Vague and impressionistic pictures really have little appeal for me	3.24	1.297	-.947	-.238
S5. I don't like to work on a problem unless there's a possibility of coming out with a clear-cut answer	3.30	1.244	-.860	-.260
S6. It's annoying to listen to someone who cannot seem to make up his or her mind	3.50	1.192	-.565	-.459
S7. I hate it when you can't solve a problem right away	3.45	1.194	-.630	-.412

The results of the descriptive statistics recorded the values of the standard deviation, kurtosis and skewness within 1 per module, which allows us to assume a slight deviation from the normal distribution. All the items on the scale are positively correlated with each other (Table 2).

Table 2

Results of the Correlation Analysis of the Scale Items

	S1	S2	S3	S4	S5	S6	S7
S1	1						
S2	.492**	1					
S3	.274**	.249**	1				
S4	.382**	.440**	.211**	1			
S5	.404**	.320**	.252**	.334**	1		
S6	.235**	.258**	.209**	.283**	.258**	1	
S7	.264**	.260**	.209**	.243**	.342**	.335**	1

** $p \leq 0.01$.

An exploratory factor analysis (Table 3) was then performed using the maximum likelihood method to identify the internal structure of the questionnaire (KMO = .820; Chi-square = 3426.025, $p = .000$).

The results of the factor analysis show that the dispersion of all items is the one factor with not very high but significant loads (> .4). Therefore, the content of all statements reflects a single latent construction.

Further, a confirmatory factor analysis was used to verify the factorial structure of the scale, with one latent factor for all seven variables. The model was tested

Table 3

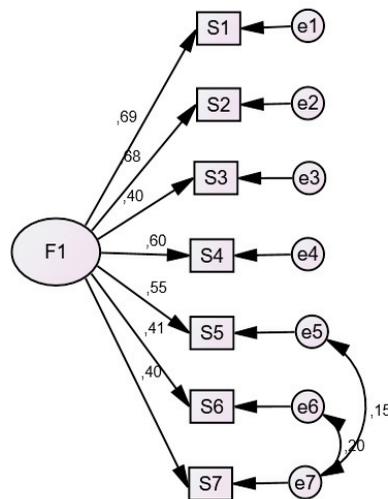
Results of the Exploratory Factor Analysis

№	Statements	Factor weighh
S1	I dislike questions which could be answered correctly in many different ways	.669
S2	Poems with contradictions are annoying	.659
S3	I like stories that have consistent characters	.405
S4	Vague and impressionistic pictures really have little appeal for me	.597
S5	I don't like to work on a problem unless there's a possibility of coming out with a clear-cut answer	.575
S6	It's annoying to listen to someone who cannot seem to make up his or her mind	.442
S7	I hate it when you can't solve a problem right away	.466
Percentage of explainable dispersion		30.65

with the AMOS SPSS module and demonstrated satisfactory compliance with the original data: CMIN = 239.717; $df = 14$; $p = .000$; GFI = .974; CFI = .935; RMSEA = .077; Pclose = .000. After the model improvement, namely, adding links between errors of the variables 6 and 7, 5 and 7 (Figure 1), the parameters of the model were even better (figure 1): CMIN = 100.909; $df = 12$; $p = .000$; GFI = .974; CFI = .990; RMSEA = .052; Pclose = .325.

Figure 1

The Model of the Scale of Ambiguity Intolerance

The correlations between variables in the model and the latent factor, as well as between errors of the variables are at a high level of significance (Table 4).

Table 4

Model Regression Coefficients: Results of the Confirmatory Factor Analysis

	Estimate	S.E.	C.R.	<i>p</i>
S2 ← F1	1.024	.039	26.447	***
S3 ← F1	.499	.029	17.297	***
S4 ← F1	.869	.035	24.504	***
S5 ← F1	.760	.033	22.738	***
S6 ← F1	.540	.031	17.592	***
S7 ← F1	.534	.031	17.065	***
S1 ← F1	1.000			

*** $p \leq 0.0001$.

The next stage of the study was to verify the reliability of the scale. The results showed an acceptable level of reliability: Cronbach’s Alpha = .748, with none of the items being removed significantly improving the reliability of the questionnaire.

Then, in order to check the convergent validity of the scale, a correlation analysis was carried out with the indicators of life satisfaction, tolerance to uncertainty and personality traits (Big Five). The analysis shows signs of the convergent validity of the scale on the Russian sample. This is evidenced by the correlations with all scales of the MSTAT-I, and especially strong – with the final subscale of the tolerance to uncertainty. Ambiguity intolerance is negatively related to positive attitude towards new ($r = -.130, p = .000$), to complex tasks ($r = -.321, p = .000$) and uncertain situations ($r = -.332, p = .000$), as well as to preference for uncertainty ($r = -.137, p = .000$) and tolerance to uncertainty ($r = -.439, p = .000$).

Analysis of the correlations with the Big Five (TIPI-RU) scales showed a direct relationship to emotional stability ($r = .064, p = .001$) and a reverse one – to openness to new experiences ($r = .096, p = .000$). This result suggests a relatively stable psychological nature of the ambiguity intolerance and the possibility to consider it as a personal trait.

Weak significant links with subjective income and life satisfaction were found. The need for simplicity and clear logic is more pronounced in respondents who are more satisfied with their financial situation ($r = .097, p = .000$) and more satisfied with their life in general ($r = .049, p = .011$).

We then tried to determine the place of this phenomenon among the socio-demographic variables. For this purpose, a comparative analysis was carried out of the ambiguity intolerance among the respondents of different gender, different family status, living in different cities. In addition, the analysis of the correlation with age, level of education and religion was performed. The analysis did not reveal differences in ambiguity intolerance between men and women ($p = .96$), or

between people with different levels of religiosity ($p = .876$). It was also found that the levels of ambiguity intolerance do not differ among people living in different cities and towns ($p = .25$).

There were differences in ambiguity intolerance among people with differences in marital status ($F = 10,295$, $p = .000$). The lowest ambiguity intolerance was found in the respondents who were in unregistered marriage ($M = 2.95$), followed by people who are not married ($M = 3.20$), then married people (3.38). The highest levels of intolerance for ambiguity are recorded in those who have lost a spouse (divorced $M = 3.44$ and widows $M = 3.35$). The ambiguity intolerance is significantly higher in those who are married than unmarried ($p = .000$). People who are divorced are significantly more intolerant to ambiguity than those who are not married ($p = .000$). However, it should be borne in mind that the groups compared are uneven in volume, and the data must be checked in additional studies. Nevertheless, these facts make it possible to consider the phenomenon studied as largely due to social experience.

The correlation with age ($r = .118$, $p = .000$) also supports this explanation. The older a person becomes, the more he or she is intolerant to ambiguous information, ambiguous relationships and behavior. This may be explained by the reduction of the mental flexibility with age, which makes it difficult to adapt to the ambiguities of the surrounding world and dictates the need for simplicity and certainty. On the other hand, there is a weak significant relationship with levels of education ($r = .060$, $p = .000$): in respondents with higher educational levels, the levels of ambiguity intolerance are higher. These contradictions highlight the need to study this phenomenon in the context of cognitive and metacognitive formations.

Discussion

Summarizing the results of the psychometric data verification of the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) on a Russian sample, it is possible to state its reliability, as well as the validity of the data obtained. The factor analysis confirms the adequacy of the single-factor structure of the SAIS-7 on a sample of Russians. The scale also showed satisfactory values of Cronbach's Alpha coefficient, which indicates the internal reliability of the diagnostic tool.

The convergent validity is confirmed by the existence of negative correlations with a positive attitude towards new, complex tasks and uncertain situations, as well as with a preference for uncertainty and tolerance to uncertainty. These data indicate that ambiguity intolerance and intolerance to uncertainty arise and are experienced as very close phenomena. At the same time, the fact that people of a higher socio-economic status and more satisfied with life show greater ambiguity intolerance (as opposed to uncertainty, Osin, 2010) indirectly indicates certain differences in their impact on personality. Besides, these differences can be explained by the changes of the socio-economic and geopolitical situation of the world, an increase in contradictory and false information, including due to the development of the artificial intelligence technologies. This result, which contradicts some theoretical and empirical data, updates further research and discussion about the relations

between uncertainty and ambiguity (Zvolensky et al., 2010; Grenier et al., 2005; Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a).

The results of the correlation analysis actualize the idea of ambiguity intolerance as a personality trait (Carleton, 2016; McLain et al., 2015) emerging in the social environment. In particular, the links with emotional stability, openness to new experiences (negative) (Jach & Smillie, 2019), satisfaction with financial status and life in general (Strout et al., 2018), as well as the association with the family status, age (Abe, 2018) and education (DeForge & Sobal, 1989) support this concept.

On the other hand, the data obtained open the possibility of considering the phenomenon of ambiguity intolerance as a shaped cognitive strategy (Grenier et al., 2005) – a way of selecting and structuring information, which then forms a strategy of the attitude towards reality (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a; Ladouceur et al., 2000). The findings that ambiguity intolerance increases with age and higher levels of education reveal the need for further research into this phenomenon in the context of cognitive and metacognitive phenomena. Probably, over-abundance of information can gradually cause resistance to blurred and ambiguous reality, reinforcing the ambiguity intolerance.

Attention should be paid to the socio-demographic characteristics of the ambiguity intolerance. The SAIS-7 indicators differ according to marital status, age and level of education, which is consistent with scientific data and confirms the suitability of the methodology for working with various socio-demographic groups (Pedović et al., 2022). Differences in ambiguity intolerance by characteristics such as gender, place of the residence, religiosity were not found. This fact may indicate the existence of cultural features of ambiguity intolerance. For example, in comparison with the Russians, gender differences were found in a sample of a Greek population: women showed higher levels of ambiguity intolerance than men, that the authors associate with women's higher cognitive perceptions of the threat (Parlapani et al., 2020). An Austrian-German study of an English-speaking sample showed that reflections on religion caused by semantic and contextual priming reinforce participants' intolerance for ambiguity (Sagioglou & Forstmann, 2013), which is not the case in this study. An Australian sample shows differences in the level of ambiguity intolerance among urban and rural residents: the latter show higher levels of ambiguity tolerance and lower levels of concern about mistakes (Eley et al., 2017). Thus, the study updates the problem of cross-cultural differences in the phenomenon being studied, and an adapted scale on a Russian sample may help to advance this issue.

The limitations of the study can be attributed to the insufficient representativeness of the sample and the remote data collection format, which could have led to the errors in the statistical calculations. In future studies, the theoretical construction of the ambiguity intolerance needs to be further elaborated and more clearly distinguished from related phenomena, such as intolerance to uncertainty.

Conclusion

This study represents evidence of the reliability and validity of the Russian version of the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) that makes it recommendable as

a research tool. The results broaden the psycho-diagnostic base and contribute to the development of population and cross-cultural studies of the ambiguity intolerance, as well as raise the question of the need for further research on similarities and differences in the phenomena of ambiguity and uncertainty in psychology.

References

- Abe, J. A. A. (2018). Personality, well-being, and cognitive-affective styles: A cross-sectional study of adult third culture kids. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 49*(5), 811–830. <https://doi.org/10.1177/0022022118761116>
- Baran, B. E., & Woznyj, H. M. (2021). Managing VUCA: The human dynamics of agility. *Organizational Dynamics, 50*(2), Article 100787. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100787>
- Bennett, N., & Lemoine, G. J. (2014). What VUCA really means for you. *Harvard Business Review, 92*(1/2). <https://www.semanticscholar.org/paper/What-VUCA-really-means-for-you-Bennett-Lemoine/04424e05aaa7e7ff6fb57ad7394b667bde62ffce>
- Birrell, J., Meares, K., Wilkinson, A., & Freeston, M. (2011). Toward a definition of intolerance of uncertainty: A review of factor analytical studies of the Intolerance of Uncertainty Scale. *Clinical Psychology Review, 31*, 1198–1208. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2011.07.009>
- Brislin, R. W. (1986). The wording and translation of research instruments. In W. J. Lonner & J. W. Berry (Eds.), *Field methods in cross-cultural psychology* (pp. 137–164). Sage Publications.
- Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality, 30*(1), 29–50. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x>
- Carleton, R. N. (2016). Fear of the unknown: One fear to rule them all? *Journal of Anxiety Disorders, 41*, 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.03.011>
- Chen, J. T., & Lovibond, P. F. (2016). Intolerance of uncertainty is associated with increased threat appraisal and negative affect under ambiguity but not uncertainty. *Behavior Therapy, 47*(1), 42–53. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.09.004>
- DeForge, B. R., & Sobal, J. (1989). Intolerance of ambiguity in students entering medical school. *Social Science & Medicine, 28*(8), 869–874. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(89\)90117-2](https://doi.org/10.1016/0277-9536(89)90117-2)
- De Schauer, O. (2022). Uncertainty as a characteristic of the modern world: Managerial aspect. *Universum: Economics and Jurisprudence, 6*(93), 17–27. <https://doi.org/10.32743/UniLaw.2022.93.6.13733> (in Russian)
- Eley, D. S., Leung, J. K., Campbell, N., & Cloninger, C. R. (2017). Tolerance of ambiguity, perfectionism and resilience are associated with personality profiles of medical students oriented to rural practice. *Medical Teacher, 39*(5), 512–519. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2017.1297530>
- Frenkel-Brunswick, E. (1948). Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality, 18*(1), 108–123. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1949.tb01236.x>
- Frisch, D., & Baron, J. (1988). Ambiguity and rationality. *Journal of Behavioral Decision Making, 1*(3), 149–157. <https://doi.org/10.1002/bdm.3960010303>
- Geller, G., Tambor, E. S., Chase, G. A., & Holtzman, N. A. (1993). Measuring physicians' tolerance for ambiguity and its relationship to their reported practices regarding genetic testing. *Medical Care, 31*(11), 989–1001. <https://doi.org/10.1097/00005650-199311000-00002>

- Grenier, S., Barrette, A., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: Similarities and differences. *Personality and Individual Differences, 39*(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Isaeva, N. I., & Mamatova, S. I. (2021). Tolerantnost' k neopredelennosti i kreativnost': obzor zarubezhnykh korrelyatsionnykh issledovaniy [Tolerance for uncertainty and creativity: A review of foreign correlation studies]. *Tendentsii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya, 5*(69), 102–109. <https://doi.org/10.18411/lj-01-2021-196>
- Jach, H. K., & Smillie, L. D. (2019). To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits. *Journal of Research in Personality, 79*, 67–78. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.02.003>
- Kirschner, H., Hilbert, K., Hoyer, J., Lueken, U., & Beesdo-Baum, K. (2016). Psychophysiological reactivity during uncertainty and ambiguity processing in high and low worriers. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry, 50*, 97–105. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2015.06.001>
- Kondrashikhina, O. A. (2015). Diagnostics tolerance for uncertainty: correlation between results of psychodiagnostic measurements. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science and Education], 5*(17), 83–87. https://pnojurnal.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/08/pdf_150514.pdf (in Russian)
- Kornilova, T. V., & Chumakova, M. A. (2014). Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Ekspertim'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)], 7*(1), 92–110. https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n1/68181 (in Russian)
- Ladouceur, R., Gosselin, P., & Dugas, M. J. (2000). Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: A study of a theoretical model of worry. *Behaviour Research and Therapy, 38*(9), 933–941. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(99\)00133-3](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(99)00133-3)
- Lukovitskaya, E. G. (1998). *Sotsial'no-psikhologicheskii smysl tolerantnosti k neopredelennosti* [The socio-psychological meaning of tolerance to uncertainty] [Unpublished doctoral dissertation]. Saint Petersburg State University, Russian Federation.
- Luthans, F., & Broad, J. D. (2022). Positive psychological capital to help combat the mental health fallout from the pandemic and VUCA environment. *Organizational Dynamics, 51*(2), Article 100817. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100817>
- Ma, A., & Kay, A. C. (2017). Compensatory control and ambiguity intolerance. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 140*, 46–61. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2017.04.001>
- Majid, A., & Pragasam, J. (1997). Interactions of intolerance of ambiguity and of contingent liability on auditor's avoidance of litigation. *Psychological Reports, 81*(3), 935–944. <https://doi.org/10.2466/pr0.1997.81.3.935>
- McLain, D. L., Kefallonitis, E., & Armani, K. (2015). Ambiguity tolerance in organizations: Definitional clarification and perspectives on future research. *Frontiers in Psychology, 6*, Article 344. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00344>
- McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement, 1*(53), 183–189. <https://doi.org/10.1177/0013164493053001020>
- Noda, Y. (2020). Socioeconomical transformation and mental health impact by the COVID-19's ultimate VUCA era: Toward the New Normal, the New Japan, and the New World. *Asian Journal of Psychiatry, 54*, Article 102262. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102262>

- Norton, R. (1975) Measurement of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39, 607–619. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa3906_11
- Osin, E. N. (2010). Faktornaya struktura russkoy versii shkal obshchey tolerantnosti k neopredelenosti D. Makleyna [Factor structure of the Russian version of D. McLain's General Tolerance for Uncertainty Scales]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 2, 65–86. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/5ah3vuarzd/67229740.pdf>
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring Obshchestvenmogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 155(1), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> (in Russian)
- Parlapani, E., Holeva, V., Nikopoulou, V. A., Sereslis, K., Athanasiadou, M., Godosidis, A., Stephanou, T., & Diakogiannis, I. (2020). Intolerance of uncertainty and loneliness in older adults during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychiatry*, 11, Article 842. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00842>
- Pedović, I., Čirović, N., & Stošić, M. (2022). Towards a new operationalization of ambiguity intolerance: Short ambiguity intolerance scale (SAIS-7). *Current Psychology*, 42, 14834–14850. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02612-8>
- Rosen, N. O., Ivanova, E., & Knäuper, B. (2014). Differentiating intolerance of uncertainty from three related but distinct constructs. *Anxiety, Stress & Coping*, 27(1), 55–73. <https://doi.org/10.1080/10615806.2013.815743>
- Sagioglou, C., & Forstmann, M. (2013) Activating Christian religious concepts increases intolerance of ambiguity and judgment certainty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(5), 933–939. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2013.05.003>
- Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., & Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of short five-factor personality questionnaire (TIPI-RU): convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Eksperimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (in Russian)
- Strout, T. D., Hillen, M., Gutheil, C., Anderson, E., Hutchinson, R., Ward, H., Kay, H., Mills, G. J., & Han, P. K. J. (2018). Tolerance of uncertainty: A systematic review of health and healthcare-related outcomes. *Patient Education and Counseling*, 101(9), 1518–1537. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2018.03.030>
- Trautmann, S. T., & Van De Kuilen, G. (2015). Ambiguity attitudes. In G. Keren & G. Wu (Eds.), *The Wiley Blackwell handbook of judgment and decision making* (Vol. 1, pp. 89–116). John Wiley & Sons Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781118468333.ch3>
- Troise, C., Corvello, V., Ghobadian, A., & O'Regan, N. (2022). How can SMEs successfully navigate VUCA environment: The role of agility in the digital transformation era. *Technological Forecasting and Social Change*, 174, Article 121227. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121227>
- Zlobina, M. V., & Krasnoryadtseva, O. M. (2023a). Multidimensionality of psychological characteristics of the phenomenon “tolerance/intolerance to uncertainty”. *Sistemnaya Psikhologiya i Sotsiologiya*, 3(47), 32–44. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.47.3.3> (in Russian)
- Zlobina, M. V., & Krasnoryadtseva, O. M. (2023b). Ambiguity tolerance as a component of life self-fulfillment. *SibScript*, 25(5), 655–664. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-655-664> (in Russian)
- Zvolensky, M. J., Vujanovic, A. A., Bernstein, A., & Leyro, T. (2010). Distress tolerance: Theory, measurement, and relations to psychopathology. *Current Directions in Psychological Science*, 19(6), 406–410. <https://doi.org/10.1177/0963721410388642>

SAIS-7 [Шкала нетерпимости к неоднозначности]

Instruction: “You need to evaluate the proposed statements on the scale of five points, where 1-complete disagreement with the statement, 3 – something in between, 5 – complete agreement with the statement” [Инструкция: «Вам необходимо оценить предложенные утверждения по пятибалльной шкале, где 1 – полное несогласие с утверждением, 3 – нечто среднее, 5 – полное согласие с утверждением»].

№	Statements	
1.	I dislike questions which could be answered correctly in many different ways [Мне не нравятся вопросы, на которые можно ответить правильно разными способами].	1 2 3 4 5
2.	Poems with contradictions are annoying [Меня раздражают двусмысленные стихотворения].	1 2 3 4 5
3.	I like stories that have consistent characters [Мне нравятся рассказы, в которых герои действуют последовательно].	1 2 3 4 5
4.	Vague and impressionistic pictures really have little appeal for me [Мне не нравятся размытые, импрессионистские картины].	1 2 3 4 5
5.	I don't like to work on a problem unless there's a possibility of coming out with a clear-cut answer [Мне не нравится работать над задачей, если нет возможности прийти к точно определенному решению].	1 2 3 4 5
6.	It's annoying to listen to someone who cannot seem to make up his or her mind [Меня раздражают люди, которые никак не могут сделать выбор].	1 2 3 4 5
7.	I hate it when you can't solve a problem right away [Ненавижу, когда не получается решить проблему сразу].	1 2 3 4 5

MEASURING PARENTING STYLES: A RUSSIAN VERSION OF PERCEIVED PARENTAL AUTONOMY SUPPORT AND CONTROL SCALE (P-PASS-RU)

T.O. GORDEEVA^{a,b}, D.M. NECHAEVA^{a,b}, O.A. SYCHEV^{b,c}

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^b *Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, 9 Build. 4 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation*

^c *Shukshin Biysk Branch of Altai State Pedagogical University, 53 Korolenko Str., Biysk, 659333, Russian Federation*

Диагностика стиля родительского воспитания: опросник воспринимаемой поддержки автономии и контроля

Т.О. Гордеева^{a,b}, Д.М. Нечаева^{a,b}, О.А. Сычев^{b,c}

^a *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

^b *Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4*

^c *Алтайский государственный педагогический университет, Бийский филиал имени В. М. Шукишина, 659333, Россия, г. Бийск, ул. Короленко, д. 53*

Abstract

Despite the ongoing urgency of the problem of child-parent relations and their impact on the development of a child's personality, there is a notable lack of valid and reliable Russian-language instrument for assessing parenting styles. The objective of this study is to develop a Russian-language adaptation of the P-PASS questionnaire, which measures perceived

Резюме

Несмотря на постоянную актуальность проблемы детско-родительских отношений и их роли в развитии личности ребенка, наблюдается отсутствие валидного и надежного отечественного инструментария для оценки родительских стилей воспитания. Цель исследования – разработка русскоязычной версии опросника воспринимаемой поддержки автономии и контроля родителей (ПАКР) (P-PASS; Mageau et al.,

This study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the scientific topic «Academic motivation of students at different levels of education and the factors of its development» (FNRE-2025-0002).

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России научной темы «Академическая мотивация обучающихся разных уровней образования и факторы её развития» (FNRE-2025-0002).

autonomy support and parental control (Mageau et al., 2015), and is based on the self-determination theory. Participants included university students ($N = 728$, $M_{\text{age}} = 20.03$, $SD = 2.03$, 82% female) and high school students ($N = 251$, $M_{\text{age}} = 16.38$, $SD = 0.66$, 53% female). Test-retest reliability was assessed with 92 additional university students. A correlation design was used with a survey of participants using the Russian version of the P-PASS questionnaire and questionnaires assessing subjective well-being, satisfaction of basic psychological needs and academic motivation. The Russian version of P-PASS demonstrated strong internal consistency (Cronbach's α values exceeded .79) and confirmed the expected factor structure. The validity of the scales is evidenced by the associations of autonomy-supportive and controlling parental styles with the indicators of well-being, satisfaction of basic psychological needs in the family, intrinsic motivation and various types of extrinsic motivation. University students and high school students who rate their parents as autonomy-supportive are more satisfied with their family relationships and their lives, they are happier and have a higher intrinsic academic motivation with a lower external motivation and amotivation. The developed Russian version of P-PASS questionnaire is a valid and reliable measure for assessing autonomy-supportive and controlling parenting. It can be used both by researchers and practitioners to measure perceived parenting styles.

Keywords: self-determination theory, autonomy support, controlling parenting, parenting styles, child-parent relationships.

Tamara O. Gordeeva — Professor, Department of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University;

2015), теоретической основой которой является теория самодетерминации. Опросник позволяет выделить автономный (субшкалы: предоставление выбора, объяснение причин правил и ограничений, принятие чувств ребенка) и контролирующий (субшкалы: угрозы наказанием, вызывание чувства вины, поощрение результативных целей) родительские стили. В исследовании приняли участие 728 студентов ($M_{\text{возраст}} = 20.03$, $SD = 2.03$, 82% девушек) и 251 старшеклассник ($M_{\text{возраст}} = 16.38$, $SD = 0.66$, 53% девочек), ретестовая надежность проверялась на дополнительной выборке из 92 студентов. Результаты КФА подтвердили соответствие ожидаемой факторной структуры данным, показана хорошая внутренняя согласованность шкал (α Кронбаха не ниже 0.79). Валидность шкал подтверждают связи стиля поддержки автономии и контролирующего стиля с показателями благополучия (позитивным и негативным аффектом, субъективным уровнем счастья, удовлетворенностью жизнью, собой), удовлетворенностью базовых психологических потребностей в семье, удовлетворенностью отношениями в семье, а также разными типами учебной мотивации. Показано, что поддержка автономии родителями связана с рядом показателей позитивных отношений в семье, благополучием и внутренней мотивацией; напротив, родительский контроль связан с показателями неблагополучия, экстеральной мотивацией и амотивацией. В соответствии с результатами проведенных исследований можно сделать вывод, что методика ПАКР обладает валидностью, надежностью при оценке двух характерных типов детско-родительских отношений и может быть использована исследователями и практиками для диагностики стилей родительского воспитания, консультирования, а также разработки рекомендаций родителям, направленных на поддержку оптимальных способов взаимодействия с детьми и подростками.

Ключевые слова: поддержка автономии, контроль, стили родительского воспитания, детско-родительские отношения, теория самодетерминации.

Гордеева Тамара Олеговна — профессор, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, лаборатория

Lead Research Fellow, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, DSc in Psychology, Professor.
 Research Area: psychology of motivation, well-being, self-determination theory, parental styles.
 E-mail: tamgordeeva@gmail.com

Darina M. Nechaeva — PhD Student, Department of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Laboratory of Childhood and Digital Socialization, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research.
 Research Area: child-parent relations, motivation, regulatory functions.
 E-mail: dnechaeva@bk.ru

Oleg A. Sychev — Senior Research Fellow, Research Department, Shukshin Biysk Branch OF Altai State Pedagogical University; Associate Professor, Department of the Life Quality Psychotherapy, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, PhD in Psychology, Associate Professor.
 Research Area: positive psychology, motivation, self-determination theory.
 E-mail: osn1@mail.ru

консультативной психологии и психотерапии, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, доктор психологических наук, профессор.
 Сфера научных интересов: психология мотивации, благополучие, теория самодетерминации, родительский стиль.
 Контакты: tamgordeeva@gmail.com

Нечаева Дарина Михайловна — аспирант, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник, лаборатория детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований.
 Сфера научных интересов: детско-родительские отношения, мотивация, регуляторные функции.
 Контакты: dnechaeva@bk.ru

Сычев Олег Анатольевич — старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел, Алтайский государственный педагогический университет, Бийский филиал имени В.М. Шукшина; доцент, кафедра психотерапии качества жизни, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, кандидат психологических наук, доцент.
 Сфера научных интересов: позитивная психология, мотивация, теория самодетерминации.
 Контакты: osn1@mail.ru

An important research task in the study of parent-child relationships is to identify the parenting styles and specific parental behaviors that help to develop a psychologically healthy personality with a high level of adaptability to life in society. To solve this problem, it is necessary to have reliable and valid questionnaires to measure parenting style that is based on reliable psychological theory. One of the most well-developed theories of recent decades, within which parent-child relationships are studied, is the self-determination theory (Joussemet et al., 2008). Research grounded in a subtheory of basic psychological needs related to parenting styles began over 40 years ago guided by W. Grolnik and R. Ryan and further continued in the works of dozens of researchers worldwide (B. Soenens, M. Vansteenkiste, E. Pomerantz, M. Mageau, M. Joussemet, R. Koestner, etc.). These studies demonstrate the advantages of the autonomy-supportive parenting style, which fosters the fulfillment of children's basic psychological needs for autonomy, competence, and relatedness.

Autonomy-supportive parents provide their children with choices and opportunities to express their opinions and make decisions; they explain the reasons of

their demands, respect the children's feelings and show attention to their interests and values. This parenting style facilitates agency in a child thus encouraging the feeling of being the initiator of their own activities. In contrast, controlling parents compel their children to act in accordance with their own personal goals, applying pressure, strict control, threatening punishments, inducing guilt, emphasizing the importance of performance and the need to surpass others (Mageau et al., 2015).

The significance of parental autonomy support for adolescents' psychological well-being and adjustment has been consistently demonstrated across diverse samples, including those from Russia (Gordeeva et al., 2024; Chirkov & Ryan, 2001). A recent meta-analysis ($k = 238$; $n = 1,040$, $N = 126,423$) showed that parental autonomy support was reliably associated with well-being ($r = .30$), while parental control was associated with ill-being and other negative outcomes ($r = .26$). These associations were observed across various age groups (children, adolescents, and adults) and regions worldwide (Bradshaw et al., 2025).

Students who perceive their parents as supporting their autonomy report higher levels of intrinsic learning motivation and academic achievement, lower levels of extrinsic motivation and amotivation, from elementary schoolchildren to university students (Mammadov & Schroeder, 2023; Vasquez et al., 2016). These facts were also demonstrated in Russian samples (Chirkov & Ryan, 2001).

In self-determination theory (SDT), the controlling parenting style began to be studied later than the autonomy supportive one. The focus is not so much on the type of control (behavioral or psychological), but rather on the extent to which parental practices frustrate their child's need for autonomy. This involves pressurizing, being intrusive and directive, and using manipulations and criticism to achieve the desired result at any cost (Grolnick & Pomerantz, 2009). The controlling style of parent-child relationships has also been studied by Russian researchers: it has been shown that mothers who exhibit controlling behavior in parenting are characterized by higher levels of neuroticism (Rzhanova, 2024).

It is important to note that autonomy is operationalized in various ways across different approaches, and the methods used to assess these constructs, as well as the relationships identified between them and other variables, vary accordingly. Soenens and colleagues have shown that autonomy can be understood as the promotion of independence (versus dependence) to teach the child to be independent or (in SDT) as parents' support for their child's sense of self-determination in his/her behavior (versus external control), i.e. support of the basic psychological need for autonomy. Empirical research has confirmed similarities and differences between these two definitions of autonomy. Specifically, both constructs are related to self-esteem and positive social functioning. Furthermore, perceived parental autonomy support predicts adolescents' psychosocial adjustment, while perceived encouragement of independence does not (Soenens et al., 2007). Only autonomy of the first type is associated with reduced depressive symptoms and more adaptive academic functioning (Soenens et al., 2009). It is also important to emphasize that autonomy as parental support for independence is important in adolescence, while autonomy as support for self-determination of actions is important at all ages.

Russian-Language Measures of Parent-Child Relationships

Among the popular Russian-language questionnaires used to assess parent-child relationships from the perspective of adolescents, three main questionnaires can be identified:

1) Adolescents About Parents (based on Vasserman et al., 2001) is designed to assess parenting styles from the perspective of adolescents aged 13 to 18 years. It includes five subscales: autonomy, directiveness, benevolence, hostility and inconsistency (50 items total). The questionnaire is based on a previous international instrument (ADOR), which is a modification of the CRPBI (Child's Report of Parental Behavior Inventory) developed by E. Schafer in 1965. Within this instrument, psychological control is measured using the directiveness scale, which encompasses a range of phenomena, including both the provision of structure by the parent and psychological pressure exerted by the parent, which contradicts contemporary research findings regarding the differing consequences of these two types of control (Mageau et al., 2015).

2) The Adult-Child Interaction Questionnaire (Markovskaya, 2000) consists of 60 items organized into ten scales, with versions available for both adolescents and their parents. This instrument includes the Control-Autonomy and Demandingness scales, each containing statements of a controlling type. Research analyzing the scales of this instrument (Alekseeva & Kozlova, 2010) indicates that the scales originally identified by the author are not supported, particularly regarding the composition of statements in the Control scale, which is conflated with factors of acceptance-rejection and parental demandingness. Autonomy is defined as a low level of control, a characterization that does not align with current data on this issue (Bradshaw et al., 2025).

3) The Adolescent Child-Parent Relationship Questionnaire (Trojanovskaya, 2003) consists of 108 items and 19 scales organized into four blocks, one of which is the control block. This block includes scales such as demandingness, monitoring (which reflects the parent's awareness of the adolescent's activities and interests), control, authoritarianism, and rewards and punishments. However, it remains unclear whether the control scales constitute a cohesive block in the psychometric sense and how they relate to the autonomy scale included in another block.

It is noteworthy that the authors of all three questionnaires attempted to assess various parameters of parent-child relationships, with autonomy and control identified as key factors. However, these concepts were operationalized in different ways, and often autonomy and control were measured as a single characteristic of the parent-child relationship, represented by two opposing poles. The questionnaires were proposed 25 to 60 years ago, with most measures based on foreign analogs that are now outdated and do not align with contemporary theories and research on parental autonomy support and controlling parenting (in particular, SDT). While the texts and keys for all these questionnaires are available, there is a lack of information regarding the theoretical foundations of the scales, and we were unable to find data on validity and reliability indicators, CFA and Cronbach's alpha for the scales. Additionally, these questionnaires tend to be quite extensive, which may inflate the reliability indices due to the size of the scales.

Modern Instruments for Assessing Parent-Child Relationships

There are several well-established questionnaires designed to assess parental autonomy support and control.

Parental Control. The most well-known instrument for assessing parental psychological control in adolescents is Barber's Psychological Control Scale for Youth Self-Report (PCS-YSR) (Barber, 1996). This questionnaire comprises eight statements that evaluate four types of psychological control exhibited by both mothers and fathers, and it has demonstrated strong validity and reliability.

Autonomy Support. While parental control has been extensively studied in the context of the directive parenting style, emphasized in the works of D. Baumrind and independently throughout the latter half of the twentieth century, the exploration of autonomy support was initiated by the SDT. The latest most well-known, reliable, and concise instrument for assessing parental autonomy support for adolescents and young adults is the scale developed by B. Soenens and colleagues (Soenens et al., 2007). This scale simultaneously distinguishes two constructs that are often conflated in various theories under the term parental autonomy support as promotion of independence of the adolescent and support for autonomy as the promotion of volitional functioning, without exerting pressure. The second scale is based on the widely recognized within SDT, yet insufficiently reliable, Perception of Parents Scale (POPS) (Grolnick et al., 1991).

The Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS) (Mageau et al., 2015) is the first research instrument designed to measure both autonomy supportive and controlling parenting styles, as highlighted in SDT. These styles are operationalized already as not unidimensional constructs but through three distinct subscales. The questionnaire is intended to assess the parenting styles of older adolescents and young adults, evaluating both generalized parenting styles and the specific styles of mothers and fathers. The authors of the original French version of the P-PASS have demonstrated its reliability, as well as its convergent validity with other measures and predictive validity of the autonomy support and control scales on samples of university students and adolescents (Bureau & Mageau, 2014). Research has shown that autonomy support, as measured by the P-PASS, is positively correlated with life satisfaction, self-esteem, positive emotions (Mageau et al., 2015), and self-efficacy (Livinți & Iliescu, 2021). In contrast, the perceived parental controlling style is negatively correlated with well-being and positively associated with indicators of ill-being, such as negative affect.

The P-PASS was simultaneously proposed in both French and English and has since been adapted for use in Spanish (Inda-Caro et al., 2022), Romanian (Livinți & Iliescu, 2021) and Italian (Costa et al., 2016) samples of young men and women (university students). The questionnaire has demonstrated good reliability, validity, and a two-factor structure. Currently, it is widely utilized by researchers from various countries.

To summarize, the measures for assessing child-parent relationships have significantly evolved over the past fifty years. Initially, these methods aimed to identify numerous styles — up to twenty — using scales with unclear psychometric properties

and theoretical foundations. Today, the focus has shifted to identifying the key characteristics of parent-child relationships that have proven their predictive value, along with the development of valid, reliable, and concise psychometric measures for their assessment. The P-PASS questionnaire is one of such modern instruments.

The aim of our study was to develop a Russian-language version of the P-PASS questionnaire (Mageau et al., 2015), along with an analysis of its structure, reliability, and validity. We anticipate that the developed questionnaire will exhibit a two-factor structure. Respondents who perceive their parents as supportive of their autonomy will report higher levels of well-being and intrinsic learning motivation compared to those who view their parents as controlling.

Method

The Russian-language version of the Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS) questionnaire (Mageau et al., 2015) was used to assess parenting styles. The psychometric adaptation process was conducted in accordance with international standards (Wild et al., 2005). The translation of the P-PASS into Russian was completed in two stages: first, a direct translation of the scale was performed by two psychologists, the authors of this paper, who are proficient in SDT and English (in difficult cases the text of the French version of P-PASS was also considered). Subsequently, a back translation of the scale was conducted with the assistance of a bilingual expert with a background in psychology.

The questionnaire comprises two scales. The first scale, Autonomy Support, includes the following subscales: “Choice Within Certain Limits” (short name: Choice), “Rationale for Demands and Limits” (Rationale), and “Acknowledgment and Acceptance of Feelings” (Acceptance). The second scale, Controlling Parenting, includes the following subscales: “Threats to Punish” (Threats), “Guilt-Inducing Criticisms” (Guilt), and “Performance Pressures” (Performance Pressures). Each scale consists of four direct statements, assessed with Likert scale from 1 to 7 (see Appendix). For all scales and blocks, total scores were calculated as the average of the scores for the relevant items. The internal consistency coefficients (Cronbach’s α) for the scales are presented in Table 2.

To evaluate the validity of the P-PASS-Ru, a set of questionnaires was used to measure basic psychological needs, psychological well-being and adjustment, including main types of academic motivation.

To assess indicators of well-being in a sample of students, the following measures were used:

- PANAS, Positive and Negative Affect Scales (Osin, 2012) to assess the positive and negative emotions during the past week (Cronbach’s $\alpha = .86$ and $.85$),
- Subjective Happiness Scale (SHS) by S. Lyubomirsky (Russian adaptation by Osin & Leontiev, 2020) (Cronbach’s $\alpha = .79$),
- Satisfaction with Life Scale (SWLS) by E. Diener et al. (1985) (Russian adaptation by Osin & Leontiev, 2020) ($\alpha = .87$).

University students also evaluated their families' financial well-being on a scale from 1 to 5, with 1 representing low financial well-being and 5 indicating high financial well-being.

In a sample of schoolchildren, the Multidimensional Scale of Life Satisfaction of Schoolchildren (MSLSS; Huebner & Gilman, 2002) was used to assess indicators of adolescents' well-being. Specifically, we focused on satisfaction with family relationships and self-satisfaction (Family and Myself subscales; Sychev et al., 2018). The Cronbach's α for these scales were .87 and .90, respectively.

To evaluate the satisfaction of basic psychological needs among schoolchildren in their families, a questionnaire was developed based on the Basic Psychological Needs at School questionnaire (BPNS-F; Gordeeva & Sychev, 2024). This questionnaire comprises 12 statements that present various completions of the phrase "Usually, at home..." and assess the satisfaction of the needs for autonomy, competence, and relatedness, as well as the frustration of the need for autonomy. The internal consistency coefficients of the scales, measured by Cronbach's α , range from .71 to .80.

A shortened version of the Academic Motivation Scales for Schoolchildren (Gordeeva et al., 2017) was utilized to evaluate schoolchildren's academic motivation. This revised version includes six subscales: intrinsic motivation to know, intrinsic motivation to achieve, identified motivation, introjected motivation, external motivation, and amotivation. Each scale consists of three items, with responses rated on a 5-point Likert scale. The five-factor model of the questionnaire showed acceptable fit to the data: $\chi^2 = 263.42$; $df = 120$; $p < .001$; CFI = .925; TLI = .904; SRMR = .059; RMSEA = .069; 90% CI for RMSEA: .058–.080; PCLOSE = .003; $N = 251$. Cronbach's α coefficients ranged from .65 to .91.

Data Analysis Procedure

Data were analyzed using descriptive statistics, Welch's t-test, correlation analysis, and confirmatory factor analysis (CFA). Calculations were conducted in the R statistical analysis environment; CFA was performed using the Mplus 8 program with the robust maximum likelihood estimator (MLR). The following indicators were deemed acceptable (good) for model fit to the data (Mueller & Hancock, 2018): CFI > .90 (.95), RMSEA < .08 (.06), and SRMR < .08 (.06). A reduction in CFI of no more than .01 was used as a criterion for comparing models with different degrees of invariance (Cheung & Rensvold, 2002). This criterion is considered more reliable than the significance assessment of the adjusted χ^2 difference. Given the large sample size and the extensive number of statistical tests performed, a p -value of < .001 was established as the threshold for statistical significance.

Sample

The sample consisted of 979 participants, including Russian university students ($N = 728$, $M_{age} = 20.03$, $SD = 2.03$, 82% female) and high school students in grades 10–11 ($N = 251$, $M_{age} = 16.38$, $SD = 0.66$, 52% female). University students completed an

online survey, while high school students participated in a paper-and-pencil survey at school.

Test-retest reliability was assessed in a separate sample of students ($N = 92$, $M_{age} = 19.92$, $SD = 2.05$, 93% female) who answered the P-PASS-Ru questionnaire twice at five-month intervals.

Results

Factor Structure and Reliability of Scales

Using CFA, we tested four alternative models of the questionnaire structure on the entire sample: a one-factor model, a two-factor model (comprising autonomy support and control factors), a six-factor model (with factors corresponding to the six primary subscales), and a two-factor hierarchical model (featuring six first-level factors and two second-level factors). A comparison of the fit indices to the data (see Table 1, Models 1–4) indicates that the first two models do not adequately fit the data, whereas Models 3 and 4 are approximately equal across all fit measures. The differences in Comparative Fit Index (CFI), Standardized Root Mean Square Residual (SRMR), and PCLOSE scores do not exceed .01, with the Tucker-Lewis Index (TLI) and Root Mean Square Error of Approximation (RMSEA) values

Table 1

Fit Indices for the Alternative Factor Models of the P-PASS-Ru ($N = 979$)

Model	χ^2	df	p	CFI	TLI	SRMR	RMSEA [95% CI]	PCLOSE
1. Single-factor model	3465.8	252	< .001	.715	.688	.093	.114 [.111; .118]	< .001
2. Two-factor model	1757.3	251	< .001	.867	.853	.059	.078 [.075; .082]	< .001
3. Six-factor model	860.8	237	< .001	.945	.936	.063	.052 [.048; .056]	.202
4. Two-factor hierarchical model	892.9	245	< .001	.943	.935	.064	.052 [.048; .056]	.184
5. Configurational invariance model (6 factors)	1142.9	474	< .001	.941	.932	.065	.054 [.050; .058]	.063
6. Metric invariance model (6 factors)	1180.28	492	< .001	.939	.932	.066	.053 [.050; .057]	.072
7. Scalar invariance model (6 factors)	1218.06	510	< .001	.938	.933	.067	.053 [.049; .057]	.081

Note. CFI – comparative fit index, TLI – Tucker-Lewis fit index, SRMR – standardized root mean square residual, RMSEA [95% CI] – root mean square error of approximation with 95% confidence interval, PCLOSE – p -value when testing the null hypothesis that $RMSEA \leq .05$.

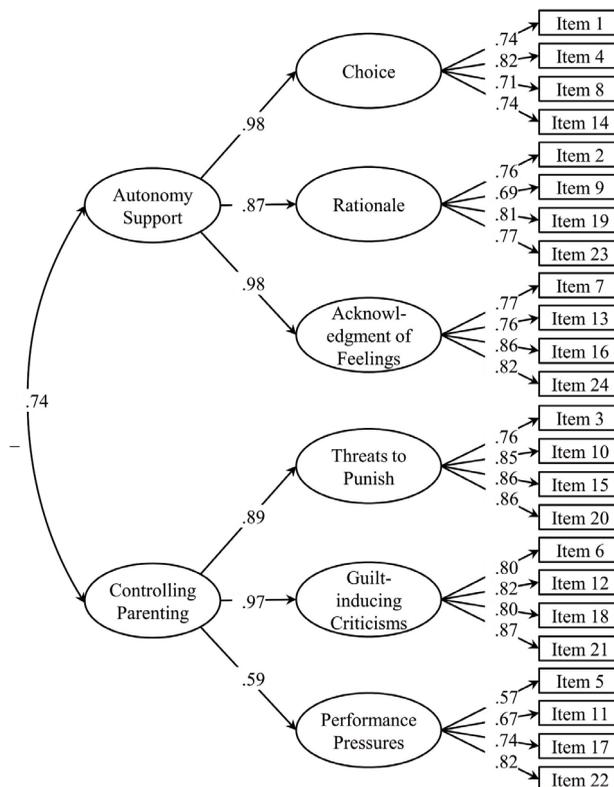
being identical. Since the two-factor hierarchical model aligns more closely with the theoretical considerations underlying the questionnaire and gives more information (as it reflects the loadings of the first-level factors on the second-level factors), it was adopted as the final model (Figure 1).

To assess the measurement invariance among groups of students and schoolchildren, a corresponding analysis was conducted for the six-factor model. The results (Table 1, Models 5–7) indicated that the difference in the Comparative Fit Index (CFI) between the models does not exceed .01, suggesting full invariance of the six-factor model of the questionnaire across the samples of schoolchildren and students.

The correlations between the subscales presented in Table 2 reveal the expected strong direct relationships among the three subscales of the autonomy support scale, as well as among the subscales of the control scale, with significant inverse relationships between the two scales. Autonomy support and control are inversely related to one another. The moderate skewness of the distributions, which does not exceed 0.75 in absolute value (Table 2), suggests an approximately normal distribution of

Figure 1

The structural equation model of the P-PASS-Ru (the residuals are omitted for the sake of parsimony; all coefficients shown in the model are significant at $p \leq .001$)

the data. Cronbach's α coefficients (Table 2) demonstrate good internal consistency for the subscales and high internal consistency of the autonomy support and control subscales.

To assess retest reliability in a separate sample of students ($N = 92$), Spearman correlation coefficients were calculated between the initial administration of the test and the retest (see Table 3). The results indicate strong correlations, suggesting high retest reliability of scales. The highest coefficient values were observed for overall scores in the autonomy support and control scales.

Table 2

Descriptive Statistics and Correlations of P-PASS-Ru Subscales (N = 979)

Subscales	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Choice	—							
2. Rationale	.73*	—						
3. Acceptance	.82*	.74*	—					
4. Threats	-.57*	-.48*	-.57*	—				
5. Guilt	-.60*	-.52*	-.65*	.77*	—			
6. Performance Pressures	-.38*	-.25*	-.35*	.49*	.51*	—		
7. Autonomy support	.92*	.90*	.93*	-.59*	-.64*	-.36*	—	
8. Controlling parenting	-.61*	-.49*	-.62*	.89*	.90*	.77*	-.62*	—
Cronbach's	.84	.84	.88	.90	.89	.79	.94	.92
Means	5.38	4.98	4.84	2.95	2.85	3.71	5.07	3.17
SD	1.32	1.41	1.50	1.63	1.67	1.54	1.29	1.38
Skew	-.74	-.47	-.45	.61	.63	.06	-.55	.49

Table 3

**Test-retest reliability coefficients of the P-PASS-Ru scales
(University student sample, N = 92)**

Scales and subscales	Spearman correlation coefficient
Choice	.72*
Rationale	.77*
Acceptance	.74*
Threats	.74*
Guilt	.78*
Performance Pressures	.68*
Autonomy support	.80*
Controlling parenting	.78*

* $p \leq 0.001$.

Age and Gender Differences

A comparison of the samples of university students and schoolchildren (Table 4) revealed that schoolchildren exhibited lower scores on the autonomy support subscales and higher scores on the parental control subscales, with the exception of the Performance Pressures subscale, for which no statistically significant differences were observed. This suggests the need for separate norms for these groups.

An analysis of the differences between males and females in both the university students and school samples (see Table 5) revealed that, while no statistically significant differences were found in the student sample, there were weak trends ($p \leq .05$) indicating higher scores for males in the school sample on the autonomy support subscales and one of the parental control subscales (the Performance Pressures subscale), with a small effect size (Cohen's d approximately 0.3).

Table 4

Differences between Samples of University Students (n = 728) and Schoolchildren (n = 251) on P-PASS-Ru Scales

Scales and subscales	M		SD		<i>t</i>	df	<i>p</i>	Cohen's <i>d</i>	U	z(U)	<i>p</i>
	Univ.	School	Univ.	School							
Choice	5.25	5.77	1.32	1.22	-5.68	465	< .001	0.40	68612	5.91	< .001
Rationale	4.86	5.33	1.43	1.28	-4.88	482	< .001	0.34	73752.5	4.57	< .001
Acceptance	4.69	5.30	1.49	1.43	-5.69	450	< .001	0.41	69463	5.68	< .001
Threats	3.04	2.66	1.62	1.61	3.26	438	< .01	0.24	105125.5	3.57	< .001
Guilt	3.00	2.39	1.67	1.54	5.32	468	< .001	0.37	112662	5.54	< .001
Performance Pressures	3.74	3.63	1.53	1.57	0.92	425	n.s.	0.07	94823	0.90	n.s.
Autonomy support	4.94	5.47	1.30	1.19	-5.96	471	< .001	0.42	68839	5.83	< .001
Controlling Parenting	3.26	2.89	1.38	1.32	3.76	452	< .001	0.27	105819	3.74	< .001

Note. M – mean values, SD – standard deviations, *t* – Welch's *t*-test, df – degrees of freedom, U-statistic for Mann-Whitney test, z(U) – z-statistic for Mann-Whitney test, *p* – significance level, n.s. – non-significant, Univ. – university students, School – high school students.

Indicators of Validity

The correlations of the P-PASS-Ru with measures of well-being and its predictors (Table 6) indicate that autonomy support and control are predictably associated with the satisfaction of basic psychological needs within the family, satisfaction with family relationships, and overall measures of well-being.

Also, as illustrated in Table 7, autonomy support – both general and its individual subscales – is directly associated with autonomous types of academic motiva-

Table 5

**Differences between Boys and Girls on P-PASS-Ru Scales in the Samples
of University and Students and High School Students**

Scales	M		SD		<i>t</i>	df	<i>p</i>	Cohen's <i>d</i>	U	z(U)	<i>p</i>
	F	M	F	M							
University Students			N = 597	N = 131							
Choice	5.27	5.19	1.30	1.40	0.57	183	n.s.	0.06	39778	0.31	n.s.
Rationale	4.85	4.94	1.45	1.36	-0.68	200	n.s.	0.06	38171	0.43	n.s.
Acceptance	4.70	4.68	1.49	1.52	0.15	188	n.s.	0.01	39396	0.13	n.s.
Threats	3.04	3.05	1.66	1.46	-0.10	210	n.s.	0.01	37980	0.52	n.s.
Guilt	3.05	2.80	1.73	1.38	1.74	229	n.s.	0.15	40987.5	0.87	n.s.
Performance Pressures	3.70	3.90	1.50	1.63	-1.28	182	n.s.	0.13	36331	1.27	n.s.
Autonomy support	4.94	4.93	1.30	1.31	0.02	190	n.s.	0.00	39192.5	0.04	n.s.
Controlling Parenting	3.26	3.25	1.41	1.25	0.08	210	n.s.	0.01	38474	0.29	n.s.
High school students			N = 131	N = 120							
Choice	5.60	5.96	1.31	1.10	-2.39	247	< .05	0.30	6582.5	2.24	< .05
Rationale	5.15	5.54	1.32	1.20	-2.46	249	< .05	0.31	6502.5	2.37	< .05
Acceptance	5.06	5.55	1.57	1.21	-2.76	242	< .01	0.34	6605.5	2.19	< .05
Threats	2.60	2.72	1.64	1.58	-0.64	248	n.s.	0.08	7384.5	0.83	n.s.
Guilt	2.50	2.27	1.65	1.41	1.18	248	n.s.	0.15	8535	1.19	n.s.
Performance Pressures	3.42	3.86	1.68	1.40	-2.23	247	< .05	0.28	6449	2.46	< .05
Autonomy support	5.27	5.68	1.28	1.04	-2.82	246	< .01	0.35	6437.5	2.48	< .05
Controlling Parenting	2.84	2.95	1.43	1.20	-0.68	247	n.s.	0.08	7084.5	1.35	n.s.

Note. M – mean values, SD – standard deviations, *t* – Welch's t-test, df – degrees of freedom, U-statistic for Mann-Whitney test, z(U) – z-statistic Mann-Whitney test, *p* – significance level, n.s. – non-significant, F – female, M – male.

tion and inversely related to external motivation and amotivation, with a few exceptions noted of the Rationale subscale. Conversely, the controlling parenting and its constituent subscales are generally directly related to the scales of controlled motivation: introjected and external, as well as to amotivation. At the same time, the controlling parenting showed only one inverse relationship with autonomous motivation (in particular, motivation to know), on the Threats subscale.

Table 6

Correlation Coefficients of P-PASS-Ru Scales with Indicators of Psychological Well-Being and the Financial Status of the Family

Variable	Sample	P-PASS-Ru subscales							
		Choice	Ratio- nale	Accep- tance	Threats	Guilt	Perfor- mance Pressures	Autonomy support	Controlling Parenting
Autonomy satisfaction	Sch., 249	.34*	.28*	.39*	-.21*	-.26*	-.16	.38*	-.25*
Autonomy frustration	Sch., 249	-.24*	-.16	-.27*	.34*	.30*	.29*	-.25*	.37*
Competence satisfaction	Sch., 249	.44*	.37*	.46*	-.30*	-.33*	-.08	.47*	-.28*
Relatedness satisfaction	Sch., 249	.60*	.43*	.63*	-.44*	-.54*	-.26*	.62*	-.49*
Satisfaction with family relationships	Sch., 240	.64*	.56*	.69*	-.53*	-.55*	-.26*	.70*	-.54*
Self-satisfaction (myself)	Sch., 240	.42*	.37*	.47*	-.28*	-.32*	-.03	.47*	-.25*
Positive affect	St., 728	.38*	.35*	.40*	-.24*	-.23*	-.07	.41*	-.21*
Negative affect	St., 728	-.31*	-.31*	-.36*	.41*	.48*	.18*	-.36*	.42*
Subjective happiness	St., 448	.49*	.43*	.51*	-.36*	-.42*	-.22*	.52*	-.39*
Life satisfaction	St., 448	.50*	.48*	.51*	-.33*	-.37*	-.12	.53*	-.32*
Family's financial status	St., 448	.19*	.21*	.19*	-.08	-.12	-.08	.22*	-.10

* $p \leq .001$.

Note. Sch. – high school students, St. – university students.

Table 7

Correlation Coefficients of the P-PASS-Ru Subscales with Indicators of Academic Motivation of High School Students (N = 251)

Academic Motivation	P-PASS-Ru main scales and subscales							
	Choice	Ratio- nale	Accep- tance	Threats	Guilt	Perfor- mance Pressures	Autonomy support	Controlling Parenting
Intrinsic Motivation to Know	.25*	.29*	.29*	-.21*	-.15	0	.30*	-.14
Intrinsic Motivation to Achieve	.22*	.18	.27*	-.09	-.06	.03	.25*	-.05
Identified motivation	.24*	.29*	.21*	-.16	-.13	.06	.27*	-.09
Introjected motivation	-.15	-.01	-.18	.18	.21*	.31*	-.13	.28*
Extrinsic motivation	-.28*	-.19	-.31*	.43*	.33*	.40*	-.29*	.46*
Amotivation	-.33*	-.36*	-.37*	.26*	.27*	.18	-.39*	.28*

* $p \leq .001$.

Discussion

A new Russian-language instrument for assessing parent-child relationship styles (P-PASS-Ru), based on self-determination theory and current research into parental autonomy support and control (Bradshaw et al., 2025; Grolnick & Pomerantz, 2009; Mageau et al., 2015), has been proposed. The significance of studying these characteristics is underscored by previously used Russian language instruments that aimed to evaluate parental autonomy and control (Vasserman et al., 2001; Markovskaya, 2000; Troyanovskaya, 2003) and to investigate the role of control in adolescents' well-being (Rzhanova, 2024).

The results of the analysis of the factor structure of the P-PASS-Ru as indicated by the CFA, demonstrate the adequacy of the differentiation of two scales: parental autonomy support and control. These main scales correspond to the original version of the questionnaire and align with the two identified parenting styles described in SDT (Mageau et al., 2015). The internal consistency scores for these scales are also high. Furthermore, the CFA supports the utilization of a six-factor model with the corresponding six subscales. The assessment of internal consistency for these scales in samples of university students and high school students yielded satisfactory results. Consistent with the findings of the original study, the autonomy support and control scales of the P-PASS-Ru exhibit an inverse correlation with each other ($-.62$).

The correlations obtained from the scales and subscales of the questionnaire with measures of life satisfaction, positive and negative affect, and subjective happiness confirm the external validity of the P-PASS-Ru, aligning with our hypotheses and the findings of the original study (Ibid.). Additionally, the relationship between the questionnaire scales and indicators of adaptive functioning in achievement activities – specifically, the academic motivation subscales – was demonstrated to prove the predictive validity of P-PASS-Ru. A positive association was found between perceived autonomy support and indicators of intrinsic academic motivation, while an inverse association was observed with amotivation and external regulation. Furthermore, perceived parental control was positively correlated with measures of external regulation and amotivation, and inversely correlated with intrinsic motivation. These findings are consistent with our previous research involving student samples (Gordeeva et al., 2024).

The results also suggest that Russian parents with higher levels of wealth tend to utilize the autonomy support style more extensively. This may be attributed to the fact that they encounter fewer life challenges, resulting in less stress.

An important strength of the P-PASS questionnaire is that both autonomy support and control are considered as multifaceted constructs including various subscales that are grounded in a well-established psychological theory (SDT) and are supported by previous research. The identification of specific strategies associated with autonomy-supportive parenting (such as providing choices, explaining the rationale for demands and restrictions, and acknowledging the feelings) and controlling parenting (including threatening punishment, guilt-inducing criticism, encouraging performance goals) enables the usage of this instrument not only for

scientific purposes, such as studying their distinct roles in both favorable and unfavorable scenarios of child development, but also for developing training programs and recommendations for parents.

The data obtained from the samples of schoolchildren and university students are consistent with one another, as both samples demonstrate satisfactory internal consistency of all subscales, share the same factor structure of the questionnaire, and exhibit similar external validity.

Limitations and Future Research

Despite the high reliability and external validity demonstrated by both the adapted Russian version of the P-PASS and the original questionnaire, several limitations of this study can be identified. One limitation is the lack of concurrent validity indicators, which arises from the absence of a reliable Russian-language instrument for assessing parenting styles. Another limitation pertains to the correlational nature of the collected data. To establish predictive validity in future research, it would be beneficial to conduct longitudinal studies involving Russian adolescents and emerging adults' samples that explore the role of parenting styles in the development of psychologically well-adjusted and successful individuals.

Conclusion

The proposed questionnaire for assessing perceived parental autonomy support and control (P-PASS-Ru) is a theoretically sound, reliable, and valid instrument. It enables the evaluation of key characteristics of parent-child relationships that are related to indicators of adaptive functioning in young people in the stage of emerging adulthood. The instrument's compactness is another notable advantage.

The developed questionnaire can be utilized by researchers to assess the effects of parenting styles on Russian adolescents and young adults, as well as by practitioners to formulate recommendations for parents. The questionnaire also allows the assessment of parenting styles of both fathers and mothers, as well as the examination of their separate impacts on adolescents' well-being.

References

- Alekseeva, O., & Kozlova, I. (2010). Factorization of parent-child relationship questionnaire in a sample of families with two children. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 3(11). <https://doi.org/10.54359/ps.v3i11.914> (in Russian)
- Barber, B. K. (1996). Parental psychological control: Revisiting a neglected construct. *Child Development*, 67(6), 3296–3319. <https://doi.org/10.2307/1131780>
- Bradshaw, E., Duineveld, J., Conigrave, J., Steward, B., Ferber, K., Joussemet, M., Parker, P., & Ryan, R. (2025). Disentangling autonomy-supportive and psychologically controlling parenting: A meta-analysis

- of self-determination theory's dual process model across cultures. *American Psychologist*, 80(6), 879–895. <https://doi.org/10.1037/amp0001389>
- Bureau, J. S., & Mageau, G. A. (2014). Parental autonomy support and honesty: The mediating role of identification with the honesty value and perceived costs and benefits of honesty. *Journal of Adolescence*, 37(3), 225–236. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2013.12.007>
- Cheung, G. W., & Rensvold, R. B. (2002). Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 9(2), 233–255. https://doi.org/10.1207/S15328007SEM0902_5
- Chirkov, V. I., & Ryan, R. M. (2001). Parent and teacher autonomy-support in Russian and U.S. adolescents: Common effects on well-being and academic motivation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(5), 618–635. <https://doi.org/10.1177/0022022101032005006>
- Costa, S., Cuzzocrea, F., Gugliandolo, M. C., & Larcán, R. (2016). Associations between parental psychological control and autonomy support, and psychological outcomes in adolescents: The mediating role of need satisfaction and need frustration. *Child Indicators Research*, 9(4), 1059–1076. <https://doi.org/10.1007/s12187-015-9353-z>
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Gordeeva, T. O., Nechaeva, D. M., & Sychev, O. A. (2024). Factors influencing students' motivation and academic performance: The role of parental control and autonomy support. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(3), 33–55. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-28> (in Russian)
- Gordeeva, T. O., & Sychev, O. A. (2024). Development of the basic psychological needs at School Scale. *Ekspieriment'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 17(4), 222–236. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170415> (in Russian)
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., Gizhitskii, V. V., & Gavrichenkova, T. K. (2017). Intrinsic and extrinsic Academic Motivation Scale for schoolchildren. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 22(2), 65–74. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220206> (in Russian)
- Grolnick, W. S., & Pomerantz, E. M. (2009). Issues and challenges in studying parental control: Toward a new conceptualization. *Child Development Perspectives*, 3(3), 165–170. <https://doi.org/10.1111/j.1750-8606.2009.00099.x>
- Grolnick, W. S., Ryan, R. M., & Deci, E. L. (1991). Inner resources for school achievement: Motivational mediators of children's perceptions of their parents. *Journal of Educational Psychology*, 83(4), 508–517. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.83.4.508>
- Huebner, E. S., & Gilman, R. (2002). An introduction to the Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale. *Social Indicators Research*, 60(1-3), 115–122. <https://doi.org/10.1023/A:1021252812882>
- Inda-Caro, M., Rodríguez-Menéndez, C., & García-Pérez, O. (2022). *Perceived Parental Autonomy Support Scale – Spanish Version (P-Pass)* [Database record]. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t86915-000>
- Joussemet, M., Landry, R., & Koestner, R. (2008). A self-determination theory perspective on parenting. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 49(3), 194–200. <https://doi.org/10.1037/a0012754>
- Livini, R., & Iliescu, D. (2021). Investigation of the psychometric properties of the Perceived Parental Autonomy Support Scale in the Southeastern European context. *Current Psychology*, 40(8), 3827–3839. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00317-7>
- Mageau, G. A., Ranger, F., Joussemet, M., Koestner, R., Moreau, E., & Forest, J. (2015). Validation of the Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS). *Canadian Journal of Behavioural*

- Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 47(3), 251–262. <https://doi.org/10.1037/a0039325>
- Mammadov, S., & Schroeder, K. (2023). A meta-analytic review of the relationships between autonomy support and positive learning outcomes. *Contemporary Educational Psychology*, 75, Article 102235. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2023.102235>
- Markovskaya, I. M. (2000). *Trening vzaimodeistviya roditelei s det'mi* [Parent-child interaction training]. Saint Petersburg: Rech'.
- Mueller, R. O., & Hancock, G. R. (2018). Structural equation modeling. In G. R. Hancock, L. M. Stapleton, & R. O. Mueller (Eds.), *The reviewer's guide to quantitative methods in the social sciences* (pp. 445–456). New York, NY; London, England: Routledge.
- Osin, E. N. (2012). Measuring positive and negative affect: Development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(4), 91–110. (in Russian)
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 1, 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> (in Russian)
- Rzhanova, I. E. (2024). Neuroticism and parental control in two-child families. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya [New Psychological Research]*, 4, 91–112. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_04_04 (in Russian)
- Soenens, B., Vansteenkiste, M., Lens, W., Luyckx, K., Goossens, L., Beyers, W., & Ryan, R. M. (2007). Conceptualizing parental autonomy support: Adolescent perceptions of promotion of independence versus promotion of volitional functioning. *Developmental Psychology*, 43(3), 633–646. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.3.633>
- Soenens, B., Vansteenkiste, M., & Sierens, E. (2009). How are parental psychological control and autonomy support related? A cluster analytic approach. *Journal of Marriage and Family*, 71(1), 187–202. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2008.00589.x>
- Sychev, O. A., Gordeeva, T. O., Lunkina, M. V., Osin, E. N., & Sidneva, A. N. (2018). Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 6, 5–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601> (in Russian)
- Troyanovskaya, P. (2003). Metodika "Detsko-roditel'skie otnosheniya v podrostkovom vozraste" – roditel' glazami podrostka [The "Child-parent relations in adolescence" questionnaire: the parent through the eyes of a teenager]. *Semeinaya Psikhologiya i Semeinaya Terapiya*, 3, 17–21.
- Vasquez, A. C., Patal, E. A., Fong, C. J., Corrigan, A. S., & Pine, L. (2016). Parent autonomy support, academic achievement, and psychosocial functioning: a meta-analysis of research. *Educational Psychology Review*, 28(3), 605–644. <https://doi.org/10.1007/s10648-015-9329-z>
- Vasserman, L. I., Gor'kovaya, I. A., & Romitsyna, E. E. (2001). *Psikhologicheskaya metodika "Podrostki o roditelyakh" i ee prakticheskoe primenenie* [Psychological questionnaire "Teenagers about parents" and its practical application]. Saint Petersburg: FARMindex.
- Wild, D., Grove, A., Martin, M., Eremenco, S., McElroy, S., Verjee-Lorenz, A., & Erikson, P. (2005). Principles of good practice for the translation and cultural adaptation process for patient-reported outcomes (PRO) measures: report of the ISPOR task force for translation and cultural adaptation. *Value in Health*, 8(2), 94–104. <https://doi.org/10.1111/j.1524-4733.2005.04054.x>

Russian Version of Perceived Parental Autonomy Support and Control Scale (P-PASS-Ru)**Опросник воспринимаемой родительской поддержки автономии и контроля (ПАКР)**

Используя приведенную ниже шкалу (от 1 — совершенно не согласен до 7 — совершенно согласен), пожалуйста, отметьте, в какой степени Вы согласны с каждым из утверждений, касающихся Ваших родителей, когда Вы росли.

(Если Вы не взаимодействовали с одним из Ваших родителей (например, с Вашим отцом), но с Вами жил другой родитель того же пола (например, Ваш отчим), пожалуйста, оцените утверждения относительно него.)

- 1 — совершенно не согласен,
- 2 — не согласен,
- 3 — скорее не согласен,
- 4 — затрудняюсь ответить,
- 5 — скорее согласен,
- 6 — согласен,
- 7 — полностью согласен.

Когда я рос(ла)...	1 Совершенно не согласен	2 Не согласен	3 Скорее не согласен	4 Затрудняюсь ответить	5 Скорее согласен	6 Согласен	7 Полностью согласен
1. Мои родители предоставляли мне много возможностей принимать собственные решения по поводу того, что я делал(а).							
2. Когда мои родители просили меня что-то сделать, они объясняли, почему они хотят, чтобы я это сделал(а).							
3. Когда я отказывался что-то делать, родители угрожали лишить меня чего-либо (каких-то приятных вещей), чтобы заставить меня это сделать.							
4. Моя точка зрения была очень важна для моих родителей, когда они принимали важные решения, касающиеся меня.							
5. Мои родители отказывались признать, что я могу хотеть просто повеселиться, не пытаясь быть во всем лучшим.							
6. Когда мои родители хотели, чтобы я делал(а) что-то по-другому, они заставляли меня чувствовать себя виноватым.							
7. Мои родители поощряли меня быть самим собой.							
8. В определенных пределах мои родители предоставляли мне свободу выбора собственных занятий.							
9. Когда мне не разрешали что-то делать, я обычно знал, почему.							
10. Мне всегда приходилось делать то, чего хотели от меня родители, иначе они грозили лишить меня чего-то.							

11. Мои родители считали, что для достижения успеха я должен всегда быть лучшим в том, что я делаю.								
12. Мои родители заставляли меня чувствовать себя виноватой(ым) всегда и во всем.								
13. Мои родители могли поставить себя на мое место и понять мои чувства.								
14. Мои родители надеялись, что я сделаю выбор, соответствующий моим интересам и предпочтениям, пусть даже отличающимся от их собственных.								
15. Когда мои родители хотели, чтобы я что-то сделал(а), я должен был слушаться, иначе меня наказывали.								
16. Мои родители принимали мои мысли и чувства, даже когда они отличались от их собственных								
17. Чтобы мои родители гордились мной, я должен был быть лучшим.								
18. Когда мои родители хотели, чтобы я вел(а) себя по-другому, они стыдили меня, чтобы заставить изменить поведение.								
19. Мои родители старались, чтобы я понимал(а), почему они запрещают мне определенные вещи.								
20. Как только я не делал(а) именно то, что хотели родители, они угрожали наказать меня.								
21. Мои родители вызывали у меня чувство вины, чтобы контролировать.								
22. Мои родители настаивали на том, чтобы я всегда был(а) лучше других.								
23. Когда я спрашивал, почему я должен что-то делать или не делать, мои родители приводили значимые аргументы.								
24. Когда я не соглашался(ась) с моими родителями, они все же прислушивались к моему мнению и точке зрения.								

Ключ (все утверждения прямые)

Блок поддержки автономии

Предоставление выбора в определенных границах: 1, 4, 8, 14.

Объяснение причин, лежащих в основе требований, правил и ограничений: 2, 9, 19, 23.

Осознание, принятие, признание чувств ребенка: 7, 13, 16, 24.

Блок контроля

Угрозы ребенку наказанием: 3, 10, 15, 20.

Вызывание чувства вины: 6, 12, 18, 21.

Поощрение результативных целей: 5, 11, 17, 22.

Общий балл по шкале вычисляется как среднее значение оценок всех утверждений, входящих в шкалу. Таким же образом рассчитывается балл по блокам автономии и контроля.

WHAT PARENTS OF RUSSIAN STATE SCHOOLCHILDREN EXPECT FROM SCHOOLS REGARDING CARE FOR STUDENT WELL-BEING AND THEIR LEVEL OF SATISFACTION: THE DEVELOPMENT OF A QUESTIONNAIRE

A.S. STRUKOVA^a, I.V. ANTIPKINA^a, M.F. LYNCH^b

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b Warner School of Education and Human Development, University of Rochester, 500 Joseph C. Wilson Blvd., Rochester, NY 14627, USA

Что родители российских школьников ожидают от школы в области благополучия учащихся и насколько они этим довольны: разработка инструмента оценивания

А.С. Струкова^a, И.В. Антипкина^a, М.Ф. Линч^b

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

^b Институт образования и развития человека Уорнера Университета Рочестера, 14627, США, Рочестер, бульвар Джозефа С. Уилсона, д. 500

Abstract

One of the most effective forms of parental involvement in children's education is when parents actively communicate the value of schooling and a positive attitude toward it. For this to happen, they need to be satisfied with the quality of schooling, which depends on how well the school meets their expectations, among which well-being at school holds a central place. Most tools for measuring parental satisfaction are based on marketing models, which may not fully reflect the specific features of the educational context. This article presents a methodology for developing an instrument to assess parental expectations and satisfaction with schools,

Резюме

Одна из наиболее эффективных стратегий участия родителей в образовании детей заключается в том, что родители активно транслируют ребенку ценность образования и положительное отношение к школе. Для этого родители должны быть удовлетворены качеством школьного образования, а их удовлетворенность зависит от того, насколько школа соответствует их ожиданиям. Среди ожиданий родителей важное место занимает благополучие их ребенка в школе. Большинство существующих инструментов для измерения удовлетворенности родителей основаны на маркетинговых моделях, которые могут не в полной мере учитывать особенности образовательного контекста. В статье представлена методика разработки инструмента измерения ожиданий родителей от

grounded in Self-Determination Theory relevant in education. The Well-being Expectations and Satisfaction Questionnaire (WESQ) was specifically developed for this study. The article provides analysis of data obtained from a sample of 1,568 parents in Russia. WESQ includes two reliable scales: the Expectations Scale ($\omega = .96$) and the Satisfaction Scale ($\omega = .96$). Each scale consists of 20 items; parents are asked to rate their satisfaction only for expectations they previously endorsed. IRTree modeling revealed that parents were most likely to endorse expectations related to relatedness, and were least likely to endorse those related to autonomy. A similar pattern was observed in satisfaction ratings. Hierarchical cluster analysis identified four distinct clusters of parents. This is the first study to apply Self-Determination Theory to operationalize parental expectations regarding school and to assess parental satisfaction in this context. The study introduces and validates a novel measurement instrument.

Keywords: parental attitude toward school, parental expectations for school, parental satisfaction for school, self-determination theory, student well-being, instrument design.

Aleksandra S. Strukova — Junior Research Fellow, Centre for Psychometrics and Measurements in Education, Institute of Education, HSE University. Research Area: student well-being, self-determination theory, motivation, test-development. E-mail: alstrukova@hse.ru

Inna V. Antipkina — Senior Research Fellow, Centre for Psychometrics and Measurements in Education, Institute of Education, HSE University, PhD in Education. Research Area: quality and fairness of testing, assessment in education, parent involvement. E-mail: iantipkina@hse.ru

школы и уровня их удовлетворенности, основанного на теории самодетерминации, релевантной для контекста образования. Опросник «Родительские ожидания и удовлетворенность школой в вопросах заботы о благополучии» (РОУШ-Б) был специально разработан для данного исследования, и результаты, полученные при его применении на выборке из 1568 родителей в России, подробно описаны в статье. РОУШ-Б состоит из двух надежных шкал: шкалы ожиданий ($\omega = 0.96$) и шкалы удовлетворенности ($\omega = 0.96$). Каждая шкала состоит из 20 утверждений, при этом родителям предлагается оценить свою удовлетворенность только в том случае, если они ранее выразили подобные ожидания. Результаты, полученные с помощью моделирования IRTree, показывают, что родители наиболее склонны поддерживать ожидания, связанные с причастностью, а наименее — с автономией. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении удовлетворенности. С помощью иерархической кластеризации были выявлены четыре различных кластера родителей. Теория самодетерминации впервые используется для операционализации родительских ожиданий в отношении школы и оценки их удовлетворенности. В исследовании был разработан и апробирован новый инструмент.

Ключевые слова: отношение родителей к школе, ожидания родителей от школы, удовлетворенность родителей школой, теория самодетерминации, благополучие школьников, разработка инструмента.

Струкова Александра Сергеевна — младший научный сотрудник, Центр психометрии и измерений в образовании, Институт образования, НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов: благополучие учеников, теория самодетерминации, мотивация, разработка инструментов измерения. Контакты: alstrukova@hse.ru

Антипкина Инна Вениаминовна — старший научный сотрудник, Центр психометрии и измерений в образовании, Институт образования, НИУ ВШЭ, кандидат наук об образовании. Сфера научных интересов: экспертиза качества тестов, оценивание в образовании, вовлеченность родителей в образование детей. Контакты: iantipkina@hse.ru

Martin F. Lynch — Associate Professor, Warner School of Education and Human Development, University of Rochester (USA), PhD (Clinical Psychology).

Research Area: cross-cultural issues in the role of autonomy support and basic psychological needs, the sources of within-person variability in trait self-concept, well-being, life satisfaction, motivation for emigration, adjustment of international students, applied motivational research in the domains of education and counseling and psychotherapy.

E-mail: mlynch@warner.rochester.edu

Линч Мартин Ф. — доцент, Институт образования и развития человека Уорнера Университета Рочестера (США), PhD (клиническая психология).

Сфера научных интересов: кросс-культурные факторы и их роль в поддержке автономии и удовлетворении базовых психологических потребностей, источники внутриличностной изменчивости Я-концепции, благополучие, удовлетворенность жизнью, мотивация к эмиграции, адаптация иностранных студентов, прикладные мотивационные исследования в области образования и консультирования и психотерапии.

Контакты: mlynch@warner.rochester.edu

Acknowledgments

The authors would like to express their gratitude to Polivanova Katherine, Bocharer Alexandra, Kuzmicheva Polina and the students of the Master's Program in Educational Administration at the Institute of Education, Higher School of Economics, for their assistance with data collection. They also extend their appreciation to the Warner School of Education and Human Development for their valuable recommendations regarding this paper.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Поливановой Катерине, Бочавер Александре, Кузьмичевой Полине и студентам магистерской программы «Управление образованием» Института образования НИУ ВШЭ за помощь в сборе данных, а также Институту образования и развития человека Уорнера Университета Рочестера за ценные рекомендации по написанию статьи.

According to the World Happiness Report 2023 (Marquez et al., 2024), well-being in childhood and adolescence has a significant impact on future well-being, professional success, relationships, and health. The report also states that experience at school is an important component of the overall well-being of children and adolescents.

Self-determination theory (SDT) has been widely used in the field of research on well-being at school, as it combines both theoretical basis and empirical approaches (Ryan et al., 2023). SDT belongs to the eudaimonic group of theories (Ryan & Martela, 2016) and posits that three basic psychological needs (autonomy, competence and relatedness) are essential for human well-being in general, and student well-being at school in particular. Numerous instruments are based on SDT and measure to what extent the basic psychological needs are supported at school; most of these are based on self-report measurements and are addressed either to teachers or students (Conesa et al., 2022). However, no prior studies have examined the parents' expectations of school with respect to supporting SDT's basic psychological needs, even though parents play an important role in their children's education.

The present research adopts the framework of Bronfenbrenner's neo-ecological theory (Navarro & Tudge, 2023), according to which human development occurs in a complex interaction with environments: family, school, local community, global community, etc. All these environments are interrelated and influence the process of development to a greater or lesser extent: the closest or most proximal environments

have more influence than broader or more distant ones. In the present study, there are two main environments with which children and adolescents interact, the school and the family, and these environments and interactions affect the levels of children's well-being at school. Family matters, as it is usually parents who select schools for their young children to attend; parents at least participate in this choice for older students (Nguyen et al., 2023). Parents will typically react, if it is observed that their child is not happy at school, and change school to provide better care of their child's well-being. Most parents want to be involved in their children's education (Hornby & Blackwell, 2018), but not all parents' strategies of school-based parental involvement are effective (Grolnick & Pomerantz, 2022).

Knowing parents' expectations from schools can help schools to improve parental satisfaction and choose strategies to engage parents in the learning process effectively. Measuring the levels of parents' expectations can also help to provide greater levels of parental satisfaction, which in turn may increase parents' loyalty towards the school (Nguyen et al., 2023) and thus improve cooperation between schools and families. Ultimately, such cooperation is related to the levels of academic achievement, students' motivation, and well-being.

Toward this end, a questionnaire of parents' expectations and satisfaction is required that can be used both by researchers and practitioners. This work aims to develop and validate a questionnaire of parents' expectations of school in supporting well-being through fulfilling the basic psychological needs of their children.

Literature Review

To address the gradually decreasing levels of well-being from childhood to adolescence and then to adulthood (Marquez et al., 2024), and to meet modern ideological trends of world educational organisations such as OECD and UNESCO (Yliniva et al., 2024), schools all over the world are extending their focus beyond academic achievements to the domain of well-being. The therapeutic turn makes a psychological approach to education more influential: as psychology claims that past emotional experience can determine expectations about the future (Thompson et al., 2012), it can also influence the risk of addiction to psychoactive substances and cause low self-esteem (Downey & Crummy, 2022), and determine the quality of future relationships (Shahab et al., 2021). The question of how to provide a positive emotional climate in family and school, two main environments with which children and adolescents communicate, is naturally becoming more and more important.

Although the construct of well-being is widely utilised, there is not one universal definition of this construct (Hossain et al., 2023), but in research papers it is usually defined as psychological well-being (Strukova, 2024). In this paper, well-being is understood as a constant indicator of homeostasis that indicates a positive balance between available and required psychological resources (Cummins, 2016). The research is conducted in the tradition of the organismic approach in psychology (Maurer & Daukantaitė, 2020) and based on the idea that there are no separate isolated 'well-beings', but one holistic construct, made up of many interrelated components such as academic success, physical and mental health, quality of relationships, etc.

Some research examines what can be done to promote students' well-being (WB) at school (Cilar et al., 2020). Self-determination theory is one of the modern theories of personality that offers a view of personality structure, the nature of motivation and well-being that can be applied in educational contexts and has a profound theoretical (Ryan et al., 2023) and empirical background (Ryan & Deci, 2016). According to this theory, any human being inherently strives for development, learning, acting and exploring, and the environment can either support or undermine this striving. Thus, it argues that fulfilling three basic psychological needs (BPNs) – the need for autonomy, competence and relatedness – supports not only intrinsic motivation but also facilitates WB (Ryan & Deci, 2017). Autonomy in the broadest term is self-management. It is the ability to choose and make decisions, to act according to one's plan, needs, values, etc. Autonomy is not equal to the notion of "freedom" in the sense of "absence of constraint." On the contrary, actions can be autonomous even in conditions of limited choice, when a person can realistically assess the surrounding reality and make choices by themselves. The need for competence is the need to be well-equipped with knowledge and skills to be successful and effective in the challenges that life offers. It is when a student feels "I know, I can cope with this, I can do it". It covers a motivation to gain a high level of professionalism or mastery. Relatedness is the need to care for others and to accept care from them. In such an exchange of care and warmth to each other, this need is fulfilled (Ryan & Vansteenkiste, 2023). In this research, actions towards meeting basic psychological needs are practices supporting student WB at school (Reeve & Cheon, 2021).

According to Bronfenbrenner's theory, human development occurs in a complex interaction with environments: family, school, local community, global community, etc. Family and school are included in the microsystem and are the most immediate and influential environmental setting with which students interact (Navarro & Tudge, 2023). The impact of parental involvement is known to have a positive effect on students' academic achievements (Wilder, 2014) and well-being (Liu et al., 2024). Parents tend to take the role of a "customer" and demand to exercise choice regarding which school their child will attend (Breidenstein et al., 2020). Regarding school effectiveness, there is some evidence that school choice can lead to a better school productivity if parents "reward" effective schools by deciding to enrol their children there (Abdulkadiroğlu et al., 2020). A similar approach can be taken for WB practices: if parents expect or demand that schools satisfy their children's basic psychological needs, the school will be more likely to put into practice measures to support those needs. Although SDT provides plenty of instruments for empirical research, most of them are self-report questionnaires for students or teachers. Thus, a new instrument is needed to investigate the parental perspective.

Research Questions and Hypothesis

The main goal of the study was to reveal how SDT can inform education practitioners about the parental view and expectations of schools regarding their children's well-being. We supposed three hypotheses:

H1: Parental satisfaction of school is a unidimensional construct and can only be assessed in relation to parents' expectations from the school. This will be supported if the correlation between parental expectation of school and parental satisfaction of school is found to be positive and strong enough.

H2: The parental expectations and satisfaction scale will be sensitive to external criteria. This hypothesis will be supported if there are significant differences between groups of parents with different characteristics relevant to the levels of expectations and satisfaction.

H3: The combination of parental expectations and satisfaction distinguishes qualitatively different groups of parents for the purposes of a targeted improvement of school-parent partnership. This hypothesis will be supported if the cluster analysis reveals large enough interpretable groups of parents.

Methodology

Development of the Well-being Expectations and Satisfaction from School Questionnaire (WESQ)

Questionnaire Framework Development

According to SDT, environments that support human flourishing should be autonomy supportive, effectance (competence) supportive, and relationally supportive (Ryan & Deci, 2017); thus, three initial subsets of parents' expectations toward school were identified as "Autonomy", "Competence", and "Relatedness". It was essential to create items familiar to Russian parents and adjusted to the Russian cultural context, so it was decided to use phrases from interviews with Russian parents.

Thematic analysis was performed of 39 interviews with parents of school-aged children with different educational experience (<https://memo.hse.ru/en/>). The analyses showed that parents have concerns about things that are very close to autonomy (too rigid curriculum, lack of individual approach), competence (level of knowledge, quality of education) and relatedness (positive social interactions), and they also care about non-psychological well-being. The results support the importance of the BPNs but also highlight the need for environmental factors, such as food-quality, physical safety, etc.

First Scale Piloting

The initial WESQ consists of 28 items, including seven "Autonomy" items, six "Competence" items, eight "Relatedness" items, and seven "Non-psychological well-being" items. The first version of the WESQ has two sets of response options after each statement. For example, there is a statement: My child has emotional contact with teachers (e.g., has a favourite teacher). The first set of answers ranges from "Absolutely NOT important, I have NO such expectations of the school" (scored as 1 on the scale) to "Crucially important, I will change school if this is not

fulfilled” (scored as 6 on the scale). The second set of answers ranges from “The school absolutely DOES NOT satisfy my standards” (scored as 1) to “The school fully satisfies my standards” (scored as 6). Also, in this first trial, open-ended questions are included after each item, encouraging respondents to give their opinions about items.

The approval of the Ethical Committee of the Higher School of Economics was received on February 12th, 2024, and the pilot study took place in April 2024. The instrument was piloted in a ‘snowball’ sample (N = 120) recruited with the help of the Centre of Modern Childhood Studies, Institute of Education, HSE and their partnering schools.

Because of a rather small sample, classical test theory analysis was conducted. The Cronbach’s α of the e-scale was .87, of the s-scale — .91. However, the analyses of 584 open comments revealed that respondents find it difficult to assess satisfaction on indicators for which they have no expectations of the school. For example, there were comments like:

‘[It was difficult to assess] whether the school fulfils my requirements [when I don’t have such expectations]. I don’t expect much from the school except for the child to be safe. But at the same time, I answered in a very different way, I answered from the position of ‘socially acceptable’. I don’t expect much from the school.’

‘It doesn’t really matter to me as a characteristic, but I answered that it mostly meets my standards’

This was also proved during three cognitive interviews with parents of state school children. Each cognitive lab lasted for 50-60 minutes. The parents were asked to fill out the WESQ and “to think out loud”, and the interviewer wrote down a summary of the respondents’ ideas. The summary was later discussed in the work group. Overall, respondents found that most statements of the WESQ were clear and reasonable.

As a result, the scale was shortened (from 28 to 20 items, see the full list of items in Table 1) to reduce respondent burden, and the tree-structure was applied to the questionnaire. In the updated version, for each statement, respondents were first prompted to indicate whether they have such expectations from school or not, followed by a ‘yes’ or ‘no’ answer scale (e-scale). If respondents indicated they had such expectations, they were prompted to answer the following question and to evaluate the level of satisfaction using a five-point scale (s-scale). The answers were: “The school absolutely DOES NOT meet the level of my standards” (coded as 1), “The school is likely NOT to meet my standards” (coded as 2), “The school does something, but not enough” (coded as 3), “The school does a lot and generally meets my standards” (coded as 4), and “The school fully meets the level of my standards” (coded as 5).

Sample and the Procedure of Collecting Data

Data collection took place in May 2024. The sample was not randomised. The questionnaire was distributed via school principals who were reached through professional network groups. The questionnaire was delivered online and after finishing

Table 1

The List of Items in WESQ*

Competence
<p><i>item 01.</i> The school supports my child's sense of competence and confidence in his/her abilities**.</p> <p><i>item 02.</i> My child is taught in such a way that he/she successfully masters the program (passes the exams, writes tests, gets good final grades, etc.) without the involvement of private tutors.</p> <p><i>item 03.</i> The school helps my child to achieve high results (win at the Olympiads*** or some other competitions, etc.).</p> <p><i>item 04.</i> The school provides both intellectual, emotional and physical development for my child.</p> <p><i>item 05.</i> The school gives my child an opportunity to gain experience of success.</p> <p><i>item 06.</i> My child can cope with homework on his/her own, no additional specialists (parents, tutor) are required.</p>
Autonomy
<p><i>item 07.</i> At school, my child can try different activities and find out his/her interests.</p> <p><i>item 08.</i> My child has an influence on the amount and/or level of difficulty of the material studied and distributes the load himself/herself.</p> <p><i>item 09.</i> My child can choose topics and/or subjects according to his/her interests (he/she can choose more lessons on the subject of interest, and reduce the study of those not of interest).</p> <p><i>item 10.</i> My child understands grading criteria and can influence his/her own grades.</p>
Relatedness
<p><i>item 11.</i> My child has emotional contact with teachers (e.g., has a favourite teacher).</p> <p><i>item 12.</i> My child is protected from situations of rough treatment by teachers and other school staff members.</p> <p><i>item 13.</i> My child's social circle at school has a positive influence on him/her.</p> <p><i>item 14.</i> My child responds positively to school, and school life in general does not give cause to complaint.</p> <p><i>item 15.</i> The child has a social circle at school that he/she likes.</p>
Non-psychological aspects
<p><i>item 16.</i> The workload at school allows my child to have time for rest, hobbies, socialising with friends and family, etc.</p> <p><i>item 17.</i> The school environment is comfortable for the child to be there (comfortable furniture in classrooms, clean toilets, etc.).</p> <p><i>item 18.</i> The school provides quality meals (the child agrees to eat in the cafeteria, the meals are balanced).</p> <p><i>item 19.</i> The school supports children's health (the school is clean, there is an opportunity for physical activity during breaks, and ergonomic furniture – desks according to height, etc.).</p> <p><i>item 20.</i> The school has a convenient system of communication with parents.</p>

* The Russian version of the questionnaire, along with a possible interpretation of the results, can be found in the electronic copy of the paper on the journal's website.

** Here and further, a translated version of the item that was presented to respondents in Russian.

*** There is a system of academic high-stakes competitions in the Russian Federation called "Olympiads", so the term does not refer to the Olympic games.

the questionnaire parents were offered to download some useful materials as a compensation for their time.

The sample represented respondents with varied socioeconomic or cultural backgrounds and consisted of $N = 1,568$ parents of school students, 91.9% mothers, M parental age = 40.4, $SD = 6.03$. 23% live in settlements with a population of less than 50 thousand, 32.7% in settlements with a population of up to 1 million, 17% in cities with a population of up to 3 million, and 27.3% with a population of more than 3 million. 72.9% have a higher education. 62.8% often attend cultural events (theatre, concerts, etc). 39.9% are not able to change schools for their child, even if they do not like it, because it is the only available option for now. All parents participated voluntarily.

Parents provided data on $N = 1568$ students, 49.7% female, M age = 11.9. 41.3% attend primary school (grades 1–4), 46.9% secondary school (grades 5–9), and 11.8% upper secondary school (grades 10–11). 95.0% attend an ordinary state school, and 5% receive private or alternative education (homeschooling, etc). 66.7% students are studying in class sizes of 21 to 30 students per class, 25.3% – 31 students or more, 8% – less than 10 students. 38.8% have some character features (according to a parent report) that to some extent affect the learning process (too impulsive, easily getting offended, etc), and 19.5% have some health issues (myopia, allergy, etc). 8.4% have some mental health issues (ADHD, dyslexia, etc).

Results show good internal consistencies for both scales (Cronbach's $\alpha_{e\text{-scale}} = .90$; $\omega_{e\text{-scale}} = .96$; Cronbach's $\alpha_{s\text{-scale}} = .98$; $\omega_{s\text{-scale}} = .96$).

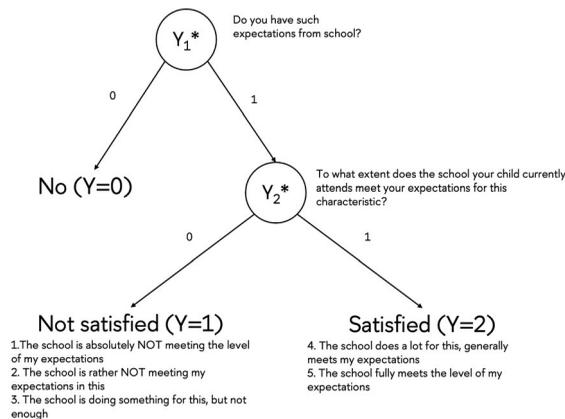
Analysis

Psychometric evaluation of the WESQ and item analyses

Since the WESQ has a tree structure (Figure 1), IRTree modelling was used (Boeck & Partchev, 2012). To do this, the data of s-scale was dichotomised:

Figure 1

A Linear Response Tree for WESQ

Answers 1, 2, 3 were coded as “Not satisfied”, and Answers 4, 5 – as “Satisfied”. All analyses were done with RStudio 2024.04.2 Build 764.

Two linear tree models were tested: a multidimensional model that implies a difference between nodes Y1* and Y2* and a unidimensional model when the differences between both nodes have the same latent variable. Based on AIC and BIC the two-dimensional model fits better (AIC = 43944.0; BIC = 44327.3) than the one-dimensional model (AIC = 48353.9; BIC = 48719.5). The correlation between the level of expectations and the level of satisfaction is 0.55: parents with higher expectations tend to have greater satisfaction levels. **This supports H1.** Items' coefficients for both nodes are presented in Tables 2 and 3.

Table 2

The Coefficients of Items for Node Y1* (The Level of Parents' Expectations)

Items	Estimate*	Std. Error	z value	Pr(> z)
Node Y1*				
item 01	2.40	.09	25.85	<.001
item 02	1.37	.08	16.63	<.001
item 03	0.65	.08	8.19	<.001
item 04	2.32	.09	25.32	<.001
item 05	1.85	.09	21.38	<.001
item 06	1.37	.08	16.57	<.001
item 07	1.86	.09	21.53	<.001
item 08	0.01	.08	0.19	.85
item 09	-0.40	.08	-5.14	<.001
item 10	1.85	.09	21.37	<.001
item 11	2.98	.10	29.07	<.001
item 12	2.00	.09	22.73	<.001
item 13	2.27	.09	24.95	<.001
item 14	2.36	.09	25.60	<.001
item 15	3.63	.12	3.69	<.001
item 16	2.30	.09	25.20	<.001
item 17	2.07	.09	23.33	<.001
item 18	1.47	.08	17.67	<.001
item 19	2.02	.09	22.93	<.001
item 20	2.74	.10	27.94	<.001

* The scale is the easiness scales, that is, higher logits correspond to easier to agree items

Table 3

The Coefficients of Items for Node Y2* (The Level of Parents' Satisfaction)

Items	Estimate*	Std. Error	z value	Pr(> z)
Node Y2*				
item 01	1.26	.12	1.51	<.001
item 02	1.46	.13	11.62	<.001
item 03	1.24	.13	9.37	<.001
item 04	1.11	.12	9.35	<.001
item 05	1.22	.12	1.01	<.001
item 06	1.34	.13	1.70	<.001
item 07	1.07	.12	8.86	<.001
item 08	0.51	.14	3.70	<.001
item 09	-0.01	.14	-0.06	.95
item 10	1.58	.12	12.76	<.000
item 11	2.14	.12	17.61	<.001
item 12	2.18	.13	17.29	<.001
item 13	1.76	.12	14.42	<.001
item 14	1.89	.12	15.41	<.001
item 15	2.31	.12	19.07	<.001
item 16	1.92	.12	15.66	<.001
item 17	1.73	.12	14.05	<.001
item 18	1.15	.12	9.38	<.001
item 19	1.72	.12	13.96	<.001
item 20	2.31	.12	18.57	<.001

* The scale is the easiness scales, that is, higher logits correspond to easier to agree items

The column Pr(>|z|) denotes the probabilities of exceeding significance, and the results for item 08 (*My child can influence the amount and/or level of difficulty of the material studied and distribute the load himself/herself*) in node Y1*, and item 09 (*My child can choose topics and/or subjects according to his/her interests (he/she can choose more lessons on the subject of interest, and reduce the study of uninteresting ones)*) in Y2*, show that there is a high probability that the observed difference between parameter estimates and zeros is due to chance. These items ask about autonomy expectations and are also among the most difficult¹ items. This difficulty can be explained by the fact that the sample of parents only includes parents of children who attended state schools that strictly follow the obligatory state-wide curriculum and, thus, it deserves further investigation of the differences between

¹ Here and after, the easiness of an item refers to the higher probability of parents to agree with the statement, and difficulty, respectively, to the lower probability.

parents choosing private schools or homeschooling, as well as cultural features in different countries where the curriculum is more flexible.

Item Interpretation

Based on the item characteristics, a qualitative interpretation was added to answer the question of what parents want and to what extent they are satisfied. Overall, the first ten easiest items of the e-scale include four items from relatedness, four items from non-psychological aspects and two items from competence. All four items of the autonomy items group, together with one relatedness item and two competence items form the most difficult part of the questionnaire. Overall, Russian parents tend to place greater importance on relatedness and the non-psychological aspects of well-being.

The first ten easiest items of the s-scale consist of five relatedness items, four non-psychological items and one autonomy item. All five competence items, four autonomy items and one non-psychological item form the more difficult half of the questionnaire. It seems that parents are mostly satisfied with how schools take care of relatedness and non-psychological aspects and less satisfied with supporting competence and autonomy needs.

The easiest item for e-scale is item 15 (*The child has a social circle at school that he/she likes*) – more than 90% of parents agree that they have such expectations. This point is also one that most parents (68%) are satisfied with. It seems that out of all the schools' various aspects, Russian parents value school friendship the most.

Most parents also have expectations about good relationships with teachers (item 11, relatedness), a convenient system of school-family communication (item 20, non-psychological aspects), and their child's experience of success and sense of confidence in learning (item 01, competence). The three most difficult items, which are considerably more difficult than others, are item 03 (*The school helps my child to achieve high results (win at the Olympiads or some other competitions, etc.)*), item 08 (*My child can influence the amount and/or level of difficulty of the material studied and distribute the load himself/herself*) and item 09 (*My child can choose topics and/or subjects according to his/her interests (he/she can choose more lessons on the subject of interest, and reduce the study of those not of interest)*).

What most parents are satisfied with is item 20 (*The school has a convenient system of communication with parents*). Russian schools have traditions of regular parent meetings, special software that allows parents to control homework, grades and progress, and an informal system of communication via chat-messengers, so it can be assumed that parents are content with all these measures. Parents admit that they are mostly satisfied with how schools maintain peer relationships (item 15), protect students from miscommunication (item 12), and support warm teacher-student relationships (item 11).

Parents who have expectations of autonomy support are less likely to be satisfied with it (items 07, 08, 09). It can be guessed that those who want to provide subject choice for their children are more likely to choose homeschooling or alternative schools that allow students to have a more flexible educational track and exercise their own choice of subjects, but this idea needs further consideration.

Parent Scores and External Criteria

The sensitivity of parental results on the expectation and satisfaction scales to external criteria supports H2. Parental scores of e-scale (e-scores, node Y1*) and of the s-scale (s-scores, node Y2*) were obtained under IRTree modelling and the standardised scores were used for further analyses (Figures 2, 3).

Gender differences. A Mann-Whitney U test was performed to evaluate whether parental e-scale scores and s-scale scores differ by gender. The results indicate that there is a significant difference between the e-scale scores of parents of girls (median = 0.17) and boys (median = 0.01), $p = .04$, but the effect size is small ($r = .05$). No significant differences are found between s-scores of parents of boys and girls.

Figure 2

Distribution and Density of Standardised e-Scale Scores (Node Y1*)

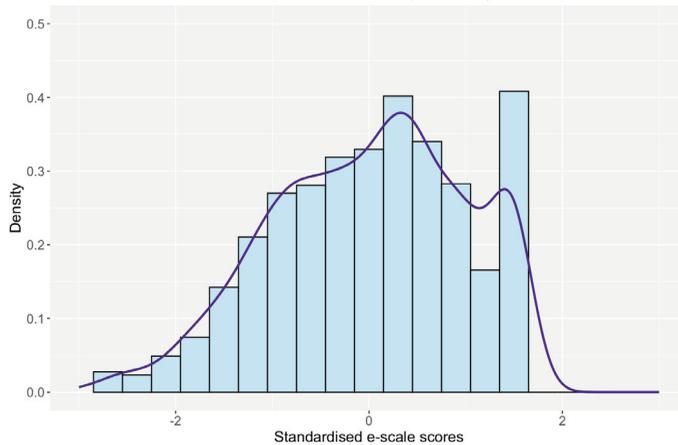
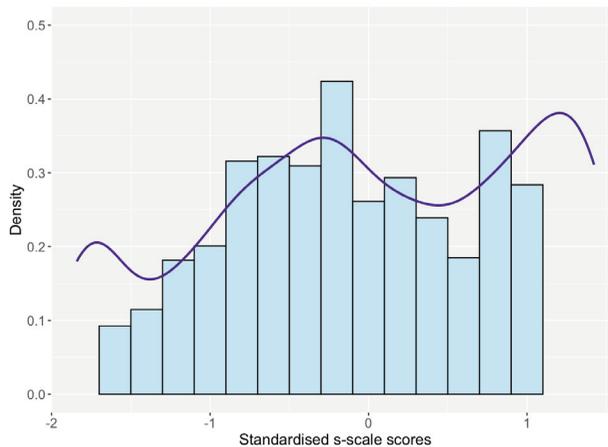

Figure 3

Distribution and Density of Standardised e-Scale Scores (Node Y2*)

Students' engagement. The results of the Mann-Whitney U test indicate a significant difference in the level of expectations between parents of students who are deeply engaged in some activity in the field of studies, sports, or art and spends considerable time doing this activity (median = 0.24) and those who are not (median = -0.17), $p < .001$, however the magnitude is small ($r = .13$).

The first group of parents also have higher levels of satisfaction; however the effect is also negligible ($r = .10$).

Possibility to choose/change a child's school. The results of the Mann-Whitney U test indicate that parents who do not have the possibility to change schools (for example, their child attends the only available school) have lower e-scores (median = -0.285, $p < .001$, $r = .15$) and lower satisfaction (median = -0.25, $p < .001$, $r = .15$) than parents who answered that they do have the possibility of changing either school or educational form (median e-scores = 0.24, median s-scores = 0.14).

Personal traits, Mental and Health issues. The results of the Mann-Whitney U test indicate that parents who admit that their children have some personal traits (median e-score = -0.07), mental health (median e-score = -0.08) or physical health issues (median e-score = -0.07) that might make school life more difficult, have lower e-scores ($p < .001$ for personal traits and health issues, $p = .05$ for mental health issue) than the group of parents whose children do not have such personal traits (median e-score = 0.20), mental (median e-score = 0.13) and physical health issues (median e-score = 0.14). However, the effect is negligible ($r = .10$; .05; .10 respectively).

The differences in satisfaction for the groups with and without personal traits, mental and physical health issues have similar patterns ($p < .001$ for all three groups, $r = .13$; .13; .14). Parents who admit that their children have some personal traits (median s-score = -0.19), mental health (median s-score = -0.50) or physical health issues (median s-score = -0.29) are less satisfied with how school takes care of the well-being of their children compared to parents whose children do not have such personal traits (median s-score = 0.18), mental (median s-score = 0.06) and physical health issues (median s-score = 0.12).

School year. ANOVA analysis shows no significant difference between parents of students in primary, secondary and upper secondary school, while parents of students in primary school are more satisfied than parents of secondary school ($p < .01$, $d = 0.14$) and upper secondary school children ($p = .05$, $d = 0.2$), though the effect is negligible.

Overall, both scales will be sensitive to external criteria, thus **H2 is supported**.

Cluster Analysis

A cluster analysis was conducted to check H3 and demonstrate that qualitative-ly different groups of parents can be distinguished. Agglomerative hierarchical clustering, based on Euclidean distances and a complete linkage method, was used to produce clusters (Figure 4, the cophenetic correlation coefficient between the cluster tree and the original data matrix is .68, which is acceptable (Gere, 2023).

The dendrogram was cut to form four clusters (Table 4). The number of clusters was checked with the Elbow method (Figure 5): the plot indicates that additional clusters beyond the fourth have little value.

Figure 4

Cluster Dendrogram of Clustering Parents According to Their Standardised E-Scores and S-Scores

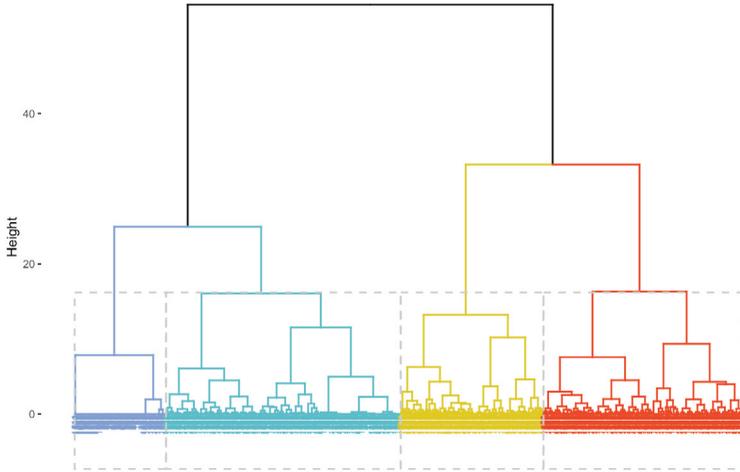

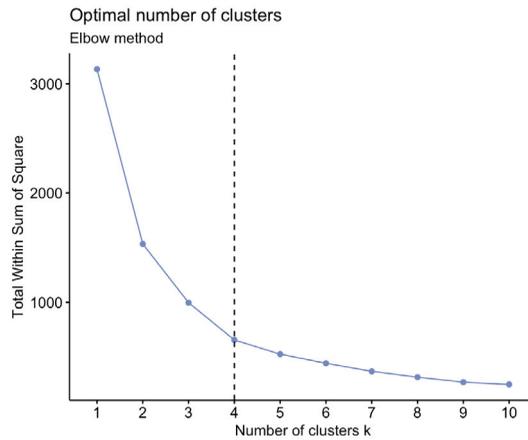
Table 4

Cluster Characteristics

Cluster	Means, z scores		N	%
	e-score	s-score		
1	0.92	0.94	560	35.7%
2	-0.48	0.11	521	33.2%
3	0.22	-0.97	280	17.9%
4	-1.57	-1.50	207	13.2%

Figure 5

Elbow Plot of the Variance within Clusters

The following interpretation to the clusters can be offered.

Cluster 1. These parents are satisfied with what the school does to support their children's well-being and have higher expectations.

Cluster 2. These parents do not want much from schools, but they are quite happy with what the schools do and how they work.

Cluster 3. This is a group of non-satisfied parents, who have an above average level of expectations but are quite unhappy with what school is doing to meet their expectations.

Cluster 4. This is a group of parents who have very few expectations but are very unsatisfied. It is worth further researching what are the experiences of these parents and what are the reasons for their low level of expectations and satisfaction.

In the social and demographic part of the survey, parents answered questions about their educational level and cultural capital that was measured with one item "How often do you go to theatres, concerts, etc" with an answer scale: "Never" (scored as 1), "Once or twice a year" (scored as 2), "Several times a year" (scored as 3), "About once a month" (scores as 4), "Once a week or more often" (scored as 5). For further analyses the categories were dichotomised: the first three answers formed the category "Seldom", the last two answers formed the category "Often".

In terms of parents' levels of education, the first and the fourth (68.1%) cluster includes fewer parents with a higher education (69.5%) than the third (80.0%; $p < .01$ and $p < .05$, respectively), but no differences in cultural capital were found. There are also no significant differences among the clusters in parents' age, but speaking of student age, the parents from the first cluster have younger children (M student age = 11.6; SD = 3.1) than parents from the fourth (M student age = 12.3; SD = 2.8; $p < .05$). The first and the fourth clusters also differ significantly ($p < .05$) in terms of place of living: parents from the first cluster tend to live in smaller settlements (small towns, villages) than parents from the fourth cluster.

There are more parents of children who are actively engaged in some educational activity, sport or arts in the first cluster compared with the second cluster ($p < .01$) and fourth cluster ($p < .01$), but no significant differences are found between the first and the third cluster. The first cluster significantly differs from the second, the third and the fourth in the number of parents of children with some personal traits that affect school life and learning ($p < .001$; $p < .001$; $p < .01$): 29.1% in the first cluster, approximately 45% in the second and the third, and 83.7% in the fourth. The same pattern can be observed in clusters for the number of parents of children with some health issues ($p < .001$): 12.6%; 21.9%; 25%; 24%. A similar pattern is observed for the first and the second and the third cluster in the number of parents of children with mental health issues (4%, 9% 10%, $p < .01$; $p < .001$).

Overall, the cluster analysis reveals large enough interpretable groups of parents, thus **H3 is supported**.

Discussion

This study presents the Well-Being Expectations and Satisfaction Questionnaire, an instrument for assessing parents' levels of expectations and satisfaction with how

the school supports student WB, based on self-determination theory. The instrument has a tree structure and consists of two scales, referred to as the e-scale and the s-scale, respectively. The instrument shows good psychometric qualities. We used a unidimensional scale due to the fact that people tend not to recognise separate details in their demands and contentment, which is typical for satisfaction scales (Nicolau et al., 2020), and this should not serve as a justification for dismissing the measurement of satisfaction levels (Anderson & Mittal, 2000), as such scales still provide valuable insights (Slocum-Gori et al., 2009).

Results revealed that parents care about what schools do to support the well-being of their children through meeting basic psychological needs of autonomy, competence and relatedness together with some non-psychological aspects. Most parents have expectations of school to support relatedness, and peer relationships in particular. School friendship proved to be an important part of the sense of belonging and adjustment (Ferguson et al., 2022), and there is also some evidence that countries with collectivist cultures, like Russia, tend to value it more (Rappleye et al., 2020). Thus, further research is needed to identify cultural patterns in parents' expectation and satisfaction levels. Since there is some evidence that parents who need higher levels of autonomy choose homeschooling, it could imply that the WESQ may be a useful tool to predict the decision of choosing alternative education systems, yet this statement needs to be examined in future studies.

Cluster analysis helped to reveal specific groups of parents, and it is interesting that parents with higher expectations tend to be more satisfied (Cluster 1). Other variables in the data set suggest that these are proactive parents who are ready to participate in school-family communication and their children less often have special needs (according to their opinion).

The results of this study were presented at a conference attended by educational practitioners, including school principals and teachers. During the discussions, targeted recommendations were proposed to enhance collaboration between schools and parents. Parents identified within the first cluster are regarded as key partners due to their high expectations and satisfaction levels; they are anticipated to exhibit greater loyalty towards school initiatives and demonstrate proactive engagement. Consequently, schools should actively involve these parents in various activities and decision-making processes.

In contrast, parents from the second cluster, characterised by low expectations but reasonable levels of satisfaction, are perceived by educational practitioners as a stable group that exhibits limited intention to engage in school affairs. Schools should ensure that these parents receive all necessary information while refraining from excessive disturbance.

Parents in the third cluster, who possess high expectations but report low satisfaction, have the potential to evolve into active and loyal partners, akin to those in the first cluster. Therefore, it is imperative for schools to tailor their parental policies to address the specific needs of parents within this cluster.

Finally, parents belonging to the fourth cluster present significant concerns, as they exhibit both low expectations and low satisfaction levels. Educational practitioners suggest that schools should adopt an individualised approach to address the unique circumstances of each case involving such parents.

Nevertheless, further research is required to validate the proposed measures and to gain a deeper understanding of how parents form their expectations.

This study makes it clear that even among parents from the same country and whose children attend the same type of schools (state schools), both expectation and satisfaction levels are not homogenous and depend on children's age, gender, psychological and health issues, etc. It highlights the group of parents that need more attention and support from school staff due to low levels of satisfaction. The phenomena of parents with low expectations and low satisfaction also raised some questions for further qualitative research.

One limitation of this research is that the sample was not randomised; it prevented the authors from making general conclusions about Russian parents whose children attend state schools.

References

- Abdulkadiroğlu, A., Pathak, P. A., Schellenberg, J., & Walters, C. R. (2020). Do parents value school effectiveness? *The American Economic Review*, *110*(5), 1502–1539. <https://doi.org/10.1257/aer.20172040>
- Anderson, E. W., & Mittal, V. (2000). Strengthening the satisfaction-profit chain. *Journal of Service Research*, *3*(2), 107–120. <https://doi.org/10.1177/109467050032001>
- Boeck, P. D., & Partchev, I. (2012). IRTrees: Tree-based item response models of the GLMM family. *Journal of Statistical Software*, *48*(1), 1–28. <https://doi.org/10.18637/jss.v048.c01>
- Breidenstein, G., Krüger, J. O., & Roch, A. (2020). Parents as ‘customers’? The perspective of the ‘providers’ of school education. A case study from Germany. *Comparative Education*, *56*(3), 409–422. <https://doi.org/10.1080/03050068.2020.1724485>
- Cilar, L., Štiglic, G., Kmetec, S., Barr, O., & Pajnikihar, M. (2020). Effectiveness of school-based mental well-being interventions among adolescents: A systematic review. *Journal of Advanced Nursing*, *76*(8), 2023–2045. <https://doi.org/10.1111/jan.14408>
- Conesa, P. J., Onandia-Hinchado, I., Duñabeitia, J. A., & Moreno, M. Á. (2022). Basic psychological needs in the classroom: A literature review in elementary and middle school students. *Learning and Motivation*, *79*, Article 101819. <https://doi.org/10.1016/j.lmot.2022.101819>
- Cummins, R. A. (2016). The theory of subjective wellbeing homeostasis: A contribution to understanding life quality. In F. Maggino (Ed.), *A life devoted to quality of life: Festschrift in honor of Alex C. Michalos* (pp. 61–79). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20568-7_4
- Downey, C., & Crummy, A. (2022). The impact of childhood trauma on children's wellbeing and adult behavior. *European Journal of Trauma & Dissociation*, *6*(1), Article 100237. <https://doi.org/10.1016/j.ejtd.2021.100237>
- Ferguson, S., Brass, N. R., Medina, M. A., & Ryan, A. M. (2022). The role of school friendship stability, instability, and network size in early adolescents' social adjustment. *Developmental Psychology*, *58*(5), 950–962. <https://doi.org/10.1037/dev0001328>
- Gere, A. (2023). Recommendations for validating hierarchical clustering in consumer sensory projects. *Current Research in Food Science*, *6*, Article 100522. <https://doi.org/10.1016/j.crfs.2023.100522>
- Grolnick, W. S., & Pomerantz, E. M. (2022). Should parents be involved in their children's schooling? *Theory into Practice*, *61*(3), 325–335. <https://doi.org/10.1080/00405841.2022.2096382>

- Hornby, G., & Blackwell, I. (2018). Barriers to parental involvement in education: An update. *Educational Review*, 70(1), 109–119. <https://doi.org/10.1080/00131911.2018.1388612>
- Hossain, S., O'Neill, S., & Strnadová, I. (2023). What constitutes student well-being: A scoping review of students' perspectives. *Child Indicators Research*, 16(2), 447–483. <https://doi.org/10.1007/s12187-022-09990-w>
- Liu, X., Fan, H., Shang, X., Li, W., He, X., Cao, P., & Ding, X. (2024). Parental involvement and children's subjective well-being: Mediating roles of the sense of security and autonomous motivation in Chinese primary school students. *Behavioral Sciences*, 14(7), Article 603. <https://doi.org/10.3390/bs14070603>
- Marquez, J., Taylor, L., Boyle, L., Zhou, W., & De Neve, J.-E. (2024). Child and adolescent well-being: Global trends, challenges and opportunities. In *World Happiness Report 2024* (pp. 61–102). University of Oxford. <http://doi.org/10.18724/whr-91b0-ek06>
- Maurer, M. M., & Daukantaitė, D. (2020). Revisiting the organismic valuing process theory of personal growth: A theoretical review of Rogers and its connection to positive psychology. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01706>
- Navarro, J. L., & Tudge, J. R. H. (2023). Technologizing Bronfenbrenner: Neo-ecological theory. *Current Psychology*, 42(22), 19338–19354. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02738-3>
- Nguyen, T. T., Cao, T. Q., Phung, H. T. T., Nguyen, T. T., Phan, T. T. T., & Pham, H. H. (2023). Parents as customers: The influence of school reputation on satisfaction, feedback, and loyalty of Vietnamese secondary students' parents. *Corporate Reputation Review*, 26(3), 167–178. <https://doi.org/10.1057/s41299-022-00144-w>
- Nicolau, J. L., Mellinas, J. P., & Martín-Fuentes, E. (2020). The halo effect: A longitudinal approach. *Annals of Tourism Research*, 83, Article 102938. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102938>
- Rapplee, J., Komatsu, H., Uchida, Y., Krysz, K., & Markus, H. (2020). 'Better policies for better lives?': constructive critique of the OECD's (mis)measure of student well-being. *Journal of Education Policy*, 35(2), 258–282. <https://doi.org/10.1080/02680939.2019.1576923>
- Reeve, J., & Cheon, S. H. (2021). Autonomy-supportive teaching: Its malleability, benefits, and potential to improve educational practice. *Educational Psychologist*, 56(1), 54–77. <https://doi.org/10.1080/00461520.2020.1862657>
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2016). Facilitating and hindering motivation, learning, and well-being in schools: Research and observations from self-determination theory. In *Handbook of motivation at school* (2nd ed., pp. 96–119). Routledge.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. Guilford Publications. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
- Ryan, R. M., & Martela, F. (2016). Eudaimonia as a way of living: Connecting Aristotle with self-determination theory. In J. Vittersı (Ed.), *Handbook of eudaimonic well-being* (pp. 109–122). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42445-3_7
- Ryan, R. M., Reeve, J., Kaplan, H., Matos, L., & Cheon, S. H. (2023). Education as flourishing: Self-determination theory in schools as they are and as they might be. In R. M. Ryan (Ed.), *The Oxford handbook of self-determination theory* (pp. 591–618). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.60>
- Ryan, R. M., & Vansteenkiste, M. (2023). Self-determination theory: Metatheory, methods, and meaning. In R.M. Ryan (Ed.), *The Oxford handbook of self-determination theory* (pp. 3–30). Oxford University Press.

- Shahab, M. K., de Ridder, J. A., Spinhoven, P., Penninx, B. W. J. H., Mook-Kanamori, D. O., & Elzinga, B. M. (2021). A tangled start: The link between childhood maltreatment, psychopathology, and relationships in adulthood. *Child Abuse & Neglect*, *121*, Article 105228. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.105228>
- Slocum-Gori, S. L., Zumbo, B. D., Michalos, A. C., & Diener, E. (2009). A note on the dimensionality of quality of life scales: An illustration with the Satisfaction with Life Scale (SWLS). *Social Indicators Research*, *92*(3), 489–496. <https://doi.org/10.1007/s11205-008-9303-y>
- Strukova, A. (2024). Scoping literature review of well-being of students at school: Implications for designing evidence-based interventions. *Review of Education*, *12*(2), Article e3479. <https://doi.org/10.1002/rev3.3479>
- Thompson, R., Wiley, T. R. A., Lewis, T., English, D. J., Dubowitz, H., Litrownik, A. J., Isbell, P., & Block, S. (2012). Links between traumatic experiences and expectations about the future in high risk youth. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, *4*(3), 293–302. <https://doi.org/10.1037/a0023867>
- Wilder, S. (2014). Effects of parental involvement on academic achievement: A meta-synthesis. *Educational Review*, *66*(3), 377–397. <https://doi.org/10.1080/00131911.2013.780009>
- Yliniva, K., Bryan, A., & Brunila, K. (2024). ‘The future we want’? – the ideal twenty-first century learner and education’s neuro-affective turn. *Comparative Education*, *60*, 498–518. <https://doi.org/10.1080/03050068.2024.2363096>

CITY COMMITMENT QUESTIONNAIRE: MODEL VERIFICATION AND METHOD STANDARDIZATION

YU. V. POTAPOVA^a, A. YU. MALENOVA^a, A. A. MALENOV^a

^a Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation

Опросник приверженности городу: верификация модели и стандартизация методики

Ю.В. Потапова^a, А.Ю. Маленова^a, А.А. Маленов^a

^a Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 644077, Россия, Омск, проспект Мира, д. 55а

Abstract

The human-city relationship phenomenon is currently a focus of research interest, driven by the relevance of local patriotism studies. Its heterogeneous conceptualization demands novel constructs and measurement approaches for improved citizen behavior prediction. The article substantiates the need to study commitment to the city, proposes a questionnaire of the same name, verifies it, and determines normative values for different age groups. The study sample consisted of 1,760 Omsk residents: 1,184 women (67.3%) and 576 men (32.7%); 414 people aged 14–17 (23.5%), 1,145 – 18–24 years old (65.1%), and 201 (11.4%) 25 years and older. Data processing methods: descriptive statistics, exploratory and confirmatory factor analysis, Pearson, Cronbach, Welch, Fornell-Larcker criteria. A large-scale sample was used to confirm

Резюме

Феномен отношения человека к городу в настоящее время вызывает исследовательский интерес в связи с актуальностью изучения проявлений локального патриотизма. Разнородность его концептуализации требует введения новых конструкций и способов их измерения для более точного прогноза поведения горожан. В статье обоснована необходимость изучения приверженности городу, предложен одноименный опросник, произведена его верификация, определены нормативные значения для разных возрастных групп. Выборку исследования составили 1760 омичей: 1184 женщины (67.3%) и 576 мужчин (32.7%), при этом возраст 414 человек составлял 14–17 лет (23.5%), 1145 – 18–24 года (65.1%), 201 – 25 лет и старше (11.4%). Методы обработки данных: описательные статистики, эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, критерии Пирсона, Кронбаха, Уэлча, Форнелла–Ларкера. На масштабной

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 25-28-20307, <https://rscf.ru/en/project/25-28-20307/> and a grant from the Omsk Region budget given as a subsidy, project No. G-16-s.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 25-28-20307, <https://rscf.ru/project/25-28-20307/>, и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, проект № Г-16-с.

the three-factor structure of the questionnaire, which reveals the structure of commitment to the city through its components — loyalty, involvement, identification. The internal consistency of the methodology as a whole and its individual scales was proven, and the levels of commitment to the city (low, medium, high and very high) were determined taking into account the structure and identified age specificity. The created tool, which has passed all the necessary psychometric tests, can be used for prompt assessment of the attitude of residents to their city, identification of migration risk groups, development of programs to enhance local patriotism of young people. The prospects for studying commitment to the city are associated with the inclusion of residents of other territories of Russia, studying the relationship with various psychological variables and socio-demographic factors.

Keywords: urban psychology, commitment to the city, loyalty, involvement, identification, measurement, psychometrics, age norms.

Yulia V. Potapova — Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology. Research Area: social psychology, subjective well-being, urban identity, migration intentions, local patriotism. E-mail: kardova.jv@gmail.com

Arina Yu. Malenova — Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology, Associate Professor. Research Area: psychological well-being, stress and coping behavior, psychology of motherhood, marriage and family attitudes, migratory behavior, local patriotism. E-mail: malyonova@mail.ru

Alexander A. Malenov — Associate Professor, Department of General and

выборке подтверждена трехфакторная структура опросника, раскрывающая структуру приверженности городу через ее компоненты — лояльность, вовлеченность, идентификацию. Доказана внутренняя согласованность методики в целом и ее отдельных шкал, а также определены уровни приверженности городу (низкий, средний, высокий и очень высокий) с учетом структуры и выявленной возрастной специфики. Созданный инструмент, прошедший все необходимые психометрические проверки, может быть использован для оперативной оценки отношения жителей к своему городу, выявления групп миграционного риска, разработки программ усиления локального патриотизма молодежи. Перспектива исследования приверженности городу связана с включением в него жителей других территорий России, изучением связи с разными психологическими переменными и социально-демографическими факторами.

Ключевые слова: психология города, приверженность городу, лояльность, вовлеченность, идентификация, измерение, психометрика, возрастные нормы.

Потапова Юлия Викторовна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальная психология, субъективное благополучие, городская идентичность, миграционные намерения, локальный патриотизм. Контакты: kardova.jv@gmail.com

Маленова Арина Юрьевна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук, доцент. Сфера научных интересов: психологическое благополучие, стресс и совладающее поведение, психология материнства, брачно-семейные установки, миграционное поведение, локальный патриотизм. Контакты: malyonova@mail.ru

Маленов Александр Александрович — доцент, кафедра общей и социальной психоло-

Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology.
Research Area: psychological education, personality resources, subjective well-being, migration attitudes, local patriotism.
E-mail: malyonov@mail.ru

гии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: психологическое образование, ресурсы личности, субъективное благополучие, миграционные установки, локальный патриотизм.
Контакты: malyonov@mail.ru

The city is one of the key factors in the development of civilization, exerting a significant influence on economic, social and cultural processes, and can be defined not only as a geographical or economic object, but also as a spatial embodiment of social ties, including between generations, synthesizing traces of history and modern everyday life (Lynch, 1982), a key factor in the development of regions and countries (Artemova et al., 2021).

The development of the modern city is characterized by a number of trends: the growth of large agglomerations (Ibid.), with the simultaneous depopulation of small towns (Evseenkova, 2014), a shift in emphasis from industrial functions to ensuring the well-being of residents (Artemova et al., 2021), from architecture and infrastructure to consideration of joint activities and social connections of the urban community (Murray & Landry, 2020). M. Boyle and co-authors emphasize that many urban renovation and regeneration projects encounter insoluble contradictions due to insufficient consideration of the psychology of the city and the influence of the environment on the subjective well-being of residents (Boyle et al., 2020). Another trend concerns the urban population itself. Already at the end of the 20th century, A.V. Baranov described the portrait of a city dweller as more detached, focused on individualistic values, career, personal comfort and well-being (Baranov, 1981), than a resident of rural areas. This is manifested in the dominance of business-like communication over interpersonal communication, the fast pace of life, and the growth of information consumption and production. In the early 19th century, scholars supported this idea through the depersonalization of urban communication and the prevalence of a commodity-monetary, consumerist approach to the city and its inhabitants. At the same time, types of urbanites with a pronounced need to belong to the city began to emerge. Contemporary researchers view the city as a source of significant stress and tension for its residents due to environmental factors, intense strain on the body and mind due to noise and a flood of impressions, an abundance of weak social ties, encounters with strangers (Larionov & Drobysheva, 2024), sensory overload (McCay et al., 2017), and disunity and a sense of isolation (Muluk, 2022). It is believed that the intensity and diversity of stimuli in the urban environment can lead to the development of adaptation strategies aimed at reducing psychoemotional overload. Some authors (Baranov, 1981; Larionov & Drobysheva, 2024) note that this can manifest itself in the formalization of interpersonal contacts and a decrease in emotional involvement in city life, as well as detachment from it. At the same time, in the era of “post-capitalism and post-labor,” against the backdrop of total virtualization (Kozlova, 2021) and a focus on cosmopolitanism (Bell & De Shalit, 2011), people need to

identify themselves with a specific material environment, develop effective and targeted social connections (Kozlova, 2021), and feel a sense of belonging to something unique and “their own” (Bell & De Shalit, 2011). This is precisely why many scholars from various fields who have begun to examine urban topics are addressing the problem of residents’ attitudes toward their city. The conceptual field of psychological phenomena associated with the city includes its perception and understanding based on the analysis of urban discourse (Kostko & Pecherkina, 2024), perception (Lynch, 1982), image (Bourdieu, 1985) and city brand (Ovsyannikova & Saenko, 2022), attitude towards it (Shub, 2022). Emotional connection with the city is studied by place attachment theory through the formation of positive emotional ties between a person and a specific geographical location (Tuan, 1990). L. Scannell and R. Gifford (2010) propose a three-component model of commitment to place, including person, place, and process, emphasizing the importance of individual characteristics, place features, and the psychological processes that form a connection between them. The assessment of sense of place (Massey, 1994) is based on the subjective experience of living within it, its significance for the formation of identity and a sense of belonging. It is also viewed as an integral phenomenon, combining personal and collective memory, cultural traditions, and social interactions that shape the unique image of a territory (Zherdeva, 2015). S. Huseyin emphasizes the role of historical memory and cultural heritage in shaping commitment to place, noting that preserving and updating the historical context helps strengthen the connection between residents and their city (Huseyin, 2020). Another area of research in urban psychology concerns more its population: self-identification of citizens and its foundations (Fedotova, 2023), subjectivity and responsibility (Larionov & Drobysheva, 2024), viability (Drobysheva & Emelyanova, 2020), which determine the semantic aspect of life in a particular territory (Pokatilovskaya & Shibaeva, 2019), activity, involvement and awareness of belonging to a particular city, sharing its values, norms and symbols (Twigger-Ross & Uzzell, 1996), which is denoted by the concept of urban identity. It is understood as a stable person’s idea of themselves as a resident of this particular city, a natural sense of one’s connection with it, an emotional attitude to the fact of one’s own correlation with the place and its inhabitants, a certain complexly articulated sense of common destiny (Gornova, 2018, p. 14). The relevance of the study of urban identity is substantiated by the fact that it is considered an important factor in the activation (Anton & Lawrence, 2016) and consolidation of the urban community (Kozlova, 2021), the formation of local patriotism (Fedotova, 2023), the reduction of migration attitudes (Antonova, 2019; Fedotova, 2023) and the strengthening of the psychological well-being of city residents (Bonaiuto et al., 1999). In assessing the structure of urban identity, the positions of the authors are similar regarding the affective component (which is also called emotional (Shub, 2022) and emotional-sensory (Galkina & Kadnichanskaya, 2024)). It is typically revealed through city relationship categories, its evaluative perception (Kostko & Pecherkina, 2024), subjective experiences generated by the city and the factors influencing its functioning (Gornova, 2018), and attachment to place (Reznichenko, 2014). Some authors directly describe feelings toward the city: both relatively universal ones –

pride (Kostko & Pecherkina, 2024) in the form of local patriotism (Nazukina & Petrova, 2015), love, boredom, anxiety (Ellard, 2016), and specific ones – feelings of place, connection, identification, orientation, history, order, etc. (Meyer, 1978). With regard to the remaining components, the authors diverge so greatly in their interpretations and names that it is worth acknowledging the absence of a unified understanding of the structure of urban identity.

Thus, urban psychology is currently at the stage of being filled with disparate empirical data and developing individual theories. No authors have yet provided a systematization of the proposed concepts. The most developed and widely used concept is the phenomenon of urban identity, but even here, scholars have not yet developed a unified understanding. Disagreements concern both the composition of the components (affective, cognitive, value-semantic, practical (Gornova, 2018)) and their content. Moreover, despite the connection between urban identity and human behavior, it is difficult to definitively assert, based on the available data, that (non)sharing common values will lead to real human actions, stimulating involvement in improving the urban environment or building migration routes. This is also confirmed by studies, which, for example, indicate that the migration intentions of respondents who expressed their desire to move are realized in one case out of seven (Laczko et al., 2017), or when those who have already left acknowledge the presence of a strong identity and attachment to the city, which, nevertheless, did not prevent their relocation (Potapova et al., 2024). In this regard, the need is indicated for identifying a concept with a more pronounced connection with migration plans and the involvement of residents of a particular territory.

Based on A.I. Prigozhin's approach, the city can be considered a subtype of social organization, as their categorical characteristics are similar: there is a common goal, expressed for the city in the optimization of group resources to create comfortable living conditions, and the presence of organizational power exercised by the city administration (Prigozhin, 2003). This means that the processes and phenomena occurring in the city can be appropriately considered within an organizational framework. Similar to studies of organizational identification, loyalty, involvement, and employee commitment (e.g., Lovakov & Lipatov, 2011; Alekseeva, 2022), it can be assumed that city residents share a similar attitude, which can be described as commitment to the city. Research conducted within the framework of organizational psychology provides valuable methodological and theoretical tools for assessing this phenomenon. In particular, the concept of organizational commitment developed by J. Meyer and N. Allen (Meyer et al., 1993) distinguishes three components of organizational commitment: affective (emotional attachment), normative (sense of duty) and continued (awareness of the costs associated with leaving the organization). In Russian psychology, a comprehensive model of organizational commitment was proposed by E.A. Alekseeva (Alekseeva, 2022), revealing it as an integrative concept through: 1) satisfaction with working conditions (the author draws an analogy with A. Maslow's "pyramid", identifying satisfaction as a basic construct with vital needs); 2) identification with the team and the organization (the level of security needs); 3) loyalty (emotional connection

with the organization and the team, the level of needs for love and acceptance); 4) involvement (management of one's activity, application of efforts to achieve goals in the organization).

It can be assumed that commitment to the city also includes an emotional attachment to the place (which is confirmed by a number of theories studying the phenomenon of "place attachment" (Rollero & Pikkoli, 2010; Lewicka, 2011), a sense of duty to the city (reflecting the city dweller's civic behaviors and responsibilities (Larionov & Drobysheva, 2024; Emelyanova et al., 2022), their active constructive involvement in the life of the city (Antonova, 2019; Evseenkova, 2014), awareness of potential losses associated with moving (for example, due to the need to purchase real estate, which is difficult in megacities compared to small towns) and unwillingness to leave it, in principle (Potapova et al., 2024).

Taking into account the specificity of the urban context and the awareness of the conventionality of the analogy, the model of commitment to the city can be revealed through the following components:

1) Identification with the city is the process of relating an individual to the city, based on its cognitive and emotional evaluation as a significant social group and serving as the foundation for the formation of urban identity (see Gornova, 2018; Shub, 2022; Ozerina, 2016). Empirical indicators of strong identification with the city may include its perception as "one's own" territory and a sense of security; weak identification includes feelings of alienation, loneliness, and discomfort.

2) Loyalty to the city is defined as an emotional attachment to the region of residence, a positive attitude toward urban space, and a willingness to defend its interests (see Kostko & Pecherkina, 2024; Reznichenko, 2014). Empirically, this can manifest itself in positive emotions toward the city and its residents, and a high assessment of its attractiveness, including aesthetics.

3) Involvement in the life of the city is the readiness of an individual to actively participate in urban life through satisfying personal needs (self-realization, professional development, career growth) and contributing to the social good (participation in public life, volunteering, improving the urban environment) (see Drobysheva & Emelyanova, 2020; Sannikova, 2023; Larionov & Drobysheva, 2024).

Thus, commitment to the city is a complex psychological phenomenon (including cognitive, emotional, and behavioral components), to which structural models from organizational psychology can hypothetically be applied. We define commitment to the city as a specific form of an individual's value-based attitude toward their place of residence (space and sociocultural environment), characterized by acceptance of its characteristics, a desire to remain in the city, an emotional disposition and identification with it, involvement in city life, and a desire to realize one's potential there. This predicts migration behavior and the degree of a citizen's involvement in public life (Potapova et al., 2023).

A wide range of methods with varying degrees of structure and depth of analysis are used in studying attitudes toward the city, attachment, and the grounds for identification with it:

1. Survey methods: applied to quantitatively assess attitudes towards the city using questionnaires designed to take into account the specifics of a particular territory and

its cultural, historical, geographical, social and other characteristics (Shub, 2022; Khokhlova & Shibaeva, 2021; Ovsyannikova & Saenko, 2022).

2. Semi-structured and in-depth interviews: allow for obtaining more detailed and comprehensive data on individual experiences of interaction with the city (Fedotova, 2023; Antonova, 2019).

3. Psychometric methods: include the use of standardized questionnaire tests (Larionov & Drobysheva, 2024; Litvina & Muraveva, 2018; Emelyanova et al., 2022), scale methods (Bonaiuto et al., 1999), including binary oppositions (Sannikova, 2023) and semantic differentials (Hessलगren, 1971), to assess various aspects of urban perception and attitudes.

4. Projective methods: aim to identify unconscious associations and ideas about the city using the unfinished sentence method (Galkina & Kadnichanskaya, 2024), the pictogram method (Steinbach & Elenskii, 2004), and cognitive mapping (Lynch, 1982).

5. Combined methods: integrate quantitative and qualitative approaches, for example, combining survey methods with tasks such as searching for photos of the city or oneself in the city in a smartphone gallery (Evseenkova, 2014).

Despite the advantages of each of these methods, for conducting mass screening studies, especially during periods of crisis in regional development, it is advisable to have a compact and valid psychometric instrument that enables a quick and meaningful assessment of attitudes toward the city. We propose the “City Commitment Questionnaire,” which has been in development since 2023, as such an instrument. The closest psychodiagnostic tool to this topic, which has undergone psychometric testing, is the City Identity Questionnaire by S.A. Litvina and O.I. Muraveva. It consists of 23 statements divided into five scales: “Sense of Belonging to the City and Belief in Its Potential,” “Emotional Attachment and Feeling of Intimacy,” “The City as Unique,” “Personal Contribution to the Life of the City,” and “Future Planning Related to the City” (Litvina & Muraveva, 2018). Our development underwent a confirmatory analysis procedure (allowing us to achieve conciseness and acceptable indicators of model consistency), an assessment of test-retest reliability, discriminant and convergent validity (Potapova et al., 2023). The primary analysis of the factor structure of the city commitment questionnaire was carried out on a sample of 202 people (students from Omsk) and showed the presence of three scales: Loyalty, Involvement and Identification (EFA results: KMO = .9, 64.48% of total variance, CFA results: $\chi^2 = 66.9$, $p = .066$; CFI = .985, GFI = .941; RMSEA = .040; RMR = .053), Cronbach’s α was .901 for the secondary measurement, test-retest reliability showed significant correlations between the primary and secondary measurements for all three scales, ranging from .63 to .73, convergent validity was confirmed by multiple significant relationships (Ibid.).

Method

The objectives of this study are to verify the factor structure of the “City Commitment Questionnaire,” determine the internal consistency of the methodology as a whole and its individual scales, and determine normative values for different age groups.

The methodology is a normative questionnaire consisting of 12 statements with respondents' ratings on a Likert scale: 1 – Strongly disagree, 2 – Slightly disagree, 3 – Somewhat in between, 4 – Slightly agree, 5 – Strongly agree – for direct statements and inverted for reverse statements.

The study sample consisted of 1,760 people: 1,184 women (67.3%) and 576 men (32.7%), who had lived in Omsk for the past two years. Age and social categories of respondents: 14–17 years old – 414 people (23.5%), schoolchildren and underage college students; 18–24 years old – 1,145 people (65.1%), adult students at colleges and universities in Omsk; 201 people (11.4%), 25–39 years old, young professionals working in Omsk organizations (82.5% full-time, 17.5% part-time). Groups of students were recruited from general (schools, lyceums), secondary, and higher vocational education institutions with the consent of the administration, participants, and parents of children under 15 years of age.

Methods of statistical data processing: descriptive statistics (arithmetic mean and standard deviation), exploratory (principal component analysis with Varimax rotation to create the primary factor structure of the questionnaire and evaluate the factor loadings of the statements) and confirmatory factor analysis (to confirm the obtained factor structure and evaluate the measures of model consistency), Cronbach's criterion for assessing the internal consistency of the methodology, Welch's criterion (for comparing the selected groups with a normal distribution of scale data according to the Kolmogorov-Smirnov criterion and partial fulfillment of the condition of homogeneity of variances according to the Levene test), Pearson's correlation criterion (to assess intercorrelations of questionnaire scales), Fornell-Larcker criterion for assessing discriminant validity. Statistical package: IBM SPSS Statistics 20, Amos SPSS, Jamovi.

Results

In the first stage, the factor structure was verified using principal component analysis ($PCA = .914, p \leq .001$, cumulative percentage variance 65.5%). The resulting factor structure was the same as that identified during the initial psychometric evaluation (Potapova et al., 2023). It includes three factors (see Table 1).

To standardize the data, respondents' responses to questions containing negative opinions about the city were presented on an inverted scale (where 1 = "Completely agree" and 5 = "Completely disagree"). Therefore, the factor loadings for odd-numbered statements are positive. The inclusion of "negative" statements about the city is justified by the desire to account for the urban identity crisis currently being experienced by Omsk residents (Gornova, 2018).

Based on the previously identified structure of commitment to the city, we planned to retain the previous names of the factor scales: 1 – loyalty (eigenvalue = 2.69, 22.45% of variance), 2 – involvement (eigenvalue = 2.64, 21.99% of variance), 3 – identification (eigenvalue = 2.52, 21.04% of variance). However, the "involvement" factor primarily combined statements regarding young people's assessment of the urban environment in terms of opportunities for personal and professional fulfillment, rather than their involvement in city development. Therefore, its name was clarified

Table 1

Factor Loadings of the City Commitment Questionnaire Items

Factor 1	Factor 2	Factor 3
4. I find Omsk cozy (.739)	2. Omsk offers many opportunities for development (.714)	1. I feel uncomfortable in Omsk (.473) – R
6. Omsk is a beautiful city (.752)	5. I believe Omsk offers few opportunities for self-realization (.847) – R	3. I feel like an outsider in Omsk (.779) – R
10. I admire the people who live in Omsk (.707)	7. Omsk lacks opportunities for young people (.787) – R	9. In Omsk, I often feel lonely and lost (.818) – R
12. I love Omsk (.739)	8. I can realize my potential in Omsk (.649)	11. Omsk brings back unpleasant memories for me (.759) – R

Note. The numbers of the statements in the questionnaire have been retained when they are presented in the table. Invertible characteristics are marked with the symbol “R”.

as “realization in the city,” and the corresponding context was also added to the names of the other scales – “loyalty to the city” and “identification with the city”.

Moreover, all statements have high factor loadings and model communalities greater than 0.6, except for item #1 – “I feel uncomfortable in Omsk.” Its communal value is low (.473), as is its factor loading, so the question of excluding this item from the methodology was raised.

The next step was confirmatory factor analysis. Including all 12 statements in their respective factors in the analysis yielded good model fit indices: CFI = .947, GFI = .95, SRMR = .0044, RMSEA = .073, with the exception of $\chi^2 = 534, p \leq .001$. However, given that the χ^2 index is strongly influenced by sample size, it can be assumed that the model meets high fit requirements for a number of other characteristics (see Figure 1).

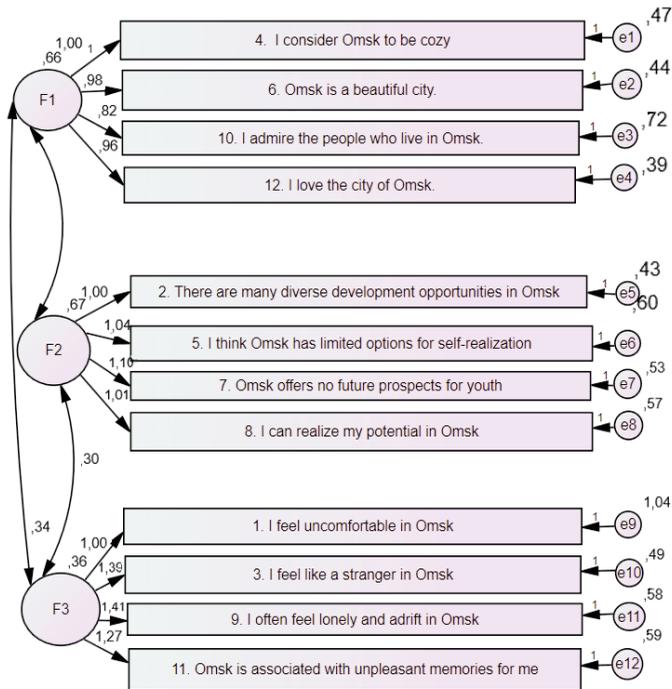
The next step was to test the internal consistency of the method using Cronbach’s α . Overall, the questionnaire yielded $\alpha = .890$, with no item receiving after deleting the item above the integral value, including the first one. This allows it to be retained in the city commitment questionnaire to preserve its structure (four items in the scale). For individual scales, the internal consistency values were: α -Loyalty (towards the city) = .821, α -Implementation (in the city) = .843, α -Identification (with the city) = .766, demonstrating a high level of reliability.

The scales of the city commitment questionnaire are statistically significantly related to each other: loyalty correlates positively with implementation ($r = .607, p \leq .001$) and identification ($r = .567, p \leq .001$), and the latter also correlate with each other ($r = .523, p \leq .001$). The square roots of AVE for each scale exceed the correlation coefficients (square root of AVE for the Loyalty to the City scale = .734, Implementation in the City = .753, Identification with the City = .721), which confirms the discriminant validity of the methodology according to the Fornell-Larcker criterion.

The primary objective of the study was to identify norms for each scale. To this end, we analyzed descriptive statistics: Loyalty to the City ($M = 14.98, \sigma = 3.38$), City Implementation ($M = 13.75, \sigma = 3.68$), Identification with the City ($M = 15.70, \sigma = 3.46$), and the integrated commitment indicator ($M = 44.43, \sigma = 8.87$).

Figure 1

Factor Structure of the City Commitment Questionnaire

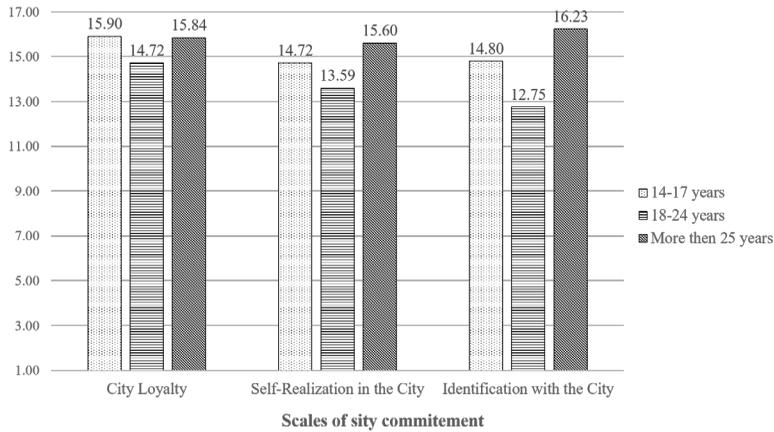

Further, significant differences were found in the manifestation of each of the scales in different age groups (for loyalty $F = 19.52, p \leq .001$; implementation $F = 22.79, p \leq .001$; identification $F = 3.63, p \leq .05$, (see Figure 2); commitment $F = 13.57, p \leq .001$, for 14–17 years old $M = 46.46, \sigma = 8.64$; for 18–24 years old $M = 43.91, \sigma = 8.88$; over 25 years old $M = 43.78, \sigma = 8.40$).

Thus, respondents aged 14 to 17 demonstrate the highest loyalty values compared to other groups, while those aged 18 to 24 have lower scores on all scales, especially identification with the city. Adults, on the contrary, have the highest identification with comparable loyalty and implementation. When paired comparisons were made using the Scheffe and Teimchen tests, differences were not found in all situations. Loyalty distinguishes the group of minors from 18–24-year-olds ($p \leq .001$) and the oldest respondents ($p \leq .001$). In terms of implementation, the groups differ in pairs: schoolchildren from students ($p \leq .001$) and people over 25 ($p \leq .001$), from whom 18–24-year-olds also significantly differ ($p \leq .05$). Identification differentiates age groups less than other measures: differences were found only between the 18–24-year-old and the oldest respondents ($p \leq .05$). Overall, adherence was significantly higher among younger respondents than among 18-24-year-olds ($p \leq .001$) and older respondents ($p \leq .01$), although the integrated indicator of the method did not differ significantly between the latter two groups.

Figure 2

Average Values of the Scales of Commitment to the City in Different Age Groups

In connection with the differences found between the groups, the norms for the scales were identified for each subgroup separately based on the quartile analysis conducted in this age category of respondents (see Table 2).

Table 2

Age Norms for City Commitment Scales

Scales	Standards for the age group 14–17 years by levels			
	Low	Average	High	Very High
Loyalty to the city	5–13	14–15	16–17	18–20
Implementation in the city	5–11	12–14	15–17	18–20
Identification with the city	5–13	14–15	16–18	19–20
Commitment to the city	15–39	40–46	47–52	53–60
Scales	Standards for the age group 18–24 years by levels			
	Low	Average	High	Very High
Loyalty to the city	5–11	12–14	15–16	17–20
Implementation in the city	5–10	11–12	13–15	16–20
Identification with the city	5–12	13–15	16–17	18–20
Commitment to the city	15–37	38–43	44–49	50–60
Scales	Standards for the age group 25–39 years by levels			
	Low	Average	High	Very High
Loyalty to the city	5–12	13–14	15–16	17–20
Implementation in the city	5–9	10–11	12–14	15–20
Identification with the city	5–13	14–16	17–18	19–20
Commitment to the city	15–37	38–43	44–49	50–60

While not all group scores on the scales demonstrated significant differences, some norms were similar. For example, students and adults had similar commitment norms, although within the scales, norms differed. Taking these into account provides a more nuanced analysis of the specific manifestations of value-based attitudes toward the city.

Discussion

The final stage of work on the city commitment questionnaire showed that its factor structure is quite stable and includes three scales: loyalty, implementation, and identification.

The “Loyalty to the City” scale contains statements related to positive assessments of the city’s aesthetics (beautiful), emotional evaluations of its environment (cozy), feelings toward the city (love), and its residents (admiration). This scale has high internal consistency; all of its statements within the overall questionnaire structure have Cronbach’s α lower than the integral indicator, meaning each item contributes to the reliability of the measure. There are significant differences in assessments across age groups, with students expressing lower loyalty than minors and respondents over 25. It can be assumed that the proportion of out-of-town students among college and university students is higher, as Omsk is considered a “transit city” (Gabdrakhmanov et al., 2019), where a high proportion of young people from other cities are studying but leaving immediately after completing their vocational training. These young people, as well as native Omsk residents who are already planning to move and are less strongly attached to the city, are likely the most likely. The differences between age groups may be related to life cycle characteristics and the degree of involvement in the urban environment. Minor respondents tend to have less autonomy in choosing their place of residence and limited experience living in other cities. Adults, on the other hand, are more likely to have a stable job and family, which may contribute to their attachment to the city. Students are characterized by greater mobility and a focus on seeking opportunities beyond their current place of residence. High rates of net migration support this hypothesis (Key Indicators of Population Migration).

The “City Realization” scale focuses on individuals’ participation in the city, enabling them to achieve success and realize their potential, and assessing the opportunities available to Omsk residents, especially young people. This scale includes two direct statements (“Omsk has many different opportunities for development” and “I can realize my potential in Omsk”) and two inverse statements (“I believe that Omsk offers few opportunities for self-realization” and “Omsk has no prospects for young people”). The statement related to self-realization has the lowest factor loading, while the statement about the lack of opportunities for self-realization has the highest. Thus, the “Involvement” scale reflects the subjective perception of development opportunities and prospects in the city, which does not always align with respondents’ personal experiences and can be influenced by factors such as the media, the urban community agenda, and interpersonal communication (Gornova, 2018; Preobrazhenskiy, 2020; Ovsyannikova & Saenko, 2022).

The statement “I can realize my potential in Omsk” allows for a direct assessment of one’s involvement in the city and its potential for self-development. Combining subjective and objective aspects in a single scale enables a comprehensive approach to assessing Omsk residents’ perceptions of their hometown through real or perceived limitations to career development. Furthermore, self-realization indicators in the city significantly decrease with age: the older the respondent, the lower their score on the scale. This may be due to students’ more abstract understanding of the city’s labor market, while those already faced with the job search and opportunities for self-realization have a better understanding of the situation. On the other hand, for adult professionals, the issue of self-development and training is less significant: this need is satisfied, they better understand their potential, having chosen suitable options for its realization. Young people are still actively searching for promising development trajectories in the city.

The “Identification with the City” scale is the most complex to understand and the most ambiguous in terms of psychometric assessment, partly due to the need to invert negative statements. The statements “In Omsk, I often feel lonely and lost” and “I feel like a stranger in Omsk” have the strongest factor loadings. Assuming the respondent disagrees with these statements, we get the opposite: I am not alone, I have someone to turn to, I feel like I belong here. The dilemma of “inclusion/disconnection” between the individual and the city highlights the duality of this process: in a positive perspective, the individual develops within the space, upholds cultural standards, and embraces values; in a negative perspective, the individual assimilates only within a part of the urban environment (Gornova, 2020). The statement “I associate Omsk with unpleasant memories” reveals the subject’s attitude toward the city as a whole. Negative associations with place of residence may possibly arise at the intersection of two different types of experience. For example, a person who is not a native Omsk resident and, upon arriving from their hometown/town and facing difficulties adapting, involuntarily compares Omsk with their familiar surroundings, becomes homesick, and extrapolates these feelings to the city. Or, impressed by the environment/infrastructure/architecture/opportunities of other cities, a person, by contrast, tends to evaluate Omsk negatively. In any case, agreement with this item is an important marker, indicating dissatisfaction and the presence of a frustrating situation, which can contribute to the formation of migration attitudes. Finally, the item “I feel uncomfortable in Omsk,” which, compared to the previous items, is more softly worded and less specific, has a lower factor loading, but still contributes to the internal consistency of the method. This is likely due to the inconsistency of the statement’s inversion: “uncomfortable” is more of a neutral assessment, simply “not great,” “not good,” or a more pronounced negative one, such as “uncomfortable,” “bad.” These ambiguities could have been avoided by making all statements positive, but we deliberately balanced statements about the city with different connotations. A preliminary analysis revealed that from 2018 to 2024, Omsk held the status of a disadvantaged metropolis according to the urban environment quality index. Despite the city’s active transformation in recent years, the perception of its “problematicity” persists, affecting its image and assessments of the city by the residents. In such a situation,

exclusively positive statements in the questionnaire may provoke respondents to formalize their responses, consider social desirability, or rejection, leading to increased negative reactions to the questions. Furthermore, the initial version of the methodology contained 48 statements characterizing the city, and the 12 remaining ones had the strongest factor loadings after undergoing structural modeling (Potapova et al., 2023). The identification scale was developed at an average level among schoolchildren, at a low level among university students, and at a high level among adult respondents. For the latter, this is likely due to a sense of security, employment, housing, and a sense of belonging and being needed in the city. In younger groups, assessments of the environment are mediated by their dependence on living conditions in their parents' home, in a dorm, or in a rented apartment, financial insecurity, and the uncertainty of future education, employment, and living in the city. However, the overall result shows that despite the difficulties, both younger and older respondents do not exhibit alienation; on the contrary, they consider Omsk a fairly comfortable place to live.

Conclusions

Thus, the study: 1) confirmed the three-factor model of the city commitment questionnaire, which includes three scales, the names of two of which – loyalty and identification – remained unchanged. Given the focus of the questions, the scale name “engagement” was changed to “realization in the city”; 2) revealed good internal consistency of the methodology as a whole and its individual scales; 3) made it possible, taking into account age specificity, to determine normative values for low, medium, high, and very high levels of loyalty, realization, and identification with the city, as well as commitment as an integral indicator for three age groups: 14 to 17 years old, 18 to 24 years old, and over 25 years old.

The advantages of the city commitment questionnaire include its compact size, clear three-factor structure, good internal consistency of the scales, and the ability to differentiate assessments across age groups thanks to defined norms. The instrument can be used to quickly assess attitudes toward the city, identify at-risk groups (for example, young people with low identification), and develop targeted programs aimed at increasing local patriotism.

Limitations stem from the fact that the study was conducted exclusively among Omsk residents, making it difficult to generalize the results to other city residents. The existing gender imbalance in the sample (a statistically significantly higher proportion of women than in the general population) and the predominance of respondents aged 18-24 may require cautious interpretation of the diagnostic results for certain age and gender groups (e.g., young men and older adults) until additional cross-sectional studies are conducted. The self-report nature of the questionnaire may introduce social desirability bias into responses, which should be taken into account when designing studies, combining this methodology, for example, with qualitative data collection methods.

The prospect of studying the phenomenon of commitment to the city is associated with expanding the sample and including residents of other Russian cities,

studying its relationship with various psychological variables (life satisfaction, subjective well-being, responsible city dweller, migration attitudes), as well as studying the influence of various factors (socio-demographic, dispositional, cultural) on the formation of commitment to the city.

References

- Alekseeva, E. A. (2022). Concept of organizational commitment of the sociological discussion. *Kazanskiy Sotsial'no-gumanitarnyy Vestnik [The Kazan Socially-humanitarian Bulletin]*, 6(57), 4–10. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.4-10> (in Russian)
- Anton, C. E., & Lawrence, C. (2016). The relationship between place attachment, the theory of planned behaviour and residents response to place change. *Journal of Environmental Psychology*, 47, 145–154. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.05.010>
- Antonova, N. L. (2019). Markers of urban identity. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]*, 9(65), 14–17. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.9.1> (in Russian)
- Artemova, O. V., Logacheva, N. M., & Savchenko, A. N. (2021). Harmonisation of space in an industrial city: Social guidelines. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 17(2), 538–551. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-13> (in Russian)
- Baranov, A. V. (1981). *Sotsial'noe i demograficheskoe razvitiye krupnogo goroda* [Social and demographic development of a large city]. Moscow: Finansy i statistika.
- Bell, D. A., & De Shalit, A. (2011). *The spirit of cities: Why the identity of a city matters in a global age*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bonaiuto, M., Aiello, A., Perugini, M., Bonnes, M., & Ercolani, A. P. (1999). Multidimensional perception of residential environment quality and neighbourhood attachment in the urban environment. *Journal of Environmental Psychology*, 19(4), 331–352. <https://doi.org/10.1006/jevp.1999.0138>
- Bourdieu, P. (1985). The social space and the genesis of groups. *Theory and Society*, 14(6), 723–743. <https://doi.org/10.1007/bf00174048>
- Boyle, M., Murray, C., & Jarvis, S. (2020). Improving urban regeneration and renewal outcomes by engaging an urban psychology. *Journal of Urban Regeneration and Renewal*, 13(3), 220–230. <https://doi.org/10.69554/kqvm3047>
- Drobysheva, T. V., & Emelyanova, T. P. (2020). Viability of urban residents: Content of the concept, theoretical and empirical possibilities of its application. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology]*, 9(3(35)), 232–240. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-3-232-240> (in Russian)
- Ellard, C. (2016). *Sreda obitaniya. Kak arkhitektura vliyaet na nasho povedeniye i samochuvstviye* [Places of the heart: The psychogeography of everyday life]. Moscow: Alpina Publisher. (Original work published 2015)
- Emelyanova, T. P., Drobysheva, T. V., Vikentiev, E. N., & Tarasov, S. V. (2022). Activity Muscovites in the urban environment: the role of the responsibility factor. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*, 19(1), 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20>

- Evseenkova, E. O. (2014). The modality of urban identity. *Vestnik Permskogo Nauchnogo Tsentra UrO RAN [Perm Federal Research Centre Journal]*, 5, 80–86. <https://journal.permsc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n5p11> (in Russian)
- Fedotova, N. G. (2023). Vnutrennii potencial gorodskoi identichnosti [Internal potential of urban identity]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 3(68), 130–133. https://doi.org/10.53115/19975996_2023_03_130-13
- Gabdrakhmanov, N. K., Nikiforova, N. Yu., & Leshukov, O. V. (2019). “Ot Volgi do Eniseya...”: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii [“From Volga to Yenisei...”: educational migration of youth in Russia]. Moscow: HSE Publishing House.
- Galkina, E. P., & Kadnichanskaya, M. I. (2024). Urban identity of the youth of the city of Ulyanovsk: status and problems. *Oikumena. Regionovedcheskie Issledovaniya [Oikumena. Regional Researches]*, 2(69), 126–135. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/126-135> (in Russian)
- Gornova, G. V. (2018). Structure of urban identity. *Vestnik Omskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]*, 3(20), 14–16. (in Russian)
- Gornova, G. V. (2020, June 4). Sorazmernost' goroda i cheloveka [The proportionality of the city and man]. *Upravlenie Razvitiem Territorii*. <https://urtmag.ru/public/827/>
- Hesselgren, S. (1971). *Experimental studies and architectural perception*. National Swedish Institute for Building Research.
- Huseyin, C. (2020). The relationship between park satisfaction, place attachment and revisit intention in neighborhood parks with physical activity facilities. *Journal of Education and Learning*, 9(2), 178–190. <https://doi.org/10.5539/jel.v9n2p178>
- Khokhlova, N. I., & Shibaeva, L. V. (2021). The image of a modern ideal city in different age groups. *Upravlenie Obrazovaniem: Teoriya i Praktika [Education Management Review]*, 4(44), 54–63. <https://doi.org/10.25726/m4149-5255-3387-1> (in Russian)
- Kostko, N. A., & Pecherkina, I. F. (2024). Urban identity and perception of the city in management discourse. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika*, 12(1(45)), 136–161. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.7> (in Russian)
- Kozlova, Yu. V. (2021). Urban identity in the era of digitalization and post-labor. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]*, 5(85), 41–44. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.5.5> (in Russian)
- Laczko, F., Tjaden, J., & Auer, D. (2017). Measuring global migration potential, 2010–2015. *Global Migration Data Analysis Centre: Data Briefing Series*, 55(9), 1–14. https://publications.iom.int/system/files/pdf/gmdac_data_briefing_series_issue_9.pdf
- Larionov, I. V., & Drobysheva, T. V. (2024). Agency of city dwellers: Concept and its operationalization. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology]*, 13(4(52)), 346–356. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-4-346-356> (in Russian)
- Lewicka, M. (2011). Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of Environmental Psychology*, 31(3), 207–230. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>
- Litvina, S. A., & Muraveva, O. I. (2018). City Identity Questionnaire: Designing, validating and reliability testing. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]*, 8(1), 73–91. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.05> (in Russian)

- Lovakov, A. V., & Lipatov, S. A. (2011). Organizational identification and personnel commitment: Similarity and difference. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 8(2), 69–80. (in Russian)
- Lynch, K. (1982). *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow: Stroyizdat. (Original work published 1960)
- Massey, D. (1994). *Space, place and gender*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- McCay, L., Bremer, I., Endale, T., & Jannati, M. (2017). Urban design and mental health. In N. Okkels, C. Blanner Kristiansen, & P. Munk-Jorgensen (Eds.), *Mental health and illness in the city* (pp. 1–24). Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0752-1_12-1
- Meyer, J. P., Allen, N. J., & Smith, C. A. (1993). Commitment to organizations and occupations: Extension and test of a three-component conceptualization. *Journal of Applied Psychology*, 78(4), 538–551. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.78.4.538>
- Meyer, W. O. (1978). Environment and place identity: Some views of an architect. *Man-Environment Systems*, 8(3), 135–138.
- Muluk, H. (2022). The premises and promises of psychological research on urban society. *Psychological Research on Urban Society*, 5(1), Article 1. <https://doi.org/10.7454/proust.v5i1.163>
- Murray, C., & Landry, Ch. (2020). Urban Regeneration 3.0: Realising the potential of an urban psychology. *Journal of Urban Regeneration and Renewal*, 13(3), 231–240. <https://doi.org/10.69554/FYIO9002>
- Nazukina, M. V., & Petrova, R. I. (2015). The local level in the matrix of territorial identity of Perm region's residents. *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]*, 4(32), 127–142. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2015-4-127-142> (in Russian)
- Ovsyannikova, N. V., & Saenko, L. A. (2022). The modern image and image of Stavropol: a socio-cultural analysis. *Vestnik Kul'tury i Iskusstv [Culture and Arts Herald]*, 3(71), 42–51. (in Russian)
- Ozerina, A. A. (2016). City identity as a social and psychological phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i Sotsial'nye Tekhnologii [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]*, 4(34), 135–139. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.15> (in Russian)
- Pokatilovskaya, E. N., & Shibaeva, L. V. (2019). Image of a city of accommodation in representations of residents with different city identity. *Institut Psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*, 4(2(14)), 192–208. (in Russian)
- Potapova, Y., Malenova, A., & Malenov, A. (2023). The commitment to the city: pilot assessment and preliminary psychometric indicators of questionnaire. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 16(91). <https://doi.org/10.54359/ps.v16i91.1458> (in Russian)
- Potapova, Y. V., Malenova, A. Y., Malenov, A. A., & Potapov, A. K. (2024). Migration behavior of youth in the Omsk region: Reasons, factors, prospects. *DEMIS. Demograficheskie Issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*, 4(1), 116–131. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8> (in Russian)
- Preobrazhenskiy, Yu. V. (2020). Creating sociocultural values: the problem of localization in the urban space. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Geografiya i Geokologiya [Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology]*, 4(32), 60–68. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2020-4-60-68> (in Russian)
- Prigozhin, A. I. (2003). *Metody razvitiya organizatsii* [Methods of organization development]. Moscow: MTsFER.

- Reznichenko, S. I. (2014). Attachment to place and sense of place: Models and phenomena. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 5(3), 15–27. https://psyjournals.ru/en/journals/sps/archive/2014_n3/70676 (in Russian)
- Rollero, Ch., & De Pikkoli, N. (2010). Place attachment, identification and environment perception: An empirical study. *Journal of Environmental Psychology*, 30(2), 198–205. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.12.003>
- Sannikova, O. V. (2023). City identity in the structure of the urban identity of Izhevsk residents. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye Otnosheniya [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relation]*, 7(1), 35–49. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-1-35-49> (in Russian)
- Scannell, L., & Gifford, R. (2010). Defining place attachment: A tripartite organizing framework. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.09.006>
- Shub, M. L. (2022). The sign-symbolic level of urban identity of the inhabitants of industrial cities of the Southern Urals. *Observatoriya Kul'tury [Observatory of Culture]*, 19(2), 128–137. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2022-19-2-128-137> (in Russian)
- Shteinbakh, H. E., & Elenskii, V. I. (2004). *Psikhologiya zhiznennogo prostranstva [Psychology of living space]*. Saint Petersburg: Rech'.
- Tuan, Y.-F. (1990). *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes and values*. Columbia University Press.
- Twigger-Ross, C. L., & Uzzell, D. L. (1996). Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*, 16(3), 205–220. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>
- Zherdeva, Yu. A. (2015). Sense of place as a concept of social memory. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Issledovaniy Kul'tury [International Journal of Cultural Research]*, 2(19), 5–11. (in Russian)

Статьи

ХАРАКТЕРИСТИКА СВЯЗЕЙ ДЕЗАДАПТИВНОЙ ПОДЧИНЯЕМОСТИ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ С ИНДИВИДУМНЫМИ И ЛИЧНОСТНЫМИ СВОЙСТВАМИ У МОЛОДЕЖИ

Т.В. БЕЛЫХ^а, Е.Б. КНЯЗЕВ^{а,б}, А.А. ШАРОВ^а, В.В. БЕЛЫХ^а

^а ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83

^б ФГБОУ ВО «Саратовский ГМУ имени В.И. Разумовского» Минздрава России, 410012, Россия, Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Specifics of the Relationships between Maladaptive Personality Subordination in Virtual Environment with Individual and Personal Characteristics in Young People

T.V. Belykh^а, E.B. Knyazev^{а,б}, A.A. Sharov^а, V.V. Belykh^а

^а Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation

^б Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachya Str., Saratov, 410012, Russian Federation

Резюме

Исследование проведено с целью выявления связей дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде с индивидуальными и личностными свойствами у молодежи. В нем принимали участие 646 человек в возрасте от 14 до 40 лет. Психодиагностический инструментарий состоял из опросника «Уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде» Т.В. Белых, Е.Б.

Abstract

The study was conducted to identify the links between maladaptive personality subordination in virtual environment, and individual and personality traits in young people. It involved 646 people aged 14 to 40. The psychodiagnostic toolkit consisted of a questionnaire "The level and types of maladaptive subordination of personality in virtual environment" by T.V. Belykh, E.B.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00368 «Дезадаптивная подчиняемость молодежи в виртуальной среде: предикторы, уровни, типы, психологические условия профилактики».

Funding: The study was carried out with the grant support of the Russian Scientific Fund, project # 25-28-00368 "Maladaptive subordination of youth in a virtual environment: predictors, levels, types, psychological conditions for prevention".

Князева, А.А. Шарова, В.В. Белых; опросника доверия молодежи к виртуальной среде Т.В. Белых, Е.Б. Князева, А.А. Шарова, В.В. Белых; теста на определение степени внушаемости Е. Мерзлякова; опросника «Исследование психологической структуры темперамента» Б.Н. Смирнова; опросника для исследования уровня импульсивности В.А. Лосенкова; опросника «Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов» Э.О. Расина; Опросника диагностики иррациональных установок А. Элліса; опросника «Диагностика субъектности» Е.Н. Волковой. Статистический анализ данных выполнен при помощи языка программирования R (ver. 4.3.3) в RStudio IDE (2025.05.0 + 496). Осуществлены многофакторные одномерный и многомерный PERMANOVA-анализы. Применялись точечно-бисериальная корреляция, ранговая корреляция по Спирмену и тест Вилкоксона–Манна–Уитни для независимых выборок (с коррекцией p -value по методу Холма–Бонферрони), а также непараметрическое многомерное шкалирование (NMDS-анализ). Деадаптивная подчиняемость в виртуальной среде имеет специфические связи как с индивидуальными свойствами (пол, возраст, темперамент), так и с личностными характеристиками, отражающими качественные особенности проявления субъектности, иррациональных установок, степени вовлеченности в виртуальное взаимодействие, доверия к информации, ее источнику и процессу виртуального общения. Полученные данные раскрывают наличие линейных и вероятностных нелинейных связей в структуре индивидуальных и личностных свойств у молодежи, склонной к проявлению деадаптивной подчиняемости в ситуациях виртуального межличностного взаимодействия, а также характер этих связей в зависимости от пола и вида сформированной деадаптивной подчиняемости.

Ключевые слова: деадаптивная подчиняемость, виртуальная среда, иррациональные установки, внушаемость, субъектность, импульсивность, темперамент, виртуализация личности, доверие к виртуальной среде.

Knyazev, A.A. Sharov, V.V. Belykh; a questionnaire of youth confidence in the virtual environment by T.V. Belykh, E.B. Knyazev, A.A. Sharov, V.V. Belykh; a test to determine the degree of suggestibility by E. Merzlyakova; questionnaire “Study of the psychological structure of temperament” by B.N. Smirnov; a measure of the level of impulsivity by V.A. Losenkov; questionnaire “Index of virtualization of personality of an Internet user of social services” by E.O. Rasina; Questionnaire for the diagnosis of irrational attitudes by A. Ellis; questionnaire “Diagnosis of subjectivity” by E.N. Volkova. Statistical analysis of the data was performed using the R programming language (ver. 4.3.3) in the RStudio IDE (2025.05.0 + 496). Multivariate unidimensional and multidimensional PERMANOVA analyses were performed. Point-biserial correlation, Spearman rank correlation, and the Wilcoxon-Mann-Whitney test were used for independent samples (with Holm-Bonferroni correction for p -values), and nonparametric multidimensional scaling (NMDS) was performed. Maladaptive subordination in a virtual environment has specific connections with both individual characteristics (gender, age, and temperament) and personality traits that reflect the qualitative features of subjectivity, irrational attitudes, the degree of involvement in virtual interactions, and trust in information, its source, and the process of virtual communication. The obtained data reveal the presence of linear and probabilistic, non-linear connections in the structure of individual and personal properties in young people who are prone to displaying maladaptive submissiveness in situations of virtual interpersonal interaction, as well as the nature of these connections depending on gender and the type of maladaptive submissiveness formed.

Keywords: maladaptive obedience, virtual environment, irrational attitudes, suggestibility, subjectivity, impulsivity, temperament, personality virtualization, trust in virtual environment.

Бельх Татьяна Викторовна — профессор, кафедра социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: цифровая социализация личности, психология интегральной индивидуальности.

Контакты: tvbelih@mail.ru

Князев Евгений Борисович — старший научный сотрудник, кафедра социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»; доцент, кафедра педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Саратовский ГМУ имени В.И. Разумовского», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: личность в ситуации контактного и виртуального взаимодействия, подчиняемость личности авторитету.

Контакты: eknyaze@gmail.com

Шаров Алексей Александрович — доцент, кафедра педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: доверие личности в виртуальной среде, киберагрессия.

Контакты: sha555da@mail.ru

Бельх Виктор Владимирович — младший научный сотрудник, кафедра социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского».

Сфера научных интересов: психологические эффекты взаимодействия личности в виртуальной среде.

Контакты: stavstav950@gmail.com

Tatiana V. Belykh — Professor, Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University. DSc in Psychology, Professor. Research Area: digital socialization, psychology of integral individuality.

E-mail: tvbelih@mail.ru

Evgeny B. Knyazev — Senior Research Fellow, Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University; Associate Professor, Department of Pedagogy, Educational Technologies and Professional Communication, Saratov State Medical University, PhD in Psychology.

Research Area: personality in situations of contact and virtual interaction, submission to authority.

E-mail: eknyaze@gmail.com

Aleksey A. Sharov — Associate Professor, Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Saratov State University, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: personal trust in virtual environment, cyberaggression.

E-mail: sha555da@mail.ru

Viktor V. Belykh — Junior Research Fellow, Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University.

Research Area: psychological effects of interaction in virtual environment.

E-mail: stavstav950@gmail.com

Проблема изучения психологии подверженности личности деструктивно-му социальному влиянию в настоящее время приобрела новый импульс в связи с участвовавшими случаями использования в виртуальном пространстве мошеннических схем поведения, рекрутирования представителей молодого поколения для осуществления противоправных и экстремистских действий в отношении.

Анализ данных современных исследований, посвященных киберсоциализации личности, позволяет говорить о существовании разных терминов для описания поведения человека в виртуальной среде: «цифровое поведение», «информационное поведение», «медиаповедение», «интернет-поведение». В своей работе мы использовали понятие «цифровое поведение», подразумевая под ним

систему действий пользователей в цифровом пространстве, связанную с коммуникативными, когнитивными, мотивационными и эмоциональными особенностями пользователей (Погожина и др., 2020). Цифровое поведение может быть как просоциальным, так и антисоциальным. Просоциальное цифровое поведение рационально и не зависит от возможного внешнего давления, асоциальное, по мнению авторов, напротив, связано с психологическим давлением или подверженностью ему, зависимостью от Интернета, вовлеченностью в антисоциальные группы, потреблением или распространением в Сети негативного контента (Там же).

Концептуальными основами изучения особенностей цифрового поведения являются идеи о том, что в условиях цифровизации меняются мотивация и формы общения, усиливающие риски взаимодействия (Giddens, 1994); идея об объединении виртуальной и реальной сфер коммуникации (Луман, 2007) и появления на этой основе новых форм социализации, стилей жизни и форм социальной организации (Cardoso, 2003); предположение о разрушении культуры доверия в процессе цифровой коммуникации (Штомпка, 2001); существование специфики сетевого общества, трансформирующей представления о власти (Кастельс, 2000).

Как известно, виртуальное взаимодействие имеет свои особенности, отличающие его от контактного, а именно: сетевое воздействие может быть более эффективным, чем воздействие определенного харизматического авторитета при личных контактах (Там же); в виртуальном пространстве может происходить искажение смыслового содержания при передаче традиций и установок за счет уменьшения доли устного общения (Грачев, 2001); меняется основание стратификации, когда, в отличие от традиционных сообществ, организованных на основе статусов и ролей, появляется другое основание — сходство интересов и ценностей, что влечет за собой их непродолжительное существование, случайное совпадение убеждений и идеалов, сложности в самоидентификации субъектов общения (Reingold, 1993).

Виртуальное взаимодействие сопровождается специфическим социальным поведением: ярко выраженной ориентацией на поиск социальной поддержки, склонностью к сетевому подражанию, высокой конформностью, повышенной социальной желательностью (Самсонова, 2018), что может создавать благоприятные условия для возникновения такого феномена, как дезадаптивная подчиняемость в виртуальной среде, рассматриваемая нами как один из видов цифровой девиации.

В современных психологических исследованиях осуществляется поиск причин подверженности личности манипулятивному информационно-психологическому влиянию в сети Интернет, которое может приводить к необдуманным, импульсивным или конформным действиям, характерным как для девиантного, так и асоциального поведения у молодежи (Лазарева, 2021; Фёдоров, Рахманов, 2024). В настоящее время уделяется внимание изучению психологических условий, позволяющих личности противостоять мошенническим действиям (Моисеева, 2022; Филиппов, 2021; Завьялов, 2022; Кулигина и др., 2024), деструктивным интернет-сообществам (Клейберг, 2017;

Галицына, 2017), киберэкстремизму (Курзаева, Чусавитина, 2014), быть менее доверчивым в интернет-коммуникации (Fonagy et al., 2015; Mendoza, Wielhouwer, 2025; Симонов, 2021; Козырьков и др., 2021; Солдатова и др., 2021).

Применение в рамках цифровой коммерции различных манипулятивных приемов — например, техник управления вниманием — вызывает озабоченность у зарубежных авторов в контексте обеспечения психологической неприкосновенности личности в условиях реализации виртуальных экономических отношений (Chomanski, 2023; Puri, 2021; Tran, 2015). При этом выявлено, что уровень подчиняемости группе в онлайн-коммуникации может быть значительно ниже, чем при контактном взаимодействии (Caruano, Chekgoun, 2024), хотя проведение классического эксперимента С. Милграма в виртуальной среде (Slater et al., 2006) показало наличие полного сходства поведения участников с тем, которое они демонстрировали в условиях реального взаимодействия.

Подчиняемость личности является важным условием социального взаимодействия между людьми (Milgram, 1974) и рассматривается в психологии как результат социального влияния (Milgram, 1974; Крысько, 2003; Colman, 2015; Зимбардо, Ляйппе, 2011). Подчиняемость в контактном взаимодействии может быть адаптивной и дезадаптивной. Основными критериями возникновения дезадаптивной подчиняемости в контактном взаимодействии являются: высокий уровень выраженности подчиняемости, безоговорочное доверие авторитету и неспособность к эмоциональной саморегуляции в процессе взаимодействия с ним (Князев, 2018). В виртуальной среде личность также может проявлять дезадаптивную подчиняемость, демонстрируя готовность к изменению своего поведения в условиях интернет-коммуникаций в соответствии с указаниями авторитета (личности или группы), даже если это не имеет рационального объяснения и вступает в противоречие с ее собственными мотивами (Белых и др., 2025б). Деадаптивная подчиняемость личности в виртуальной среде понимается нами как один из видов цифрового девиантного поведения, проявляющегося в некритичном восприятии социального влияния личности, группы или интернет-контента, подмене собственных мотивов поведения мотивами цифрового авторитета, проявлении на этой основе отклоняющегося от социальных норм поведения как в реальной, так и виртуальной среде (Белых и др., 2025а).

При этом известно, что определенные социальные установки могут усиливать эффект манипулятивного социального влияния (Чалдини, 2012), например, доверие «легитимному» виртуальному авторитету, вера в чудо, вера во всемогущество Интернета и доверие к информации, размещенной в сети, склонность к конформизму или импульсивным действиям в онлайн-коммуникации и др. В нашем исследовании эти установки были обнаружены с помощью анализа случаев их актуализации в условиях манипулятивного интернет-взаимодействия, что определяет специфику актуализации дезадаптивной подчиняемости именно в виртуальной среде взаимодействия и позволяет говорить о том, что дезадаптивная подчиняемость в виртуальной среде может не только различаться по степени выраженности, но и иметь характерные особенности, проявляющиеся в таких ее видах, как импульсивно-отзывчивый,

тревожно-чувствительный, конформно-наивный (Белых и др., 2025б). На настоящем этапе исследования данного феномена нами разработан опросник, позволяющий диагностировать уровень выраженности и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде (Там же); разработан, валидизирован и апробирован опросник доверия молодежи к виртуальной среде, позволяющий выявить наличие доверия к информации в виртуальной среде, ее источнику и к процессу виртуального общения (Белых и др., 2025в). Определены предикторы дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде, к которым вне зависимости от ее типа относятся: наличие доверия к источнику информации, экстраверсия как свойство темперамента, непродуктивный копинг при принятии решений — сверхбдительность и низкие показатели продуктивного копинга — бдительность. К предикторам, которые предопределяют наличие того или иного вида дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде, относятся пол респондентов, их доверие к информации в виртуальной среде, прокрастинация при принятии решений, низкая самооффективность в предметной деятельности, ригидность как свойство темперамента, низкая рефлексивность и высокая импульсивность (Белых и др., 2025а). Но остается недостаточно изученной проблема связи индивидуальных и личностных свойств с дезадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде. Цель настоящего исследования — выявить и охарактеризовать связи между индивидуальными (темпераментными, половыми, возрастными), личностными свойствами и характеристиками молодежи (субъектными и социально-психологическими свойствами, когнитивно-мотивационными и мотивационно-поведенческими характеристиками личности как субъекта цифрового поведения) и дезадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде — общим уровнем ее выраженности и такими видами, как импульсивно-отзывчивый, тревожно-чувствительный и конформно-наивный.

Опираясь на положения субъектно-деятельностного (Рубинштейн, 1986; Брушлинский, 1994) и интегративного подходов к исследованию индивидуальности (Мерлин, 1986), постулирующих ее многоуровневую организацию, мы выделили два уровня анализа связей, а именно: индивидуальный, представленный показателями пола, возраста и свойствами темперамента, и личностный, отражающий сформированность свойств личности, характеризующих уровень выраженности субъектности и ее компонентов, а также социально-психологических свойств — импульсивности в межличностном общении и внушаемости. К мотивационно-поведенческим характеристикам личности, проявляющей цифровое поведение, были отнесены степень виртуализации (включенность, вовлеченность и погруженность в интернет-взаимодействие) и уровень доверия к виртуальной среде (доверие к источнику информации, к информации и к процессу виртуального общения). На основании положений когнитивистского подхода при планировании и проведении исследования к когнитивно-мотивационным характеристикам личности как субъекта цифрового поведения были отнесены сформированные/несформированные иррациональные установки, способные усиливать степень подверженности личности манипулятивному влиянию (Чалдини, 2012).

В качестве гипотезы выступило предположение о том, что связи разноуровневых по своей природе индивидуальных (биологически детерминированных) и личностных (социально детерминированных) свойств и характеристик у молодежи с дезадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде могут различаться, определяя различный вклад в сформированность общего уровня ее выраженности и комплексного профиля, состоящего из таких ее видов, как импульсивно-отзывчивый, тревожно-чувствительный и конформно-наивный.

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие 646 респондентов (студенты и ординаторы вузов, а также учащиеся колледжей Москвы, Саратова, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Воронежа) в возрасте от 14 до 40 лет, средний возраст составляет $22,4 \pm 5$ лет. Среди респондентов 536 женщин (83%) и 110 мужчин (17%). Выбор возрастного диапазона был обусловлен, во-первых, определением понятия «молодежь», закрепленным в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» (от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ, с изменениями от 23 июля 2025 г.), в котором указывается нижняя граница — 14 лет (возраст получения паспорта); во-вторых, исследованиями в области психологии развития, исходя из которых установлена верхняя граница в 40 лет (периодизация по Э. Эриксону и Д. Левинсону). В результате были сформированы следующие возрастные группы: подростки — учащиеся школ / СПО (14–17 лет), юношество — студенты вузов (18–24 года), молодые взрослые, молодые специалисты (25–30 лет), зрелая молодежь, молодые специалисты (31–40 лет). В таблице 1 представлено распределение респондентов по полу и возрастным группам.

Представленный в выборке общий возрастной диапазон оптимален и охватывает все возрастные категории респондентов, которые относят к молодежи.

Методики исследования

В рамках заявленного исследования нами использовались в контексте диагностики уровней выраженности общей дезадаптивной подчиняемости и ее видов — опросник «Уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде» (Белых и др., 2025б); в аспекте диагностики индивидуальных

Таблица 1

Соотношение пола и возраста

Пол	14–17 лет	18–24 лет	25–30 лет	31–40 лет
Женский	31	398	53	54
Мужской	4	83	13	10
Всего	35	481	66	64

и личностных свойств — тест на определение степени внушаемости (Мерзлякова, 2012), а также опросники, направленные на исследование психологической структуры темперамента (Б.Н. Смирнова; Богданова, Волков, 1989), импульсивности (Лосенков, 1979), индекса виртуализации (Расина, 2023), доверия молодежи к виртуальной среде (Белых и др., 2025в), компонентов субъектности (Волкова, 1992) и иррациональных установок (Эллис, 2002).

Методы анализа данных

Математико-статистическая обработка данных

Собранные от респондентов данные были подвергнуты математико-статистическому анализу при помощи языка R (ver. 4.3.3) в RStudio IDE (2025.05.0+496). К данным применялись критерии Шапиро–Уилка с целью проверки нормальности распределений. Проверка равенства внутригрупповых дисперсий выполнена средствами пакета «vegan» (функции «permutest», «betadisper», «vegdist») для фактора пола. Многофакторные одномерный и многомерный PERMANOVA-анализы (на основе матрицы расстояний по Гауэру (Gower distance) и с количеством перестановок = 9999) проведены при помощи функции *adonis2*, пакета «vegan» для достижения заявленной цели исследования. Также применялись тест Вилкоксона–Манна–Уитни для независимых выборок (величина эффекта оценивалась с помощью непараметрической меры (δ) Cliff's delta) и ранговая корреляция по Спирмену с коррекцией *p*-value по методу Холма–Бонферрони (пакет «correlation»). Непараметрическое многомерное шкалирование, или NMDS-анализ (Non-Metric Multidimensional Scaling), проведено для визуализации результатов многомерного PERMANOVA-анализа при помощи функций пакетов «vegan», «ggplot2» и «dplyr».

Результаты и их обсуждение

С целью облегчить представление результатов исследования в таблицах мы заменили полные наименования шкал опросников на условные обозначения — коды. В таблице 2 представлены коды, названия методик и их шкал.

Основным методом анализа в исследовании был выбран PERMANOVA (пермутационный многомерный дисперсионный анализ), поскольку он позволяет оценить вклад индивидуальных и личностных свойств (предикторов) как в дисперсию интегрального показателя дезадаптивной подчиняемости (общий уровень), так и в дисперсию ее многомерного профиля — совокупности трех ее видов (импульсивно-отзывчивого, тревожно-чувствительного и конформно-наивного). Таким образом, анализ может быть проведен в двух вариантах: во-первых, с одномерным откликом (общий уровень) и, во-вторых, с многомерным откликом (три субшкалы), что позволит отдельно оценить количественные и структурные аспекты дезадаптивной подчиняемости. Также отметим, что

Таблица 2

Наименование шкал и их код в исследовании

Код	Название методики и наименование шкал
Индивидуальные свойства	
AGE	Возраст респондентов
GNDR	Пол респондентов
<i>Опросник «Исследование психологической структуры темперамента» (Б.Н. Смирнов)</i>	
N	Экстраверсия–Интроверсия
O	Ригидность–Пластичность
P	Эмоциональная возбудимость–Эмоциональная устойчивость
Q	Быстрота–Медлительность
R	Активность–Пассивность
Личностные свойства	
<i>Опросник «Уровень и виды деадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде» (Т.В. Белых, Е.Б. Князев, А.А. Шаров, В.В. Белых)</i>	
E	Импульсивно-отзывчивый вид деадаптивной подчиняемости
F	Тревожно-чувствительный вид деадаптивной подчиняемости
G	Конформно-наивный вид деадаптивной подчиняемости
H	Общий уровень деадаптивной подчиняемости
Социально-психологические свойства личности	
<i>Тест на определение степени внушаемости (Е.Л. Мерзлякова)</i>	
M	Степень внушаемости
<i>Опросник для исследования уровня импульсивности В.А. Лосенкова</i>	
T	Уровень импульсивности
Субъектность и ее компоненты	
<i>Опросник «Диагностика субъектности» (Е.Н. Волкова)</i>	
AQ	Осознанная активность
AR	Способность к рефлексии
AS	Свобода выбора и ответственность за него
AT	Осознание собственной уникальности
AU	Понимание и принятие других
AV	Саморазвитие
Мотивационно-поведенческие характеристики личности как субъекта цифрового поведения	
<i>Опросник доверия молодежи к виртуальной среде (Т.В. Белых, А.А. Шаров, Е.Б. Князев, В.В. Белых)</i>	
I	Доверие к процессу виртуального общения
J	Доверие к информации в виртуальной среде
K	Доверие к источнику информации в виртуальной среде
L	Интегративная шкала доверия в виртуальной среде
<i>Опросник «Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов» (Э.О. Расина)</i>	
U	Погруженность (когнитивный компонент виртуализации личности)
V	Вовлеченность (поведенческий компонент виртуализации личности)
W	Включенность (ценностно-смысловой компонент виртуализации личности)

Таблица 2 (окончание)

<i>Когнитивно-мотивационные характеристики личности</i>	
<i>Диагностика иррациональных установок А. Эллиса</i>	
X	Установка катастрофизации
Y	Установка долженствования в отношении себя
Z	Установка долженствования в отношении других
AA	Низкая фрустрационная толерантность
AB	Оценочная установка (самооценка не отдельных черт, а личности)

PERMANOVA является непараметрическим тестом, основанным на перестановках, что важно в данном исследовании: предварительная проверка нормальности (тест Шапиро–Уилка и визуальный анализ гистограмм) показала значимое отклонение распределений от нормального, что делает параметрические методы (например, MANOVA) неприменимыми.

При проверке равенства внутригрупповых дисперсий были обнаружены различия в дисперсиях групп по фактору пола. Это могло привести к искажению результатов, поэтому был проведен MRPP (Multi-Response Permutation Procedure), который выявил значимые, но очень слабые различия в значениях общей дезадаптивной подчиняемости между группами мужчин и женщин ($A = 0.0055$, $p = 0.0066$). Это указывает, что фактор пола объясняет лишь небольшую часть вариабельности общей дезадаптивной подчиняемости (< 0.01). Иными словами, результаты, полученные в ходе PERMANOVA-анализа в отношении фактора пола, не будут случайными и могут быть доступны для интерпретации.

Обратимся к таблице 3 и рассмотрим, с какими индивидуально-психологическими характеристиками связана общая дезадаптивная подчиняемость, проявляющаяся в виртуальном пространстве.

Из таблицы 3 видно, что с общим уровнем дезадаптивной подчиняемости связаны 11 индивидуальных и личностных свойств, которые все вместе объясняют 42.13% дисперсии ($1-0.5787$). При этом связь с общей шкалой доверия к виртуальной среде (L) заметна сильнее всего. Почти 24% вариации общей дезадаптивной подчиняемости приходится именно на эту ковариату, что больше, чем объясняется суммой всех оставшихся переменных, связанных с общей дезадаптивной подчиняемостью. Кроме доверия, связь также наблюдается с поведенческим компонентом виртуализации личности (V), иррациональной установкой катастрофизации (X), эмоциональной возбудимостью (P), уровнем импульсивности (T), когнитивным компонентом виртуализации личности (U) и возрастом респондентов (AGE). Следует отметить, что пол респондентов, активность как элемент темперамента (R), осознание собственной уникальности как свойство субъектности (AT) очень слабо связаны с уровнем общей дезадаптивной подчиняемости ($R^2 < 0.01$). Таким образом, можно констатировать, что общая дезадаптивная подчиняемость ассоциирована с рядом индивидуальных и личностных свойств. Наиболее выраженная связь обнаруживается с такими индивидуальными характеристиками, как эмоциональная возбудимость

Таблица 3

Связь деадаптивной подчиняемости с индивидуальными и личностными свойствами по данным одномерного PERMANOVA

Код	df	SS	R ²	F	p-value
Индивидуальные свойства					
GNDR	1	0.1216	0.0079	8.5296**	0.0035
AGE	1	0.2111	0.0138	14.8051***	< .0001
N	1	0.0516	0.0034	3.6223	0.0592
O	1	0.0001	0	0.0044	0.9507
P	1	0.2538	0.0166	17.8021***	0.0001
Q	1	0.0037	0.0002	0.2604	0.6098
R	1	0.0782	0.0051	5.4865*	0.0195
Личностные свойства					
L	1	3,6705	0.2399	257.4834***	< .0001
M	1	0.0043	0.0003	0.3018	0.5788
T	1	0.1742	0.0114	12.2182***	0.0006
U	1	0.1684	0.011	11.8103***	< .001
V	1	1.0054	0.0657	70.5287***	< .0001
W	1	0	0	0.0003	0.9849
X	1	0.3306	0.0216	23.1902***	< .0001
Y	1	0.0053	0.0003	0.3738	0.5482
Z	1	0.0438	0.0029	3.0744	0.0775
AA	1	0.0046	0.0003	0.3206	0.5722
AB	1	0.0209	0.0014	1.4641	0.2158
AQ	1	0.0134	0.0009	0.9392	0.3379
AR	1	0.0002	0	0.0145	0.9066
AS	1	0.0055	0.0004	0.3856	0.5332
AT	1	0.0575	0.0038	4,0309*	0.0454
AU	1	0.0136	0.0009	0.954	0.3281
AV	1	0.2079	0.0136	14.5866***	0.0004
Residual	621	8.8526	0.5787	NA	NA
Total	645	15.2987	1	NA	NA

Примечание. Здесь и далее: Код – условное обозначение шкал методик исследования; df – степени свободы; SS – сумма квадратов; R² – коэффициент детерминации; F – F-статистика; p-value – значимость: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

и возрастные особенности, а также с такими личностными свойствами и характеристиками, как высокий уровень доверия к виртуальной среде, вовлеченность и погруженность в виртуальную деятельность, выраженность иррациональной установки – катастрофизации, импульсивности в коммуникации.

Активность как свойство темперамента, половые особенности и осознание собственной уникальности как один из компонентов субъектности личности имеют очень слабую связь.

Далее обратимся к таблице 4 и рассмотрим связи комплексного профиля дезадаптивной подчиняемости с индивидуальными и личностными свойствами и характеристиками. Отметим, что под «комплексным профилем» понимается совокупность трех шкал, представляющих различные виды дезадаптивной

Таблица 4

Связь видов дезадаптивной подчиняемости с индивидуальными и личностными свойствами по данным многомерного PERMANOVA

Код	df	SS	R ²	F	p-value
Индивидуальные свойства					
GNDR	1	0.1601	0.0091	10.2496***	0.0006
AGE	1	0.216	0.0123	13.8249***	< .0001
N	1	0.1193	0.0068	7.6351**	0.0042
O	1	0.033	0.0019	2.1103	0.1368
P	1	0.2935	0.0167	18.7834***	< .0001
Q	1	0.0088	0.0005	0.5608	0.5156
R	1	0.0024	0.0001	0.1539	0.8086
Личностные свойства					
I	1	0.4851	0.0276	31.0474***	< .0001
J	1	4.4714	0.2542	286.1923***	< .0001
K	1	0.5644	0.0321	36.1234***	< .0001
M	1	0.102	0.0058	6.5308**	0.0076
T	1	0.1692	0.0096	10.829***	0.0005
U	1	0.3209	0.0182	20.5411***	< .0001
V	1	0.5292	0.0301	33.8748***	< .0001
W	1	0.0082	0.0005	0.527	0.5379
X	1	0.1161	0.0066	7.4339**	0.0043
Y	1	0.0464	0.0026	2.9726	0.0749
Z	1	0.0287	0.0016	1.8401	0.1642
AA	1	0.0367	0.0021	2.3478	0.109
AB	1	0.0101	0.0006	0.6441	0.4687
AQ	1	0.0104	0.0006	0.6662	0.459
AR	1	0.0017	0.0001	0.1115	0.8531
AS	1	0.0366	0.0021	2.3409	0.1133
AT	1	0.0211	0.0012	1.3489	0.2454
AU	1	0.0021	0.0001	0.1317	0.8256
AV	1	0.1226	0.007	7.8486**	0.0026
Residual	619	9.671	0.5499	NA	NA
Total	645	17.587	1	NA	NA

подчиняемости (E, F, G). В таблице 4 представлены результаты многомерного PERMANOVA-анализа, который рассматривает все три вида подчиняемости одновременно, в едином математическом пространстве.

Как видно из таблицы 4, комплексный профиль дезадаптивной подчиняемости сильнее всего связан с мотивационно-поведенческими характеристиками личности как субъекта цифрового поведения, а именно с аспектами доверия личности к виртуальной среде, в особенности с ключевым маркером — доверием респондентов к информации (J). Этот маркер объясняет четверть дисперсии во всем комплексном профиле ($R^2 = 0.2542$). Все вместе индивидуальные и личностные свойства и характеристики объясняют 45.01% дисперсии (1–0.5499). Связь комплексного профиля также обнаружена с доверием к источнику информации в виртуальной среде (K), поведенческим компонентом виртуализации личности — вовлеченностью (V), доверием к процессу общения в виртуальной среде (I), погруженностью как когнитивным компонентом виртуализации (U) и эмоциональной возбудимостью на уровне индивидуальной детерминации (P). Очень слабые связи ($R^2 < 0.01$) обнаружены с установкой катастрофизации (X), импульсивностью (T), саморазвитием (AV), экстраверсией (N) и внушаемостью (M). Пол и возраст также имеют значимую связь с комплексным профилем дезадаптивной подчиняемости.

Связи комплексного профиля подчиняемости с индивидуальными и личностными свойствами и характеристиками имеют существенные отличия от связей с общим уровнем выраженности подчиняемости. Из особенностей следует обратить внимание на обнаружение связей, хоть и слабых, с экстраверсией как свойством темперамента (N), полом респондентов, внушаемостью личности (M), саморазвитием (AV) как компонентом субъектности. Это свидетельствует о существенной роли видовой дифференциации в проявлении дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде и необходимости ее учета при изучении данного феномена.

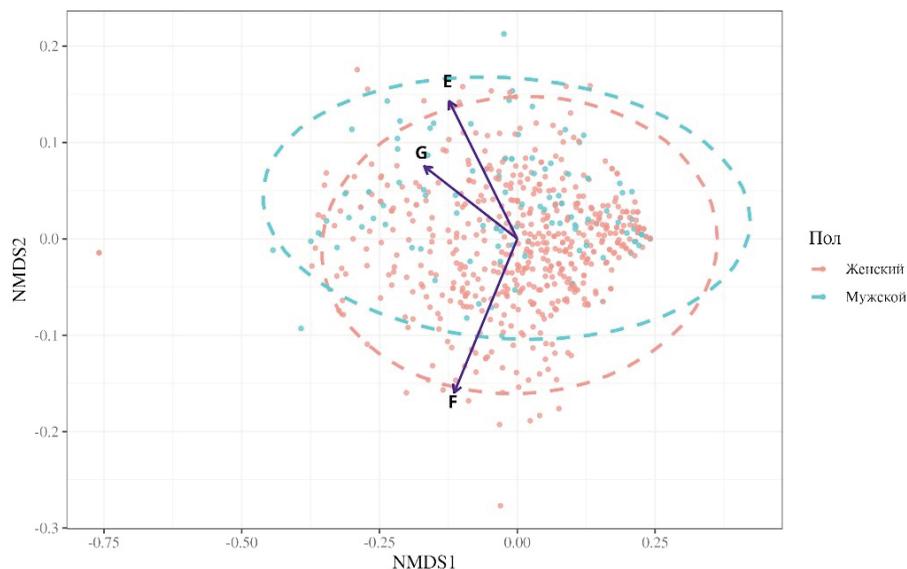
Далее рассмотрим, как визуализируются виды дезадаптивной подчиняемости в математическом пространстве с учетом половых различий респондентов.

Обратимся к рисунку 1. На нем представлен результат непараметрического многомерного шкалирования (NMDS-анализа) на основе матрицы расстояний Гауэра. Качество ординации оценивалось по значению стресса по Крускалу, которое составило 0.085, что соответствует хорошему качеству воспроизведения структуры данных.

На представленном NMDS-графике показано распределение респондентов по двум основным компонентам многомерного пространства, отражающим вариабельность в наборе признаков. Точки наблюдений и линии эллипсов окрашены по фактору пола. Пунктирные линии эллипсов отражают доверительные области (95%) для каждой группы. Эллипсы показывают, где сконцентрировано большинство наблюдений в каждой группе. Несмотря на наличие некоторого смещения площадей эллипсов, наблюдается значительное их перекрытие. Это указывает на отсутствие сильных различий между девушками и юношами по исследуемым характеристикам, что подтверждает приведенные выше табличные данные по фактору пола. Векторы видов подчиняемости (E,

Рисунок 1

**NMDS-визуализация комплексного профиля дезадаптивной подчиняемости
с дифференциацией по полу**

F и G) демонстрируют направления их максимального изменения в зависимости от их выраженности. Вместе с тем следует признать, что пол респондентов не является ведущим маркером в формировании структуры данных и его связь с комплексным профилем подчиняемости очень слабая, что подтверждают данные таблиц 2 и 3. Кроме того, векторы видов подчиняемости имеют разное направление. Особенно тревожно-чувствительный вид подчиняемости, который почти противоположен направлению импульсивно-отзывчивого и конформно-наивного видов. Разные виды подчиняемости могут быть не только независимыми, но и противоположными по своей природе. Так, тревожно-чувствительный вид (F) направлен в область с преобладанием женских наблюдений, а векторы импульсивно-отзывчивого (E) и конформно-наивного (G) видов подчинения — в сторону с преобладанием мужских наблюдений и не выходят за границы доверительных интервалов. Иными словами, виды дезадаптивной подчиняемости потенциально могут быть функционально противоположными.

Сравнение данных таблиц 3 и 4 позволяет сделать вывод о том, что с общим уровнем выраженности дезадаптивной подчиняемости и ее комплексным профилем связаны доверие личности к виртуальной среде (включая все ее аспекты), вовлеченность и погруженность в виртуальное взаимодействие, эмоциональная возбудимость, импульсивность, проявляющаяся в коммуникации, иррациональная установка катастрофизации, возраст, пол. Это указывает на универсальную роль данных маркеров при оценке как общей, так и дифференцированной подчиняемости.

Поскольку PERMANOVA-анализы не позволяют определить направление выявленных ассоциаций, для перечисленных значимых маркеров был проведен дополнительный корреляционный анализ.

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 5, указывают на то, что не все ключевые маркеры имеют линейную связь с общей дезадаптивной подчиняемостью. Так, например, установка катастрофизации и возраст респондентов не связаны с ней линейно, несмотря на наличие связи с ее комплексным профилем (наличие структурно-дифференцированной связи). Оставшиеся восемь маркеров, а именно доверие личности к виртуальной среде, к процессу виртуального общения, к информации и ее источнику, вовлеченность и погруженность в виртуальное взаимодействие, эмоциональная возбудимость, импульсивность, имеют прямую линейную связь. Различия в выраженности общей дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде по фактору пола отсутствуют ($W = 26402.5$, $p = 0.084$; $\delta = -0.104$; ср. ранг. жен.: 317.8, ср. ранг. муж.: 351.5). Отсутствие значимых различий между мужчинами и женщинами по общему уровню дезадаптивной подчиняемости в корреляционном и ранговом анализе при наличии статистически значимого эффекта пола в многомерном PERMANOVA может объясняться тем, что PERMANOVA оценивает не различия в среднем уровне, а дисперсию, связанную с конфигурацией профиля, т.е. с соотношением трех видов подчиняемо-

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа связи общей дезадаптивной подчиняемости с ключевыми маркерами

Код	r	95% CI		adj. p -value	$1 - \beta$
		low	high		
Индивидуальные свойства					
AGE	-0.112	-0.190	-0.033	0.065947	0.814
P	0.205	0.128	0.280	4.06e-06***	1
Личностные свойства					
I	0.171	0.093	0.247	0.000271***	0.992
J	0.569	0.513	0.620	6.22e-55***	1
K	0.467	0.403	0.527	1.09e-34***	1
L	0.514	0.453	0.570	4.42e-43***	1
V	0.520	0.460	0.576	1.93e-44***	1
T	0.246	0.170	0.320	6.76e-09***	1
U	0.362	0.291	0.429	7.87e-20***	1
X	0.089	0.009	0.167	0.264666	0.616

Примечание. Здесь и далее: r – коэффициент корреляции по Спирмену; 95%CI – 95%-й доверительный интервал (нижний и верхний); adj. p -value – скорректированный уровень значимости: *** $p \leq 0.001$; $1 - \beta$ – статистическая мощность.

сти (E, F, G). Другими словами, мужчины и женщины могут демонстрировать сопоставимую общую выраженность дезадаптивной подчиняемости, но иметь разную выраженность по ее компонентам: у женщин чаще преобладает тревожно-чувствительный тип (F), тогда как у мужчин — импульсивно-отзывчивый (E) и конформно-наивный (G). Это различие в структуре профиля наглядно отражено в противоположных направлениях соответствующих векторов на NMDS-графике (рисунок 1).

Итак, индивидуальные свойства показали умеренную значимую связь с дезадаптивной подчиняемостью. Наиболее выраженная положительная связь выявлена с эмоциональной возбудимостью. Экстраверсия не достигла уровня значимости в одномерном анализе, однако в многомерном PERMANOVA, оценивающим профиль трех видов подчиняемости, ее вклад оказался значимым, хоть и слабым. Это указывает на то, что экстраверсия ассоциируется не с общим уровнем подчиняемости, а с ее структурной спецификой, что расширяет наши представления о характере связи данного свойства темперамента с дезадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде, рассматриваемого нами в предыдущем исследовании как одного из ее предикторов (Белых и др., 2025а). Напротив, активность как свойство темперамента не ассоциируется с видами подчиняемости, но значимо связана с общей подчиняемостью. Остальные свойства темперамента — ригидность, быстрота — не продемонстрировали связей ни в одномерном, ни в многомерном анализе. Связь подчиняемости с возрастом значима в PERMANOVA, но линейной связи не наблюдается. Фактор пола также значим в обоих PERMANOVA-анализах, но объясняет очень малый процент дисперсии (менее 1%). NMDS-визуализация подтвердила сильное перекрытие доверительных интервалов групп по полу, однако направления векторов видов подчиняемости различались. Так, тревожно-чувствительный вид в большей мере ассоциирован скорее с женской подвыборкой, тогда как импульсивно-отзывчивый и конформно-наивный виды — с мужской. Этот факт частично согласуется с данными о том, что девушки проявляют большую выраженность психологической суверенности в виртуальном пространстве, понимаемой как «способность субъекта контролировать, защищать и развивать свое виртуальное психологическое пространство» (Шаповаленко, 2016, с. 9), чем юноши.

Таким образом, высокая эмоциональная возбудимость может вносить существенный вклад на уровне индивидуальных свойств в проявление как общей выраженности дезадаптивной подчиняемости, так и ее различных видов, определяя возможно низкую способность к эмоциональной регуляции, что подкрепляется наличием импульсивности в общении как социально-психологическим свойством личности и согласуется с представлениями о подчиняемости как форме неконтролируемого поведенческого ответа в условиях неопределенности (Зимбардо, 2014; Kruglanski, 2013; Hogg, 2000), а также с данными о предикторах интернет-зависимого поведения (Колмогорцева, 2021). Пол на изучаемой выборке может определять скорее различия в проявлении видов дезадаптивной подчиняемости, чем ее общий уровень, а возрастные особенности, не оказывая прямого воздействия на ее выраженность, могут выступать в качестве ее медиатора.

Наряду с индивидуальными свойствами, деадаптивная подчиняемость в виртуальной среде ассоциирована с большим количеством личностных свойств и характеристик. Наиболее сильная связь обнаружена с доверием личности к виртуальной среде. Проведенный корреляционный анализ с ключевыми маркерами подтвердил прямую направленность этой связи. Такая же прямая связь характерна для компонентов виртуализации личности: вовлеченности как поведенческого компонента и погруженности как когнитивного компонента. В то же время включенность как ценностно-смысловой компонент виртуализации личности не обнаружила связи с деадаптивной подчиняемостью. Среди иррациональных установок лишь установка катастрофизации имеет связь в одномерном и многомерном PERMANOVA. Однако корреляция с общей подчиняемостью оказалась незначимой, что может свидетельствовать о нелинейной или опосредованной природе связи иррациональной установки катастрофизации с деадаптивной подчиняемостью. Внушаемость в данном исследовании не проявила связи с общей подчиняемостью, но показала слабую связь с ее профилем. Эти данные подчеркивают необходимость обнаружения и учета видовой дифференциации деадаптивной подчиняемости в виртуальной среде, так как проявление в виртуальном взаимодействии ее типологических особенностей может быть обусловлено разным сочетанием личностных и индивидуальных свойств. Показатели субъектности в целом не ассоциированы с подчиняемостью. Исключение составили такие его аспекты, как осознание собственной уникальности и саморазвитие. Однако их вклад был минимальным, что может указывать на возможный нелинейный, стохастический характер связи подчиняемости и субъектности. Таким образом, деадаптивная подчиняемость в виртуальной среде в первую очередь может проявляться при высоком уровне доверия к цифровому контенту и мотивационно-поведенческой вовлеченностью в онлайн-пространство, тогда как ценностные, рефлексивные и регуляторные компоненты личности, вероятно, имеют более сложный (нелинейный) характер связи с проявлением личностью деадаптивной подчиняемости в виртуальной среде.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Проявление деадаптивной подчиняемости в виртуальной среде следует изучать с учетом ее видовой дифференциации, так как общий уровень ее выраженности, комплексный профиль и отдельные виды могут быть связаны с различными индивидуальными и личностными свойствами и характеристиками.

2. Высокая эмоциональная возбудимость, пол и возраст имеют значимые связи с деадаптивной подчиняемостью в отношении как ее общего уровня выраженности, так и комплексного профиля, что говорит о существенном вкладе индивидуальных свойств в ее проявление.

3. Доверие к виртуальной среде выступает одним из наиболее значимых маркеров общей деадаптивной подчиняемости у молодежи, демонстрируя

наиболее высокие значения корреляции и коэффициента детерминации среди всех анализируемых характеристик.

4. Внушаемость, экстраверсия и пол не демонстрируют выраженной связи с общим уровнем дезадаптивной подчиняемости, однако значимо ассоциированы с конфигурацией ее профиля, т.е. с соотношением импульсивно-отзывчивого, тревожно-чувствительного и конформно-наивного видов. В частности, тревожно-чувствительный тип чаще наблюдается у женщин, тогда как импульсивно-отзывчивый и конформно-наивный — у мужчин. Учитывая крайне малую величину эффекта по полу ($R^2 < 0.01$) и гендерный дисбаланс в выборке, эти различия следует рассматривать как тенденции к качественной, а не количественной дифференциации: мужчины и женщины могут проявлять сходный общий уровень подчиняемости, но с разным распределением по ее видам.

5. Дезадаптивная подчиняемость в виртуальной среде — феномен, обусловленный сочетанием разноуровневых по своей природе свойств, а именно индивидуальных (эмоциональная возбудимость, активность, экстраверсия, половые и возрастные различия) и личностных — когнитивной и поведенческой вовлеченности в онлайн-взаимодействие, наличия иррациональных установок, степени доверия к виртуальной среде, импульсивности в условиях общения, внушаемости, уровня выраженности субъектности и ее компонентов, вклад которых может различаться при анализе общего уровня ее выраженности и различных видов.

6. Показатели выраженности субъектности личности в целом не связаны с дезадаптивной подчиняемостью, за исключением способности к осознанию собственной уникальности и способности к саморазвитию, но эти связи хотя и значимы, но минимально выражены.

7. Дезадаптивная подчиняемость в виртуальной среде демонстрирует как прямые (линейные) ассоциации с рядом индивидуальных и личностных характеристик (например, доверием к информации, эмоциональной возбудимостью), так и нелинейные или профилльно-зависимые связи, которые проявляются только при анализе соотношения ее типов (импульсивно-отзывчивого, тревожно-чувствительного, конформно-наивного). Это может свидетельствовать о сложной, многоуровневой природе данного социального феномена, требующего сочетания количественных подходов — включая как корреляционные, так и многомерные методы (PERMANOVA, NMDS) — для его адекватного изучения.

Ограничение и перспективы

Настоящее исследование имеет ряд методологических ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов и планировании дальнейших изысканий. Во-первых, исследование носит кросс-секционный характер, что не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между выявленными переменными. Во-вторых, выборка ограничена образовательной средой: в нее вошли студенты вузов, ординаторы

и учащиеся колледжей из семи российских городов. Такой состав не позволяет распространять результаты на более широкие группы молодежи — например, на работающих молодых людей, подростков, не охваченных СПО, или пользователей с низким уровнем цифровой активности. Кроме того, в выборке наблюдается выраженный гендерный дисбаланс (83% женщин), что снижает статистическую мощность при анализе гендерных различий и ограничивает возможность делать выводы о мужской подгруппе. В-третьих, все данные собраны с помощью самоотчетных методик, что делает их уязвимыми к искажениям, связанным с социальной желательностью, недостаточной рефлексией или искаженным восприятием собственного поведения в виртуальной среде. В будущем целесообразно дополнить данные поведенческими индикаторами (например, анализом цифрового следа, экспериментами с манипулятивным контентом) или использовать методы смешанного подхода. В-четвертых, в исследовании не учитывались такие потенциально значимые переменные, как продолжительность и типы онлайн-активности, уровень цифровой грамотности, личный опыт обмана или манипуляций в Интернете, а также социально-экономический статус респондентов. Указанные факторы могут влиять на полученные результаты.

Несмотря на ограничения, результаты открывают важные перспективы для дальнейших исследований. Во-первых, целесообразно изучить динамику деадаптивной подчиняемости в контексте развития цифровой компетентности и критического мышления. Во-вторых, перспективным направлением является разработка и апробация профилактических программ, направленных на снижение некритичного доверия к цифровому контенту, особенно среди групп риска (например, подростков с высокой эмоциональной возбудимостью и импульсивностью). В-третьих, заслуживает внимания углубленное изучение структурных различий между типами подчиняемости (Е, F, G), включая их нейрокогнитивные и поведенческие корреляты.

Таким образом, настоящее исследование вносит вклад в понимание психологических механизмов уязвимости молодежи в цифровой среде, но требует продолжения в рамках более репрезентативных, динамичных и мультиуровневых исследовательских дизайнов.

Практическое применение

Результаты проведенного исследования впервые позволили осуществить анализ связей между деадаптивной подчиняемостью в виртуальной среде и комплексом индивидуальных и личностных свойств и характеристик, выявив линейные и структурно-опосредованные связи. Полученные данные могут быть использованы при планировании и проведении психолого-просветительской и профилактической работы, направленной на предупреждение формирования деадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде с учетом ее биологически детерминированной предрасположенности, а именно: наличия ярко выраженной эмоциональной возбудимости, а также таких личностных особенностей, как высокая степень доверия к виртуальной среде

и информации, распространяемой в Интернете, наличие иррациональных установок, как минимум — установки к катастрофизации, высокая степень погруженности и вовлеченности в виртуальное взаимодействие, коммуникативная импульсивность. Рефлексивные возможности, осознанная активность, ответственное отношение к осуществлению выбора, как компоненты субъектности, могут выступать в качестве медиатора способности личности к осознанию собственной внушаемости, импульсивности, поведенческой вовлеченности в виртуальное взаимодействие и служить тем самым средством профилактики дезадаптивной подчиняемости, проявляемой молодежью в виртуальной среде.

Наличие разных видов дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде сопровождается разной гендерной предрасположенностью к ним, что может быть учтено при организации психопрофилактической работы. Программы психопрофилактического характера могут быть универсальными (относительно возрастных различий) и ориентированными на молодежь в возрасте от 14 до 35 лет.

Литература

- Белых, Т. В., Князев, Е. Б., Шаров, А. А., Белых, В. В. (2025а). Предикторы дезадаптивной подчиняемости молодежи в виртуальной среде. *Перспективы науки и образования*, 5, 469–481. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.29>
- Белых, Т. В., Князев, Е. Б., Шаров, А. А., Белых, В. В. (2025б). Разработка, валидизация и стандартизация опросника «Уровень и виды дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде». *Социальная психология и общество*, 16(3), 183–204. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160310>
- Белых, Т. В., Шаров А. А., Князев Е. Б., Белых В. В. (2025в). Опросник доверия молодежи к виртуальной среде: разработка и валидизация. *Перспективы науки и образования*, 4, 344–356. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.4.22>
- Богданова, Д. Я., Волков, И. П. (общ. ред.) (1989). *Практические занятия по психологии: пособие для институтов физической культуры*. М.: Физкультура и спорт.
- Брушлинский, А. В. (1994). *Проблема психологии субъекта*. М.: Институт психологии РАН.
- Волкова, Е. Н. (1992). *Субъектность как интегративное свойство личности педагога* [Кандидатская диссертация]. Психологический институт РАО.
- Галицына, А. М. (2017). «Группы смерти» как средство манипулирования сознанием. В кн. *Развитие общественных наук российскими студентами* (вып. 4, с. 30–34). Ассоциация молодых ученых.
- Грачев, М. Н. (2001). Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности. *Вестник РУДН. Политология*, 3, 88–103.
- Завьялов, А. Н. (2022). Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения. *Baikal Research Journal*, 13(2), 36. [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).36](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).36)
- Зимбардо, Ф. (2014). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Зимбардо, Ф., Ляйпше, М. (2011). *Социальное влияние*. СПб.: Питер.

- Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ.
- Клейберг, Ю. А. (2017). Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы. *Пензенский психологический вестник PSYCHOLOGY-NEWS.RU*, 1, 70–82. <https://www.doi.org/10.17689/psy-2017.1.4>
- Князев, Е. Б. (2018). *Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия* [Кандидатская диссертация]. Саратовский государственный университет.
- Козырьков, В. П., Ушакова, Я. В., Шалютина, Н. В. (2021). Особенности формирования доверия учащейся молодежи к информации в медиасетях. *Социологическая наука и социальная практика*, 9(2), 131–146. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8104>
- Колмогорцева, А. А. (2021). *Психологические особенности личности как предикторы интернет-зависимости* [Кандидатская диссертация]. Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.
- Крысько, В. Г. (2003). *Словарь-справочник по социальной психологии*. СПб.: Питер.
- Кулигина, В. А., Чишко, П. В., Кабанова, Н. А. (2024). Психологические аспекты мошенничества и методы манипуляции и практические рекомендации по противодействию гражданам. *Вестник евразийской науки*, 16(s2). <https://esj.today/PDF/35FAVN224.pdf>
- Курзаева, Л. В., Чусавитина, Г. Н. (2014). Подготовка будущих педагогических кадров к превенции киберэкстремизма среди молодежи: моделирование процесса установления требований к процессу профессиональной подготовки. *Фундаментальные исследования*, 12(5), 1078–1082.
- Лазарева, И. Ю. (2021). Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети интернет. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 4(87), 416–422. <https://www.doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-416-422>
- Лосенков, В. А. (1979). Импульсивность. В кн. В. А. Ядов (ред.), *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности* (с. 230–232). Л.: Наука.
- Луман, Н. (2007). *Очерк общей теории*. СПб.: Наука.
- Мерзлякова, Е. Л. (2012). Тест на определение степени внушаемости. В кн. *АнтиЛох: не дайте себя провести* (с. 59–61). СПб.: Питер.
- Мерлин, В. С. (1986). *Очерк интегрального исследования индивидуальности*. М.: Педагогика.
- Моисеева, И. Г. (2022). Психологические аспекты противодействия телефонному мошенничеству. *Калужский экономический вестник*, 1, 70–74.
- Погожина, И. Н., Подольский, А. И., Идобаева, О. А., Подольская, Т. А. (2020). Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. *Вопросы образования*, 3, 60–95.
- Расина, Э. О. (2023). Индекс виртуализации личности интернет-пользователя: апробация психометрической методики. *СибСкрипт*, 25(2), 228–239. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-2-228-239>
- Рубинштейн, С. Л. (1986). Принцип творческой самодеятельности. *Вопросы психологии*, 4, 101–108.
- Самсонова, Н. Н. (2018). *Взаимосвязь интернет-коммуникаций и социального поведения молодежи* [Кандидатская диссертация]. Московский государственный областной университет.
- Симонов, П. Ю. (2021). Отношения субъектов коммуникации: степень доверия к источнику информации. *Коммуникология*, 9(3), 181–190. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-3-181-190>
- Солдатова, Г., Чигарькова, С., Илюхина, С. (2021). Медиапотребление подростков и родителей: источники информации и доверие к ним. *Психологические исследования*, 14(80). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.112>

- Фёдоров, А. А., Рахманов, А. С. (2024). Моральная конформность при разных формах виртуального давления. *Экспериментальная психология*, 17(1), 118–130. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>
- Филиппов, А. Р. (2021). Феномен мошенничества в России XXI века: уголовно-правовая, криминологическая и социально-психологическая характеристика. *Юридическая наука: история и современность*, 6, 134–146.
- Чалдини, Р. (2012). *Психология влияния*. СПб.: Питер.
- Шаповаленко, А. А. (2016). *Психологическая суверенность личности в интернет-среде (на примере студентов-участников социальной сети ВКонтакте)* [Кандидатская диссертация]. Российский государственный социальный университет.
- Штомпка, П. (2001). Социальное изменение как травма. *СОЦИС*, 1, 6–16. <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf>
- Эллис, А. (2002). *Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход*. СПб.: Сова.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Belykh, T. V., Knyazev, E. B., Sharov, A. A., & Belykh, V. V. (2025a). Predictors of young people's maladaptive submissiveness in a virtual environment. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]*, 5, 469–481. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.29> (in Russian)
- Belykh, T. V., Knyazev, E. B., Sharov, A. A., & Belykh, V. V. (2025b). Development, validation and standardization of the questionnaire “The degree and type of one's maladaptive subordination in a virtual environment”. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 16(3), 183–204. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160310> (in Russian)
- Belykh, T. V., Sharov, A. A., Knyazev, E. B., Belykh, V. V. (2025c). Young people's trust in virtual environment questionnaire: development and validation. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]*, 4, 344–356. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.4.22> (in Russian)
- Bogdanova, D. Ya., & Volkov, I. P. (Eds.). (1989). *Prakticheskie zanyatiya po psikhologii: posobie dlya institutov fizicheskoi kul'tury* [Practical psychology classes: A handbook for physical education institutes]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
- Brushlinskii, A. V. (1994). *Problema psikhologii sub'ekta* [The problem of the psychology of the subject]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Capuano, C., & Chekroun, P. (2024). A systematic review of research on conformity. *International Review of Social Psychology*, 37(1), Article 13. <https://doi.org/10.5334/irsp.874>
- Cardoso, G. (2003). *Para uma sociologia do ciberespaço: comunidades virtuais em português* [Towards a Sociology of Cyberspace: Virtual Communities in Portuguese]. Oeiras, Portugal: Celta Editora.
- Castells, M. (2000). *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The information age: Economy, society and culture]. Moscow: HSE Publishing House. (Original work published 1998)
- Chomanski, B. (2023). Mental integrity in the attention economy: in search of the right to attention. *Neuroethics*, 16, Article 8. <https://doi.org/10.1007/s12152-022-09514-x>
- Cialdini, R. (2012). *Vliyanie: nauka i praktika* [Influence: Science and practice]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1993)

- Colman, A. (2015). *Psikhologicheskii slovar'* [A dictionary of psychology] (4th ed.). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acref/9780199657681.001.0001>
- Ellis, A. (2002). *Hoministic psychotherapy: The rational-emotional approach*. Saint Petersburg: Sova. (Original work published 1973)
- Fedorov, A. A., & Rakhmanov, A. S. (2024). Moral conformity under different forms of virtual pressure. *Ekspierimetal'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 17(1), 118–130. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108> (in Russian)
- Filippov, A. R. (2021). The phenomenon of fraud in Russia of the XXI century: criminal-legal, criminological and socio-psychological characteristics. *Yuridicheskaya Nauka: Istoriya i Sovremennost'*, 6, 134–146.
- Fonagy, P., Luyten, P., & Allison, E. (2015). Epistemic petrification and the restoration of epistemic trust: A new conceptualization of borderline personality disorder and its psychosocial treatment. *Journal of Personality Disorders*, 29(5), 575–609. <https://doi.org/10.1521/pedi.2015.29.5.575>
- Galitsyna, A. M. (2017). “Gruppy smerti” kak sredstvo manipulirovaniya soznaniem [“Death groups” as a means of manipulating consciousness]. In *Razvitiye obshchestvennykh nauk rossiiskimi studentami* [Development of social sciences by Russian students] (Iss. 4, pp. 30–34). Assotsiatsiya molodykh uchenykh.
- Giddens, A. (1994). Living in a post-traditional society. In U. Beck, A. Giddens, & S. Lash (Eds.), *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order* (p. 56–109). Cambridge: Polity Press.
- Grachev, M. N. (2001). Media of communication as an instrument of socio-political reality transformation. *RUDN Journal of Political Science*, 3, 88–103. (in Russian)
- Hogg, M. A. (2000). Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European Review of Social Psychology*, 11(1), 223–255. <https://doi.org/10.1080/14792772043000040>
- Kleyberg, Yu. A. (2017). Destructive Internet game “The Blue Whale” as a deviantological phenomenon: Statement of the problem. *Penzenskii Psikhologicheskii Vestnik PSYCHOLOGY-NEWS.RU*, 1, 70–82. <https://www.doi.org/10.17689/psy-2017.1.4> (in Russian)
- Knyazev, E. B. (2018). *Vzaimosvyaz' sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti i podchinyaemosti avtoritetu u sub'ektov mezhluchnostnogo vzaimodeistviya* [Relationship between socio-psychological characteristics of personality and submission to authority in subjects of interpersonal interaction] [PhD dissertation]. Saratov State University, Saratov, Russian Federation.
- Kolmogortseva, A. A. (2021). *Psikhologicheskie osobennosti lichnosti kak prediktory internet-zavisimosti* [Psychological personality traits as predictors of internet addiction] [PhD dissertation]. South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation.
- Kozyrkov, V. P., Ushakova, Ya. V., & Shalyutina, N. V. (2021). Features of forming of trust among student youth to information in the media network. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika*, 9(2), 131–146. <https://doi.org/10.19.181/snsp.2021.9.2.8104> (in Russian)
- Kruglanski, A. W. (2013). *The psychology of closed mindedness*. New York, NY: Psychology Press.
- Krysko, V. G. (2003). *Slovar'-spravochnik po sotsial'noi psikhologii* [Dictionary of social psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Kuligina, V. A., Chishko, P. V., & Kabanova, N. A. (2024). Psychological aspects of fraud and methods of manipulation and practical recommendations for countering citizens. *Vestnik Evraziiskoi Nauki [The Eurasian Scientific Journal]*, 16(s2). <https://esj.today/PDF/35FAVN224.pdf> (in Russian)

- Kurzaeva, L. V., & Chusavitina, G. N. (2014). Preparing future teaching staff to prevention extremism among young people: modeling established requirements for the training process. *Fundamental'nye Issledovaniya [Fundamental Research]*, 12(5), 1078–1082. (in Russian)
- Lazareva, I. Yu. (2021). Prevention of destructive informational and psychological impact on youth on the Internet. *Psikhopedagogika v Pravookhranitel'nykh Organakh [Psychopedagogy in Law Enforcement]*, 4(87), 416–422. <https://www.doi.org/10.24412/1999-6241-2021-487-416-422> (in Russian)
- Losenkov, V. A. (1979). Impul'sivnost' [Impulsivity]. In V. A. Yadov (Ed.), *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti [Self-regulation and prediction of social behavior of an individual]* (pp. 230–232). Leningrad: Nauka.
- Luhmann, N. (2007). *Ocherk obshchei teorii [An essay on general theory]*. Saint Petersburg: Nauka. (Original work published 1984 in German)
- Mendoza, J. P., & Wielhouwer, J. L. (2025). Compliance under distrust: do people comply less when they feel distrusted? *Journal of Public Administration Research and Theory*, 35(2), 103–116. <https://doi.org/10.1093/jopart/muae025>
- Merlin, V. S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individualnosti [An essay on integral research of identity]*. Moscow: Pedagogika.
- Merzlyakova, E. L. (2012). Test na opredelenie stepeni vnushaemosti [Test to determine the degree of suggestibility]. In *AntiLokh: ne daite sebya provesti [Anti-dupe: Don't let yourself be fooled]* (pp. 59–61). Saint Petersburg: Piter.
- Milgram, S. (1974). *Obedience to authority: an experimental view*. London: Tavistock Publications.
- Moiseeva, I. G. (2022). Psychological aspects of countering telephone fraud. *Kaluzhskii Ekonomicheskii Vestnik*, 1, 70–74. (in Russian)
- Pogozhina, I. N., Podolsky, A. I., Idobaeva, O. A., & Podolskaya, T. A. (2020). Behavioral and motivational patterns of Internet users: A logico-categorical analysis. *Voprosy Obrazovaniya [Education Studies]*, 3, 60–94. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94>
- Puri, A. (2021). The right to attentional privacy. *Rutgers Law Record*, 48, 206–221.
- Rasina, E. O. (2023). Internet User Personality Virtualization Index: Psychometric technique approbation. *SibScript*, 25(2), 228–239. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-2-228-239> (in Russian)
- Reingold, H. (1993). *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA: MIT Press.
- Rubinstein, S. L. (1986). Printsip tvorcheskoi samodeyatel'nosti [The principle of creative self-activity]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 101–108.
- Samsonova, N. N. (2018). *Vzaimosvyaz' internet-kommunikatsii i sotsial'nogo povedeniya molodezhi [The relationship between Internet communication and social behaviour in young people]* [PhD dissertation]. Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation.
- Shapovalenko, A. A. (2016). *Psikhologicheskaya suverenost' lichnosti v internet-srede (na primere studentov-uchastnikov sotsial'noi seti VKontakte) [Psychological sovereignty of a person in the online environment (on the example of students who use the social network VKontakte)]* [PhD dissertation]. Russian State Social University, Moscow, Russian Federation.
- Simonov, P. Yu. (2021). Interrelation of communication subjects: the degree of trust to the source of information. *Kommunikologiya [Communicology]*, 9(3), 181–190. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-3-181-190> (in Russian)

- Slater, M., Antley, A., Davison, A., Swapp, D., Guger, C., Barker, C., Pistrang, N., & Sanchez-Vives, M. V. (2006). A virtual reprise of the Stanley Milgram obedience experiments. *PLoS ONE*, *1*(1), Article e39. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0000039>
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2021). Media consumption of adolescents and parents: sources of information and trust in them. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, *14*(80). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.112> (in Russian)
- Sztompka, P. (2001). Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social change as trauma]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*, *1*, 6–16. <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> (Original work published 2001)
- Tran, J. L. (2015). The right to attention. *Indiana Law Journal*, *91*(3), 1023–1064. https://doi.org/10.31228/osf.io/jzfbv_v1
- Volkova, E. N. (1992). *Sub"ektnost' kak integrativnoe svoistvo lichnosti pedagoga* [Subjectivity as an integral property of a teacher's personality] [PhD dissertation]. Psychological Institute of the RAO, Moscow, Russian Federation.
- Zavyalov, A. N. (2022). Internet scam (phishing): issues of counteraction and prevention. *Baikal Research Journal*, *13*(2), Article 36. [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).36](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).36) (in Russian)
- Zimbardo, P. (2014). *Effekt Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeyev* [The Lucifer effect: understanding how good people turn evil]. Moscow: Alpina non-fiction. (Original work published 2007)
- Zimbardo, P., & Leippe, M. (2011). *Psikhologiya izmeneniya ustanovok i sotsial'nogo vliyaniya* [The psychology of attitude change and social influence]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1991)

ЛИЧНОСТНЫЕ АДАПТАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТРАНЗАКТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

М.А. МАРИЧЕВА^а

^а *Независимый исследователь*

Personality Adaptations as Determinants of Financial Behavior: A Transactional Analysis Model

M.A. Maricheva^a

^a *Independent researcher*

Резюме

Статья преодолевает ключевой теоретический разрыв между богатым эмпирическим полем исследований финансового поведения, сосредоточенным на установлении корреляций, и теориями личности, способными раскрыть их глубинные психологические механизмы. Целью работы является разработка и теоретическое обоснование модели, объясняющей детерминацию финансового поведения через концепцию личностных адаптаций в рамках транзактного анализа. Методологическую основу составляет синтез модели шести личностных адаптаций (П. Уэр, Т. Кэлер) с их сценарными истоками (Я. Стюарт, В. Джойнс), что позволяет выйти за рамки описания черт к анализу динамических паттернов. Этот синтез интегрирован с классической трехкомпонентной моделью аттитюда (когнитивный, аффективный, поведенческий компоненты). Метод теоретической реконструкции позволил дедуцировать финансовые проявления адаптаций. Основные результаты заключаются в следующем: 1) разработан объяснительный паттерн «личностная адаптация → базовое убеждение / ключевая потребность → конфигурация финансового аттитюда (символи-

Abstract

The article addresses a key theoretical gap between the rich empirical field of financial behavior research, focused on establishing correlations, and personality theories capable of uncovering their underlying psychological mechanisms. Its objective is to develop and theoretically substantiate a model explaining the determination of financial behavior through the concept of personality adaptations within transactional analysis. The methodological foundation is a synthesis of the model of six personality adaptations (Ware, Kahler) with their script origins (Stewart, Joines), which allows moving beyond trait description to the analysis of dynamic patterns. This synthesis is integrated with the classical three-component model of attitude (cognitive, affective, behavioral components). The method of theoretical reconstruction enabled the deduction of the financial manifestations of the adaptations. The main results are as follows: 1) an explanatory pattern is developed: “personality adaptation → basic belief / key need → configuration of financial attitude (symbolic meaning of money, racket feelings, behavioral

ческое значение денег, рэкетные чувства, поведенческие стратегии) → финансовое поведение»; 2) представлена детализированная типология. Для каждой из шести адаптаций («творческий мечтатель», «блестящий скептик», «очаровательный манипулятор», «игривый бунтарь», «ответственный работоголик», «сверхреагирующий энтузиаст») описаны специфическое символическое значение денег, доминирующий аффективный фон и устойчивые паттерны в сферах сбережения, трат, инвестиций, планирования и отношения к долгам. Научная новизна работы заключается в системном применении аппарата транзактного анализа для построения объяснительной модели в экономической психологии, предлагающей сценарное, а не корреляционное понимание финансовых выборов. Таким образом, модель задает новый ракурс для исследований, переводя вопрос с «что связано?» на «почему это связано?». Работа открывает перспективы для эмпирической верификации модели и ее практического применения в дифференцированном психологическом и финансовом консультировании.

Ключевые слова: психология денег, экономическая психология, личностные адаптации, транзактный анализ, финансовое поведение, отношение к деньгам, денежные аттитюды.

Маричева Мария Алексеевна — клинический психолог, магистр психологии, магистр финансовой экономики, независимый исследователь.

Сфера научных интересов: психология денег, экономическая психология, личностные адаптации, транзактный анализ, финансовое поведение, отношение к деньгам, денежные аттитюды.

Контакты: marichevamarina@mail.ru

Благодарности

Исследование представлено при поддержке Открытой лаборатории транзактного анализа В.А. Петровского.

strategies) → financial behavior”; 2) a detailed typology is presented. For each of the six adaptations (“Creative Dreamer”, “Brilliant Skeptic”, “Charming Manipulator”, “Playful Rebel”, “Responsible Workaholic”, “Overreacting Enthusiast”), the specific symbolic meaning of money, the dominant affective background, and stable patterns in the areas of saving, spending, investment, planning, and attitude towards debt are described. The scientific novelty of the work lies in the systematic application of transactional analysis framework to build an explanatory model in economic psychology, offering a script-based, rather than correlational, understanding of financial choices. Thus, the model sets a new perspective for research, shifting the question from “what is related?” to “why is it related?”. The work opens prospects for the empirical verification of the model and its practical application in differentiated psychological and financial counseling.

Keywords: psychology of money, economic psychology, personality adaptations, transactional analysis, financial behavior, attitudes toward money, money attitudes.

Maria A. Maricheva — Clinical Psychologist, Independent Researcher, MSc in Psychology, MSc in Financial Economics.

Research Area: psychology of money, economic psychology, personality adaptations, transactional analysis, financial behavior, attitudes toward money, money attitudes.

E-mail: marichevamarina@mail.ru

Acknowledgments

The study is presented with the support of the Open Transactional Analysis Laboratory of V.A. Petrovsky.

Финансовое поведение и лежащее в его основе отношение к деньгам представляют собой сложные психологические феномены, не сводимые к рациональной экономической логике (Lea, Webley, 2006; Furnham, 2014; Журавлев,

Купрейченко, 2007; Дейнека, 2015). Объясняя их, исследователи сталкиваются с ключевой дилеммой: что сильнее определяет финансовый выбор — внешние обстоятельства или внутренние устойчивые особенности личности (Ranyard, 2017).

Данные свидетельствуют: несмотря на влияние ситуационных факторов (Fleeson, 2001; Ranyard, 2017), диспозиционные переменные сохраняют значительную предсказательную силу (Funder, 2009; Mischel, 2009; Fenton O’Creevy, Furnham, 2020). Среди них важную роль играют финансовые аттитюды (устойчивое отношение к деньгам) — системы убеждений, установок и поведенческих predispositions (Rosenberg, Novland, 1960; McNair, Crozier, 2018).

В изучении финансовых аттитюдов можно выделить два главных направления. Первое — психометрическое — нацелено на диагностику: оно выявляет структурные компоненты отношения к деньгам и операционализирует их через создание диагностических шкал. За последние десятилетия было разработано более двадцати таких инструментов (Yamauchi, Templer, 1982; Tang, 1993; Furnham, 1984, Furnham et al., 2012; Горбачева, Купрейченко, 2006; Rose, Orr, 2007; Gasiorowska, 2008; Khare, 2014; Дейнека, Забелина, 2018; Lay, Furnham, 2019; Furnham, Grover, 2020; Franzen, Mader, 2022; Kraemer et al., 2024). Однако современные исследования констатируют проблему: эти шкалы часто слабо согласованы между собой и фиксируют разрозненные аспекты одного феномена (Sesini, Lozza, 2023; Furnham, 2025). Примечательно, что новейшие разработки, такие как шкалы NMAQ и NMBQ, смещают фокус на поведенческие и сценарные паттерны (Lay, Furnham, 2019; Furnham, Grover, 2020).

Второе направление — корреляционное — устанавливает связи финансовых аттитюдов с широким кругом переменных: от социально-демографических показателей до личностных черт и детского опыта (Yamauchi, Templer, 1982; Furnham, 1996; Shafer, 2000; Norvilitis et al., 2003; Fenton O’Creevy, Furnham, 2020; Furtner, 2020; Ngcamu et al., 2023; Zabelina et al., 2024; Furnham, 2025).

Это корреляционное направление породило обширный, но фрагментарный массив данных. Поскольку отношение к деньгам формируется под влиянием множества факторов — от культурного контекста и экономического опыта до психологической истории личности, — исследователи выявляют разнообразные, но зачастую разрозненные предикторы. В результате исследования условно разделяются на несколько направлений: одни работы акцентируют роль социально-демографических переменных (Rimple, 2020; Sahi, 2023; Astriti, Prodromitis, 2024); другие — связь с чертами личности (Furtner, 2020; Duh et al., 2021); третьи — роль экономической социализации, раннего детского опыта и трансгенерационной передачи установок (Britt, 2016; Дробышева, 2018; LeBaron, Kelley, 2021; Дробышева, Журавлев, 2018). Отдельное внимание уделяется бессознательным конфликтам и родительским сценариям (Goldberg, Lewis, 1978; Klontz et al., 2011; Pollmann, 2021). При этом большая часть исследований по-прежнему сосредоточена на социально-демографических коррелятах (Furnham, Cuppello, 2023; Sesini, Lozza, 2023), что оставляет в тени системные психологические механизмы.

Современный систематический обзор (Sesini, Lozza, 2023) 226 исследований денежных аттитюдов подтверждает этот вывод: несмотря на богатый массив данных о коррелятах, вопрос о системных истоках и механизмах формирования финансового поведения остается открытым. Таким образом, актуальной задачей становится переход от констатации связей к поиску объяснительных моделей, раскрывающих внутреннюю психологическую логику финансового поведения.

В этой связи все больше работ движется в сторону выявления глубинных личностных детерминант. Например, исследования Э. Фернема и коллег выявили устойчивые связи между денежными установками и личностными расстройками (Furnham, 2019), а также между чертами личности в норме и денежными сценариями (Furnham, Cuppello, 2023). Эти данные создают эмпирическую базу, указывающую, что финансовые паттерны определяются глубинными личностными структурами. Однако, как подчеркивают сами авторы, выявленным коррелятам не хватает теоретического осмысления в рамках целостной модели, раскрывающей психологические механизмы зафиксированных связей.

Таким образом, актуальной задачей становится разработка моделей, объясняющих связь между глубинными структурами личности и финансовым поведением вне клинической патологии. Основная задача состоит в переходе от констатации корреляций к раскрытию объяснительных механизмов такой взаимосвязи. Решение данной задачи может лежать в интеграции данных эмпирических исследований, теоретических разработок в области психологии личности и результатов практико-ориентированных исследований и наблюдений.

Накопленные данные, в том числе наблюдения психологов-практиков, работающих с финансовыми запросами, свидетельствуют: монетарное поведение и отношение — не изолированные психические феномены, а отражение интегральных характеристик личности (Furnham, 2014). Это закономерно актуализирует поиск истоков этого феномена в теориях личности. Однако в классических подходах (психоаналитическом, бихевиоральном, когнитивном) тема денег долгое время оставалась на периферии, вследствие чего мы находим лишь косвенные упоминания (Дейнека, 2000; Ференци, 2000; Goldberg, Lewis, 1978).

В данной работе в качестве теоретической основы предлагается модель личностных адаптаций в рамках транзактного анализа (Kahler, 1982; Ware, 1983; Стюарт, Джойнс, 2021). Данный выбор обусловлен тем, что эта модель предлагает целостный взгляд на личность, интегрируя ключевые идеи классических школ — бессознательную мотивацию, усвоенные поведенческие паттерны и когнитивные схемы — в единую систему устойчивых стратегий функционирования. Мы предполагаем, что эти универсальные личностные стратегии закономерно проявляются и в финансовой сфере.

Цель настоящего исследования — разработать и теоретически обосновать модель, которая объясняет детерминацию отношения к деньгам и финансового поведения через транзактно-аналитическую концепцию личностных адаптаций.

Научная новизна работы заключается в следующем.

1. Впервые представлена теоретическая модель, интегрирующая концептуальный аппарат психологии денег с теорией личностных адаптаций в транзактном анализе.

2. Разработана объяснительная схема, раскрывающая систему связей между типами личностных адаптаций, специфическим символическим значением денег и характерными финансовыми паттернами.

3. Предложен инструмент прогнозирования, позволяющий на основе диагностики личностной адаптации прогнозировать не отдельные установки, а целостные комплексы финансового поведения и объяснять их внешние противоречия через актуализацию различных адаптаций в разных жизненных контекстах.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии подходов к изучению психологии денег за счет создания объяснительной модели на стыке экономической психологии и теории личности.

Практическая значимость — в возможности использовать результаты для разработки дифференцированных стратегий психологического и финансового консультирования с учетом типа личностной адаптации клиента.

Таким образом, данное исследование реализует синтез академических и практико-ориентированных разработок, развивая линию исследований в рамках общей персонологии — «науки личности» (Петровский, 2003, 2025; Петровский, Старовойтенко, 2012; Старовойтенко, 2023).

Гипотезы

Тип личностной адаптации связан с доминирующим символическим значением денег у индивида.

Это символическое значение опосредует связь между адаптацией и выбором (сохранить деньги или приобрести товар) в ситуации эквивалентной стоимости.

Теоретическая основа. Модель личностных адаптаций

Теоретическую основу исследования составляет модель личностных адаптаций (Kahler, 1982; Ware, 1983; Стюарт, Джойнс, 2021). Она описывает шесть универсальных личностных стилей: шизоидный («творческий мечтатель»), параноидный («блестящий скептик»), антисоциальный («очаровательный манипулятор»), пассивно-агрессивный («игривый бунтарь»), обсессивно-компульсивный («ответственный работоголик») и истерический («сверхреагирующий энтузиаст»).

Ключевое преимущество модели заключается в том, что она позволяет анализировать не статические черты, а динамические сценарные паттерны, описывая механизмы актуального поведения. В отличие от факторных моделей, фиксирующих черты, теория адаптации объясняет причины поведения, выявляя связь между ранними детскими решениями, актуальным поведением и базовыми психологическими задачами, такими как обеспечение безопасности,

достижение автономии или получение признания, лежащими в основе каждой адаптации. Такой подход позволяет перейти от констатации корреляций к раскрытию системных психологических механизмов, связывающих глубинную структуру личности с ее финансовым поведением.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на клиническое происхождение, модель личностных адаптаций была адаптирована для применения в неклиническом контексте. Как отмечает В. Джойнс, каждая адаптация может проявляться в диапазоне от здорового функционирования до патологического (Joines, 1986). Дальнейшее развитие этой идеи, по словам Т. Кэлера, было направлено на понимание и прогнозирование поведения нормально функционирующих людей, широко используемое в организационном консультировании и коучинге (Kahler, 2008; Nay, 2009, 2013a). Несмотря на использование клинической терминологии («шизоидный», «параноидный»), в контексте данного исследования эти понятия описывают нормативные личностные стратегии, проявляющиеся в континууме от адаптивных до дезадаптивных форм.

Адаптации являются лучшим выбором, который делает ребенок, чтобы выжить и соответствовать ожиданиям семьи, а впоследствии используются и во взрослой жизни, чтобы справляться с ситуациями стресса и оправдывать ожидания окружающих людей. В рамках рассматриваемой концепции каждая личностная адаптация операционализируется через устойчивый набор черт, детерминирующих специфику ее проявлений в межличностном взаимодействии и деятельности.

Можно предположить, что денежные стратегии индивида являются частным случаем проявления его базовых, сформированных в ходе адаптации, жизненных сценариев. Это допущение позволяет рассматривать финансовое поведение как проявление базовых личностных стратегий. Данная предпосылка находит подтверждение в транзактно-аналитической литературе, посвященной организационному поведению, где продемонстрировано, как личностные адаптации детерминируют стили работы, лидерства и коммуникации (Kahler, 2008; Nay, 2009, 2013a, 2013b). Таким образом, перенос этих устойчивых паттернов на сферу товарно-денежных отношений представляется логичным и обоснованным.

Был проведен сравнительный анализ работ ведущих авторов, развивавших концепцию личностных адаптаций (таблица 1). Основной послужила модель П. Уэра, который предложил описание шести адаптаций (Ware, 1983). Для углубления понимания генезиса и сценарных оснований этих стратегий была привлечена модель Я. Стюарта и В. Джойнса, которые для каждой адаптации описывают раннюю детскую сцену и базовое решение или убеждение — ключевое иррациональное убеждение, усвоенное ребенком и объясняющее происхождение и закрепление адаптационного паттерна. Модель Джойнса представляет собой развитие и систематизацию идей Уэра (Стюарт, Джойнс, 2021). Для анализа поведенческих проявлений адаптаций привлекается модель драйверного поведения¹ Т. Кэлера,

¹ Тип поведения, который человек демонстрирует в состоянии стресса, пытаясь «заслужить» ощущение, что «со мной все в порядке».

которая широко используется в транзактном анализе для идентификации стрессовых поведенческих паттернов (Kahler, 1982). Для анализа аффективного компонента финансового отношения личности применяется модель ракетных чувств — устойчивых замещающих эмоций, использующихся для оправдания сценарного поведения и маскирующих более аутентичные переживания (Стюарт, Джойнс, 2021). В контексте данного исследования мы предполагаем, что эти чувства формируют аффективное ядро финансового аттитюда, определяя характерный эмоциональный фон взаимодействия с деньгами.

Таким образом, теоретический каркас исследования выстраивается вокруг синтеза этих моделей. На основе этого синтеза в рамках данного исследования были эксплицированы ключевые экзистенциальные потребности, а также сформулированы гипотетические “условные разрешения” (“я в порядке, если...”). Данный синтез представляет собой авторское развитие теоретической базы и обеспечивает концептуальный аппарат для последующего анализа финансового поведения (таблица 1). Мы предполагаем, что эти установки детерминируют финансовое и экономическое поведение.

Таблица 1

Теоретические основания модели личностных адаптаций

Адаптация	Модель Я. Стюарта и В. Джойнса* Ранняя сцена/ базовое решение / ракетные чувства	Модель Т. Кэлера** Драйверное поведение	Авторский синтез Условное сценарное послание и ключевая потребность
<i>Шизоидная</i> «Творческий мечтатель»	Ранняя сцена: игнорирование потребностей ребенка Решение: «Со мной что-то не так, если я нуждаюсь в других» Ракетные чувства: оцепенение, пустота, тревожность (покрывающая гнев, боль, радость и сексуальные чувства)	Будь сильным!	Послание: «Я в порядке, когда самодостаточен» Потребность: автономия, дистанция
<i>Параноидная</i> «Блестящий скептик»	Ранняя сцена: нарушение границ, непредсказуемое поведение Решение: «Любям нельзя доверять» Ракетные чувства: гнев на других (покрывающий страх), праведное возмущение, ревность, зависть, подозрительность	Будь совершенным! (Будь сильным!)	Послание: «Я в порядке, пока контролирую других» Потребность: власть, безопасность
<i>Антисоциальная</i> «Очаровательный манипулятор»	Ранняя сцена: боль и обман в близких отношениях Решение: «Чтобы получить что-то, нужно перехитрить других» Ракетные чувства: смущение, гнев (покрывающий страх и печаль)	Будь сильным! Радуй других!	Послание: «Я в порядке, если перехитрил остальных» Потребность: влияние через хитрость и превосходство

Таблица 1 (окончание)

Адаптация	Модель Я. Стюарта и В. Джойнса* Ранняя сцена/ базовое решение / рэкетные чувства	Модель Т. Кэлера** Драйверное поведение	Авторский синтез Условное сценарное послание и ключевая потребность
<i>Пассивно-агрессивная</i> «Игривый бунтарь»	Ранняя сцена: подавление воли и автономии ребенка, гиперконтроль Решение: «Я должен сопротивляться» Рэкетные чувства: разочарование (покрывающее печаль), смущение (покрывающее гнев), праведное возмущение	Старайся!	Послание: «Я в порядке, если борюсь и сопротивляюсь» Потребность: автономия через борьбу и сопротивление
<i>Обсессивно-компульсивная</i> «Ответственный работоголик»	Ранняя сцена: условное принятие за достижения Решение: «Я должен быть совершенным и ответственным» Рэкетные чувства: тревожность, депрессия и вина (покрывающие гнев, боль и сексуальные чувства), гнев (покрывающий печаль)	Будь совершенным!	Послание: «Я в порядке, если избежал ошибок и сделал все идеально» Потребность: быть значимым через совершенство
<i>Истерическая</i> «Сверхреагирующий энтузиаст»	Ранняя сцена: внимание за «яркость» и демонстративность Решение: «Я должен быть интересным и находиться в центре внимания» Рэкетные чувства: тревога, печаль, смущение (покрывающее гнев)	Радуй других!	Послание: «Я в порядке, если нахожусь в центре внимания» Потребность: быть значимым через внимание

* Источник: Модель Я. Стюарта и В. Джойнса (Стюарт, Джойнс, 2021; Нау, 2013b).

** Источник: Модель Т. Кэлера (Kahler, 1982).

Модель связи личностных адаптаций и товарно-денежных предпочтений

Для системного анализа финансовых проявлений адаптаций в данном исследовании используется трехкомпонентная модель аттитюда (Rosenberg, Novland, 1960), являющаяся классической в социальной психологии и широко применяемая в исследовании финансовых установок (McNair, Crozier, 2018). Согласно этому, финансовый аттитюд — устойчивое отношение к деньгам — складывается из когнитивного компонента (убеждений, представлений и символических значений, которые индивид связывает с деньгами), аффективного компонента (доминирующих эмоций, вызываемых финансовыми ситуациями), поведенческого компонента (устойчивых паттернов финансового поведения и готовности к определенным выборам и действиям).

Представленные далее закономерности между типами личностных адаптаций и символическими значениями денег, а также потребительскими предпочтениями были выведены на основе метода теоретической реконструкции. Данный метод предполагал логический анализ ядерных характеристик каждой адаптации (Ware, 1983; Kahler, 1982; Стюарт, Джойнс, 2021) и последующую дедукцию их вероятных проекций в сферу монетарных отношений. В качестве вспомогательного материала для уточнения теоретических выводов анализировались качественные данные, включая транскрипты психотерапевтических сессий из работ Стюарта и Джойнса (Стюарт, Джойнс, 2021), а также наблюдения из психологической практики автора и феноменологических интервью, проводившихся в предыдущих исследованиях (Maricheva, Petrovsky, 2024; Маричева, 2024; Маричева, Петровский, 2024а, 2024б). Важно подчеркнуть, что данный метод позволяет формулировать гипотезы, но не проверять их. Таким образом, тезисы данного раздела представляют собой теоретическую модель, требующую эмпирической валидации.

Переход от базовой личностной адаптации к конкретным финансовым паттернам осуществляется через последовательность взаимосвязанных процессов. Данный механизм можно визуализировать в виде следующей цепочки:

1. Ведущая личностная адаптация → 2. Базовое убеждение / ключевая потребность → 3. Конфигурация финансового аттитюда

3.1 Когнитивный компонент (символическое значение денег)

3.2 Аффективный компонент (доминирующие эмоции)

3.3 Поведенческий компонент (характерные финансовые стратегии)

Базовая личностная адаптация («творческий мечтатель», «блестящий скептик» и т.д.) формирует специфическую конфигурацию финансового аттитюда. Это выражается в том, какое символическое значение (когнитивный компонент) приписывается деньгам, какие эмоции (аффективный компонент) сопровождают процесс распоряжения ими и, как следствие, какие поведенческие стратегии (поведенческий компонент) воспринимаются как наиболее естественные и эффективные.

Ниже представлена детализация модели для каждой из шести личностных адаптаций. Описание унифицировано в соответствии с трехкомпонентной моделью финансового аттитюда и предложенной объяснительной цепочкой.

Детализация модели по типам личностных адаптаций

Шизоидная адаптация («творческий мечтатель»)

Базовое убеждение: «Я в порядке, пока ни в ком и ни в чем не нуждаюсь». Финансовое поведение направлено на обеспечение автономии и минимизацию зависимостей.

Когнитивный компонент (значение). Деньги воспринимаются как символ независимости и потенциальной возможности. Их ценность — в создании финансовой границы, которая минимизирует необходимость в нежелательных социальных контактах.

Аффективный компонент (эмоции). Характерные рэкетные чувства оцепенения и пустоты приводят к эмоциональной отстраненности от денег как от социального объекта. Генерализованная тревожность актуализируется при угрозе вовлечения в финансовые взаимодействия. Наличие значимых сбережений вызывает глубокое спокойствие, связанное с гарантией независимости.

Поведенческий компонент (действия). Формируется паттерн накопления при минимальных, необходимых тратах.

Сбережения. Являются приоритетной целью. В ситуации выбора устойчивое предпочтение денег товарам.

Траты. Сведены к функциональному минимуму. Предпочтение долговечных и неприметных предметов, не привлекающих внимания, а также товаров, соответствующих зоне персональных интересов.

Инвестиции. Осуществляются в предсказуемые активы, не требующие активного управления.

Планирование. Направлено на достижение финансовой независимости как конечной цели.

Отношение к долгам. Долг воспринимается как угроза личной свободе и независимости.

Параноидная адаптация («блестящий скептик»)

Базовое убеждение: «Я в порядке, пока контролирую тебя». Финансовое поведение направлено на обеспечение безопасности и тотального контроля над ресурсами.

Когнитивный компонент (значение). Деньги служат инструментом власти и ключевым ресурсом для обеспечения безопасности. Их функция — укрепление позиции в социальной иерархии и создание защиты от потенциальных угроз.

Аффективный компонент (эмоции). Рэкетные чувства гнева, праведного возмущения и подозрительности, маскирующие базовый страх (Стюарт, Джойнс, 2021), формируют хронический фон бдительности и недоверия к финансовым институтам, предложениям и мотивам других. Гнев и возмущение возникают при любой попытке обмана и посягательства на ресурсы. Зависть и ревность могут возникать при сравнении с финансовым успехом других.

Поведенческий компонент (действия). Формируется паттерн стратегической обороны и накопления активов.

Сбережения. Систематические, с целью создания «неприступного» капитала. Предпочтение денег как контролируемого ресурса.

Траты. Стратегические и обоснованные. Покупки рассматриваются как инвестиции в безопасность, контроль и социальный статус, укрепляющий позицию.

Инвестиции. Предпочтение отдается активам с минимальным риском (золото, недвижимость).

Планирование. Детализированное, с акцентом на оценку рисков.

Долги. Избегаются как форма зависимости и потеря контроля.

Антисоциальная адаптация («очаровательный манипулятор»)

Базовое убеждение: «Я в порядке, если перехитрил остальных». Финансовая деятельность воспринимается как игра или стратегическая операция, цель которой — получение преимущества и подтверждение превосходства.

Когнитивный компонент (значение). Деньги — инструмент стратегического маневра и получения преимущества. Их ценность — в ликвидности и силе, которую они дают для контроля над ситуацией и людьми.

Аффективный компонент (эмоции). Рэкетные чувства смущения (как импульс скрыть уязвимость) и гнева проецируются на финансовую сферу. Они проявляются как азарт и возбуждение от риска и выигрыша; презрение и насмешка к проигравшим участникам сделки; мгновенный гнев в ответ на убытки и критику; скука в условиях стабильности.

Поведенческий компонент (действия). Формируется паттерн высокорискового, манипулятивного извлечения прибыли.

Сбережения. Не являются целью. Однако предпочтение отдается деньгам, так как ликвидные средства необходимы для маневра.

Траты. Демонстративные или инструментальные — для поддержания имиджа и достижения конкретных целей. Возможны импульсивные покупки ради острых ощущений.

Инвестиции. Предпочтение высокорисковых, спекулятивных активов. Поиск арбитражных возможностей и использование информационной асимметрии.

Планирование. Краткосрочное, тактическое, ориентированное на использование текущих возможностей.

Долги. Отношение инструментальное. Обязательства выполняются лишь при необходимости. Могут предоставлять деньги в долг как способ создания зависимости.

Пассивно-агрессивная адаптация («игривый бунтарь»)

Базовое убеждение: «Я в порядке, если борюсь и сопротивляюсь». Финансовое поведение является формой протеста против воспринимаемого давления правил, систем и внешних ожиданий.

Когнитивный компонент (значение). Деньги и финансовые нормы воспринимаются как внешнее, нелегитимное ограничение свободы, навязанное системой. Финансовая сфера становится полем для символического саботажа и отстаивания автономии.

Аффективный компонент (эмоции). Рэкетные чувства разочарования, смущения и праведного возмущения (Стюарт, Джойнс, 2021) формируют специфический эмоциональный фон: разочарования по поводу финансовых правил и обязательств; праведного возмущения при попытках призвать к планированию или указать на финансовую безответственность; смущения, когда финансовая

безответственность вскрывается, и кратковременного удовлетворения от успешного акта саботажа.

Поведенческий компонент (действия). Формируется паттерн непоследовательного, протестного финансового поведения.

Сбережения. Активно саботируются или игнорируются как элемент ответственности. Накопление воспринимается как ограничение текущей свободы.

Траты. Непоследовательны и служат актом протеста (выбор «запретных» или непрактичных вещей). Выбор между деньгами и товарами носит непоследовательный характер и определяется внутренним конфликтом между спонтанным желанием («хочу») и воспринимаемым давлением внешних правил («надо»).

Инвестиции. Альтернативные формы активов, представляющие вызов традиционной системе (например, криптовалюта).

Планирование. Отсутствует или не выполняется.

Долги. Отношение к долгам демонстративно-пренебрежительное. Могут использовать деструктивные финансовые инструменты (например, кредиты с заведомо невыгодными условиями). Просрочки платежей и невыполнение обязательств являются формой пассивного сопротивления.

Обсессивно-компульсивная адаптация («ответственный работоголик»)

Базовое убеждение: «Я в порядке, если избежал ошибок и сделал все идеально». Финансовое поведение направлено на тотальное устранение неопределенности через контроль, планирование и создание запаса.

Когнитивный компонент (значение). Деньги выполняют функцию инструмента для контроля над неопределенностью. Их наличие эквивалентно сохранению возможности идеального выбора и защите от ошибок.

Аффективный компонент (эмоции). Рэкетные чувства тревожности, депрессии, вины и гнева (Стюарт, Джойнс, 2021) формируют следующий эмоциональный фон: фоновая тревога о возможных ошибках, нерациональных тратах и потерях; вина за любую «финансовую неидеальность» (импульсивные покупки, упущенные выгоды); раздражение и гнев на нарушение финансовых планов или некомпетентность других в денежных вопросах; подавленность (депрессия) в моменты потери контроля над финансами. Временное облегчение наступает при выполнении плана или пополнении сбережений.

Поведенческий компонент (действия). Формируется паттерн ригидного, сверхконтролируемого накопления.

Сбережения. Накопление как самоцель, реализующее стратегию отложенной жизни ради гипотетически идеального будущего. Устойчивое предпочтение денег товарам.

Траты. Отложенные, тщательно спланированные, лишённые спонтанности. Предпочтение покупок-«инвестиций в будущее» (недвижимость, образование, качественная техника).

Инвестиции. Сверхдиверсификация портфеля для контроля над рисками.

Планирование. Ригидное, детализированное. Перфекционизм в ведении учета.

Долги. Избегание как источника тревоги и потери контроля.

Истерическая адаптация («сверхреагирующий энтузиаст»)

Базовое убеждение: «Я в порядке, если нахожусь в центре внимания». Финансовое поведение служит инструментом социальной коммуникации, направленной на подтверждение собственной значимости и получение одобрения.

Когнитивный компонент (значение). Деньги — это инструмент оперативной конвертации в символы статуса, впечатления и социального подтверждения. Их ценность реализуется в момент демонстративной траты, покупающей внимание и восхищение.

Аффективный компонент (эмоции). Рэкетные чувства тревоги, печали и смущения (Стюарт, Джойнс, 2021) в финансовом контексте создают эмоциональные перепады: тревогу и страх оказаться недостаточно ярким и заметным; стыд и смущение при невозможности поддерживать желаемый уровень потребления; печаль и пустоту в периоды финансового затишья. Интенсивная, но кратковременная эйфория возникает в момент покупки и демонстрации потребления.

Поведенческий компонент (действия). Формируется паттерн демонстративного и импульсивного потребления.

Сбережения. Минимальны или отсутствуют. Полученные деньги моментально конвертируются в товары, услуги или впечатления. Накопления вызывают скуку и тревогу.

Траты. Импульсивные, демонстративные, выполняющие функцию «терапии покупками». Щедрость не по средствам как способ привлечения внимания и получения восхищения. Устойчивое предпочтение товаров деньгам.

Инвестиции. Совершаются редко. Основанием служат модные тренды и «эффект ореола».

Планирование. Отсутствует или слабое. Фокус на сиюминутном удовлетворении возникающих потребностей.

Долги. Отношение к долгам ситуативное. Могут использоваться для финансирования желаемого образа жизни, однако становятся источником паники при угрозе разоблачения.

Обобщенный анализ символического значения денег и товарно-денежных предпочтений личностных адаптаций представлен в таблице 2.

Важно подчеркнуть, что представленная модель не предполагает приверженности индивида к единственной адаптации. В соответствии с теорией П. Уэра и Т. Кэлера, личность функционирует на двух ключевых уровнях: адаптации выживания (базовые стратегии безопасности, к которым относятся «творческий мечтатель», «блестящий скептик» и «очаровательный манипулятор») и адаптации одобрения (стратегии получения признания от окружающих — «игривый бунтарь», «ответственный работоголик», «сверхреагирующий энтузиаст») (Kahler, 1982; Ware, 1983).

Таблица 2

Сравнительный анализ предпочтений личностных адаптаций в отношении денег и товаров

Адаптация	Символическое значение денег	Предпочтение: деньги или товары	Характерные товары
<i>Шизоидная</i> «Творческий мечтатель»	Независимость, потенциал	Деньги (выбор без покупки)	Функциональные, неприметные, отражающие интересы
<i>Параноидная</i> «Блестящий скептик»	Власть, безопасность	Деньги (проверяющий выбор)	Активы, стратегические приобретения
<i>Антисоциальная</i> «Очаровательный манипулятор»	Маневренность, манипуляции	Деньги (но возможны импульсивные покупки)	Статусные, экстремальные, для манипуляции
<i>Пассивно-агрессивная</i> «Игривый бунтарь»	Борьба за автономию	Непредсказуемый выбор	Символы запретного, протеста
<i>Обсессивно-компульсивная</i> «Ответственный работоголик»	Контроль, отсрочка решений	Деньги (длительный выбор)	Продуманные, долгосрочные, для организации жизни
<i>Истерическая</i> «Сверхреагирующий энтузиаст»	Внимание, одобрение	Товар (покупка)	Демонстративные, модные, яркие

Стоит учитывать потенциал ситуативной актуализации адаптаций под влиянием макросоциальных контекстов. Глобальные вызовы (такие как пандемия, военные конфликты, природные катаклизмы, экономические и политические кризисы), повышающие общую тревожность и ощущение нестабильности, могут массово смещать доминанту в сторону адаптаций выживания. Это приводит либо к переоценке символического значения денег, например, к усилению их аспектов «безопасности» и «независимости» в ущерб аспектам «внимания» или «одобрения», либо к гипертрофированному усилению имеющихся стратегий одобрения (импульсивные «панические» покупки, гиперконтроль и сверхпланирование, усиленный саботаж обязательств).

Взрослый человек, как правило, опирается на комбинацию из адаптации выживания и адаптации одобрения, что создает более сложную картину финансового поведения. Я. Стюарт и В. Джойнс отмечают, что возможна масса комбинаций адаптаций (Стюарт, Джойнс, 2021). В простой комбинации из двух адаптаций их можно выделить восемнадцать видов (в каждой паре «выживание-одобрение» может преобладать первая или вторая адаптация, что превращает девять типов в потенциальные восемнадцать). П. Уэр и Т. Кэлер не давали развернутого описания типичных комбинаций «выживание-одобрение». Данная

статья не ставит своей задачей детальную концептуализацию всех восемнадцати возможных типов, что может являться темой для последующих исследований. Однако стоит указать, что ведущая адаптация будет определять ключевое символическое значение и мотив, а дополнительная адаптация или выступать инструментом (с помощью чего будет реализован ведущий мотив), или усиливать проявления основной адаптации. Например, в случае ведущей параноидной адаптации («блестящий скептик») главный мотив «безопасности и власти» может реализовываться через идеальный контроль, предсказуемость и выжидательную тактику (комбинация с обсессивно-компульсивной адаптацией («ответственный работоголик»)).

На основе анализа ядерных характеристик каждой адаптации могут быть дедуцированы следующие потенциально типичные комбинации одной адаптации выживания и наиболее подходящей для нее адаптации одобрения (в качестве примера).

«Творческий мечтатель» (шизоидная адаптация) и «ответственный работоголик» (обсессивно-компульсивная адаптация). Деньги — это не просто свобода, а «капитализированная независимость». Это тщательно просчитанный и спланированный ресурс, который обеспечивает не просто комфорт, а спланированный суверенитет от внешнего мира («спроектированная автономия»).

«Блестящий скептик» (параноидная адаптация) и «сверхреагирующий энтузиаст» (истерическая адаптация). Деньги — это «доказательство прозорливости» и инструмент демонстрации своего превосходства над недалекими окружающими («демонстративная бдительность»).

«Очаровательный манипулятор» (антисоциальная адаптация) и «игривый бунтарь» (пассивно-агрессивная адаптация). Деньги — это «счет в игре», где выигрыш измеряется не только прибылью, но и фактом победы над окружающими («азартный стратег»).

Важно подчеркнуть, что предлагаемая модель описывает вероятностные тенденции, а не жесткие причинно-следственные законы. Связь между личностной адаптацией и финансовым поведением не является линейной и может модифицироваться под влиянием ряда факторов, таких как ситуационный контекст, культурные нормы, социально-экономические факторы, сознательный контроль и рефлексия. Таким образом, модель следует рассматривать как карту вероятностных маршрутов, которая нуждается в дальнейшей верификации с обязательным учетом контекстуальных переменных.

Обсуждение результатов

Настоящее исследование фокусируется на роли личностных адаптаций как одного из факторов в сложной системе детерминант финансового поведения. Финансовая жизнь и отношение индивида к деньгам формируются под воздействием множества факторов: демографических (возраст, пол, доход, уровень образования), индивидуально-психологических (когнитивные способности, личностные черты, ценности и т.д.), макроэкономических, культурных

(Sesini, Lozza, 2023). Предлагаемая модель не отменяет и не заменяет эти факторы. Она предлагает ответ на вопрос, который остается нераскрытым в их рамках: почему два индивида, находящиеся в сходных внешних условиях, демонстрируют принципиально разное финансовое поведение? Мы предполагаем, что личностные адаптации выступают в роли «сценарного психологического фильтра», который избирательно усиливает, ослабляет или качественно трансформирует влияние остальных переменных.

Предложенная модель содержательно согласуется с существующими данными: взаимосвязями между финансовым поведением и бессознательными мотивами (Gonzalez, 2021), стилями привязанности (Pollmann, 2021) и личностными чертами (Furtner, 2020). Мы видим возможные соответствия между символическими значениями денег в рамках личностных адаптаций и параметрами валидизированных опросников, такими как шкалы власти, престижа и тревоги в MAS (Yamauchi, Templer, 1982), измерение безопасности и отложенного выбора в MMBS (Furnham, 1984), конструкты свободы и статуса в MTQ (Furnham et al., 2012); а также шкалы достижения и успеха, власти и статуса, осознанности и ответственности в NMAQ (Lay, Furnham, 2019) и параметры значимости денег для уважения в обществе, использование денег как инструмента влияния на людей и финансовая тревожность в MBQ (Furnham, Grover, 2020).

Особого внимания заслуживает сопоставление с теорией денежных сценариев Б. Клонтца (Klontz et al., 2011), где прослеживаются содержательные параллели: например, между сценарием «избегание денег» и адаптацией «творческий мечтатель» (шизоидной адаптацией); сценарием «статус денег» и адаптациями «блестящий скептик» (параноидной адаптацией) и «очаровательный манипулятор» (антисоциальной адаптацией); сценарием «бдительность в отношении денег» и адаптацией «ответственный работоголик» (обсессивно-компульсивной адаптацией).

Качественный анализ показывает потенциальную согласованность модели с современными исследованиями, последовательно движущимися в сторону выявления глубинных личностных детерминант. Данные, полученные на разных уровнях функционирования личности, от клинического до нормативного, находят в нашей модели системное объяснение.

Содержательные параллели прослеживаются с работой А. Фернема, где на клиническом уровне выявляется связь личностных расстройств и денежных установок (Furnham, 2019). Обнаруженные им корреляции (например, нарциссического и истерического расстройств с установкой «власть и престиж» или обсессивно-компульсивного расстройства с «осознанностью и ответственностью») представляют собой эмпирические аналоги финансовых стратегий истерической и обсессивно-компульсивной адаптаций, описанных в нашей модели. Это подтверждает, что предложенные нами объяснительные механизмы имеют устойчивые корреляты даже на уровне клинически выраженных личностных черт.

На уровне нормативной личности исследование Фернема и Капелло также находит объяснение в нашей модели (Furnham, Cuppello, 2023). Обнаруженные авторами связи, где конкурентность предсказывает сценарии

«поклонения деньгам» и «статуса», а адаптивность отрицательно связана с «избегающим» сценарием, согласуются с характеристиками конкретных адаптаций. Так, конкурентность и стремление к статусу соответствуют поведенческим маркерам антисоциальной и истерической адаптаций, тогда как низкое денежное избегание характерно для адаптаций, активно вовлеченных в социальное взаимодействие. Важно, что эти связи сохраняются даже при контроле демографии, идеологии и самооценки, что указывает на устойчивую диспозиционную природу выявленных закономерностей.

Таким образом, теоретическая значимость предложенной модели заключается в том, что она предлагает гипотетическое объяснение внутренней, сценарной логики выявленных в литературе связей между личностью и финансовым поведением. Модель намечает возможный путь для перехода от исследования вопроса «что связано?» к исследованию вопроса «почему это связано?», предлагая для анализа цепочку: ведущая личностная адаптация → базовая потребность → символическое значение денег → финансовый паттерн.

Методологические ограничения и перспективы эмпирической верификации модели

Несмотря на теоретическую перспективность, представленная модель имеет ряд методологических ограничений, определяющих направления для ее дальнейшей разработки и эмпирической верификации. Во-первых, предложенные связи между типами личностных адаптаций, символической функцией денег и конкретными финансовыми паттернами остаются на уровне теоретической гипотезы, требующей эмпирической проверки. Во-вторых, сохраняется методологический вызов, связанный с операционализацией ключевых конструктов транзактного анализа, — необходим перевод клинического и качественного материала в валидные и надежные количественные показатели, позволяющие минимизировать риск редукции сложных психологических феноменов. В-третьих, предлагаемая модель в ее текущем виде не учитывает влияние важных переменных-модераторов, таких как когнитивные способности, уровень финансовой грамотности и макроэкономический контекст, которые могут существенно опосредовать связь между личностными особенностями и финансовым поведением. Наконец, работа осуществляется в контексте общей недостаточной эмпирической исследованности концепций транзактного анализа (Ohlsson, 2010) при одновременном наличии обширного клинического опыта (Vos, van Rijn, 2021), что подчеркивает как актуальность, так и сложность их интеграции в академические исследования личности (Петровский, 2025).

Обозначенные ограничения задают четкие векторы для будущих исследований. Верификация предложенной модели предполагает решение трех ключевых задач: 1) разработка и психометрическая валидизация инструмента для операционализации личностных адаптаций в финансовом контексте; 2) эмпирическая проверка гипотез о структурных связях между адаптациями, компонентами финансового аттитюда и поведением с использованием методов SEM; 3) проведение качественных исследований для углубленного понимания смысловых

конфигураций и контекстуальных модераторов выявленных связей. Подобная программа исследования планируется к реализации.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволило разработать и обосновать транзактно-аналитическую модель детерминации финансового поведения. В рамках данной работы был осуществлен синтез концептуального аппарата экономической психологии (трехкомпонентная модель финансового аттитюда) и теории личности (модель личностных адаптаций в рамках транзактного анализа), что позволило перейти от констатации корреляций к предложению системного объяснительного механизма.

Основные теоретические результаты заключаются в следующем: разработана концептуальная модель, объясняющая устойчивые связи между шестью типами личностных адаптаций и специфическими конфигурациями финансового аттитюда, включающего когнитивный (символическое значение денег), аффективный (рзкетные чувства) и поведенческий (финансовые стратегии) компоненты; предложен объяснительный механизм «личностная адаптация → базовое убеждение / ключевая потребность → конфигурация финансового аттитюда (когнитивный компонент, аффективный компонент, поведенческий компонент)», раскрывающий внутреннюю логику, опосредующую влияние глубинных личностных структур на финансовое поведение; эксплицированы и структурированы гипотетические финансовые профили для каждой адаптации, что создает основу для их эмпирической верификации и практического применения в сфере психологического и финансового консультирования.

Теоретическая значимость модели состоит в ее способности предложить сценарное объяснение связям между личностными чертами, бессознательными мотивами и финансовым поведением. Она предлагает новый ракурс, смещающий фокус с вопроса «что связано?» на вопрос «почему и как связано?» в логике жизненных стратегий личности.

Вместе с тем ограничением модели является ее теоретический характер. Ее конструкторы имеют гипотетический статус и требуют эмпирической проверки. Перспективы дальнейших исследований видятся в реализации исследовательской программы, включающей количественную проверку гипотез о связи личностных адаптаций с компонентами денежного аттитюда, а также качественных исследований для углубленного понимания смыслов, стоящих за выявленными паттернами.

Представленная модель обозначает путь для перехода от описания финансовых привычек к пониманию их сценарных истоков в структуре личности. Таким образом, исследование реализует намеченную программу персонологического синтеза, показывая, как транзактно-аналитическая модель личностных адаптаций может служить продуктивным языком для описания и объяснения того, как базовые стратегии личности воплощаются в одной из ключевых сфер человеческой жизни — сфере экономического выбора.

Литература

- Горбачева, Е. И., Купрейченко, А. Б. (2006). Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях. *Психологический журнал*, 4, 26–37.
- Дейнека О. С. (2000). *Экономическая психология*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Дейнека, О. С. (2015). Опыт эмпирических исследований политического и экономического сознания. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 16, 3*, 13–26.
- Дейнека, О. С., Забелина, Е. В. (2018). Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов. *Психологические исследования*, 11(58). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i58.309>
- Дробышева, Т. В. (2018). Экономическая социализация личности: анализ отечественных подходов к пониманию феномена. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, 1, 29–39. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2018-1-29-39>
- Дробышева, Т. В., Журавлев, А. Л. (2018). Вторичная экономическая социализация: постановка проблемы и перспективы исследования. *Психологический журнал*, 39(4), 61–71.
- Журавлев, А. Л., Купрейченко, А. Б. (2007). *Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования*. М.: Институт психологии РАН.
- Маричева, М. А. (2024). «Деньги versus товар» в условиях ограниченного и неограниченного выбора. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(3), 547–568. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-3-547-568>
- Маричева, М. А., Петровский, В. А. (2024а). Свобода выбора в монетарном поведении. *Психологические исследования*, 17(94). <https://doi.org/10.54359/ps.v17i94.1579>
- Маричева, М. А., Петровский, В. А. (2024б). Ситуационные детерминанты и их влияние на ценность свободы выбора, заключенной в деньгах. *Мир психологии*, 117(2), 68–84.
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: «наука личности». *Известия Самарского научно-го центра Российской академии наук*, 5(2), 21–29.
- Петровский, В. А. (2025). Трансакционный анализ: персонологический поворот (методологические заметки). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 22(1), 80–105. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-1-80-105>
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. Б. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Старовойтенко, Е. Б. (2023). *Общая персонология*. М.: Академический проект.
- Стюарт, Я., Джойнс, В. (2021). *Личностные адаптации*. СПб.: Метанойя.
- Ференци, Ш. (2000). К вопросу об онтогении денежного интереса. В кн. Ш. Ференци, *Теория и практика психоанализа* (с. 82–90). М.: ПЕР СЭ; Университетская книга.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Astriti, N.-E., & Prodromitis, G. (2024). Death anxiety among urban middle class: The predictive role of income and symbolic money attitudes. *Journal of Humanistic Psychology*. Advanced online publication. <https://doi.org/10.1177/00221678241227989>
- Britt, S. L. (2016). The intergenerational transference of money attitudes and behaviors. *Journal of Consumer Affairs*, 50(3), 539–556. <https://doi.org/10.1111/joca.12113>

- Deyneka, O. S. (2000). *Ekonomicheskaya psikhologiya* [Economic psychology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
- Deyneka, O. S. (2015). The experience of the empirical studies of political and economic consciousness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series 16, 3*, 13–26. (in Russian)
- Deyneka, O., & Zabelina, E. (2018). Multiple-factorial questionnaire for the express diagnostics of economic attitudes: the results of the development. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, *11*(58). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i58.309> (in Russian)
- Drobysheva, T. V. (2018). Economic socialization of the person: Analysis of approaches to understanding the phenomenon. *Vestnik Gosudarstvennogo Universiteta Prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie Nauki*, *1*, 29–39. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2018-1-29-39> (in Russian)
- Drobysheva, T. V., & Zhuravlev, A. L. (2018). Secondary economic socialization of a person and a group: the main problems and research areas. *Psikhologicheskii Zhurnal*, *39*(4), 61–71. (in Russian)
- Duh, H., Yu, H., & Ni, Y. (2021). Chinese Millennials' happiness and materialism: Explanations from two life-course theories, self-esteem, and money-attitudes. *Journal of Consumer Affairs*, *55*(4), 1306–1332. <https://doi.org/10.1111/joca.12368>
- Fenton O'Creivy, M., & Furnham, A. (2020). Money attitudes, personality and chronic impulse buying. *Applied Psychology*, *69*(4), 1557–1572. <https://doi.org/10.1111/apps.12215>
- Ferenczi, S. (2000). K voprosu ob ontogenii denezhnogo interesa [On the ontogenesis of the money interest]. In S. Ferenczi, *Teoriya i praktika psikhoanaliza* [Theory and applications of psychoanalysis] (pp. 82–90). Moscow: PER SE; Universitetskaya kniga.
- Fleeson, W. (2001). Toward a structure-and process-integrated view of personality: Traits as density distributions of states. *Journal of Personality and Social Psychology*, *80*(6), 1011–1027.
- Franzen, A., & Mader, S. (2022). The Importance of Money Scale (IMS): A new instrument to measure the importance of material well-being. *Personality and Individual Differences*, *184*, Article 111172. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111172>
- Funder, D. C. (2009). Persons, behaviors and situations: An agenda for personality psychology in the postwar era. *Journal of Research in Personality*, *43*(2), 120–126. <http://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.12.041>
- Furnham, A. (1984). Many sides of the coin: The psychology of money usage. *Personality and Individual Differences*, *5*(5), 501–509. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(84\)90025-4](https://doi.org/10.1016/0191-8869(84)90025-4)
- Furnham, A. (1996). Attitudinal correlates and demographic predictors of monetary beliefs and behaviours. *Journal of Organizational Behavior*, *17*(4), 375–388. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-1379\(199607\)17:4<375::AID-JOB767>3.0.CO;2-8](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-1379(199607)17:4<375::AID-JOB767>3.0.CO;2-8)
- Furnham, A. (2014). *The new psychology of money*. Routledge.
- Furnham, A. (2019). The personality disorders and money beliefs and behaviors. *Financial Planning Review*, *2*(2), Article e1046. <https://doi.org/10.1002/cfp2.1046>
- Furnham, A. (2025). Measuring money attitudes and beliefs. *Encyclopedia*, *5*(2), Article 78. <https://doi.org/10.3390/encyclopedia5020078>
- Furnham, A., & Cuppello, S. (2023). Exploring the relationship between personality and money scripts while controlling for demography, ideology, and self-esteem. *Financial Planning Review*, *6*(3), Article e1167. <https://doi.org/10.1002/cfp2.1167>
- Furnham, A., & Grover, S. (2020). A new money behaviour quiz. *Journal of Individual Differences*, *41*(1), 17–29. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000299>
- Furnham, A., Wilson, E., & Telford, K. (2012). The meaning of money: The validation of a short money-types measure. *Personality and Individual Differences*, *52*(6), 707–711. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.12.020>

- Furtner, R. (2020). Personality traits, biographical variables and attitudes to money among Austrian students. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, 11(1), 51–71. <https://doi.org/10.14267/cjssp.2020.14>
- Gasiorowska, A. (2008). The relationship of income and money attitudes to subjective assessment of financial situation [Paper No. 18746]. In *Selected Proceedings of the IAREP/SABE 2008 Conference at LUISS in Rome (4 September 2008)*. <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/18746>
- Goldberg, H., & Lewis, R. T. (1978). *Money madness: The psychology of saving, spending, loving, and hating money*. New York, NY: William Morrow and Company.
- Gonzalez, G. (2021). The psychic life of consumer power: Judith Butler, Ernest Dichter, the American marketing reception of Freud, and the rituals of consuming religion. *Critical Research on Religion*, 9(1), 8–30. <https://doi.org/10.1177/2050303220952871>
- Gorbacheva, E. I., & Kupreychenko, A. B. (2006). Otnoshenie lichnosti k den'gam: nrvstvennyye protivorechiya v otsenkakh i assotsiatsiyakh [Personal attitude to money: Moral contradictions in assessments and associations]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 4, 26–37.
- Hay, J. (2009). *Transactional analysis for trainers* (2nd ed.). Sherwood Publishing.
- Hay, J. (2013a). *Drivers and working styles: An essay*. Julie Hay Associates.
- Hay, J. (2013b). *Personality adaptations: An essay*. Julie Hay Associates.
- Joines, V. (1986). Using redecision therapy with different personality adaptations. *Transactional Analysis Journal*, 16(3), 152–160. <https://doi.org/10.1177/036215378601600302>
- Kahler, T. (1982). *Personality pattern inventory*. Little Rock, AR: Kahler Communications.
- Kahler, T. (2008). *The process therapy model: The six personality types with adaptations*. Taibi Kahler Associates, Inc.
- Khare, A. (2014). Money attitudes, materialism, and compulsiveness: Scale development and validation. *Journal of Global Marketing*, 27(1), 30–45. <https://doi.org/10.1080/08911762.2013.850140>
- Klontz, B., Britt, S. L., Mentzer, J., & Klontz, T. (2011). Money beliefs and financial behaviors: Development of the Klontz Money Script Inventory. *Journal of Financial Therapy*, 2(1), Article 1. <https://doi.org/10.4148/jft.v2i1.451>
- Kraemer, K., Jakelja, L., Brugger, F., & Nessel, S. (2024). The social ambiguity of money: Empirical evidence on the multiple usability of money in social life. *Revue of Social Economy*, 82(1), 98–125. <https://doi.org/10.1080/00346764.2022.2076150>
- Lay, A., & Furnham, A. (2019). A New Money Attitudes Questionnaire. *European Journal of Psychological Assessment*, 35(6), 813–822. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000474>
- Lea, S. E. G., & Webley, P. (2006). Money as tool, money as drug: The biological psychology of a strong incentive. *Behavioral and Brain Sciences*, 29, 161–209. <https://doi.org/10.1017/S0140525X06009046>
- LeBaron, A. B., & Kelley, H. H. (2021). Financial socialization: A decade in review. *Journal of Family and Economic Issues*, 42(Suppl. 1), 195–206.
- Maricheva, M. A. (2024). “Money versus goods” in the conditions of limited and unlimited choice. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(3), 547–568. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-3-547-568> (in Russian)
- Maricheva, M., & Petrovsky, V. (2024). *The value of choice and non-choice as a psychological characteristic of money* [Preprint Series: Psychology, WP BRP 139/PSY/2024]. National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.
- Maricheva, M. A., & Petrovsky, V. A. (2024a). The freedom of choice in the monetary behavior. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 17(94). <https://doi.org/10.54359/ps.v17i94.1579> (in Russian)

- Maricheva, M. A., & Petrovsky, V. A. (2024b). The influence of situational factors on the value of the freedom of choice inherent in money. *Mir Psikhologii*, 117(2), 68–84. https://doi.org/10.51944/20738528_2024_2_68 (in Russian)
- McNair, S., & Crozier, W. R. (2018). Assessing psychological dispositions and states that can influence economic behaviour. In R. Ranyard (Ed.), *Economic psychology* (pp. 79–94). John Wiley & Sons Ltd.
- Mischel, W. (2009). From *Personality and assessment* (1968) to personality science, 2009. *Journal of Research in Personality*, 43(2), 282–290. <http://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.12.037>
- Ngcamu, L. J., Quaye, E. S., Horvey, S. S., & Jaravaza, D. C. (2023). Personality traits, money attitudes and consumer decision-making styles as predictors of investment products choice in South Africa. *Journal of Consumer Behaviour*, 22(3), 618–631. <https://doi.org/10.1002/cb.2146>
- Norvilitis, J. M., Szablicki, P. B., & Wilson, S. D. (2003). Factors influencing levels of credit-card debt in college students. *Journal of Applied Social Psychology*, 33(5), 935–947. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2003.tb01932.x>
- Ohlsson, T. (2010). Scientific evidence base for transactional analysis in the year 2010. *International Journal of Transactional Analysis Research & Practice*, 1(1), 4–11. <https://doi.org/10.29044/v1i1p4>
- Petrovsky, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: “nauka lichnosti” [General personology: The science of personality]. *Izvestiya Samarshkogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk*, 5(2), 21–29.
- Petrovsky, V. A. (2025). A personology pivot in transactional analysis (Methodological observations). *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 22(1), 80–105. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-1-80-105> (in Russian)
- Petrovsky, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39. (in Russian)
- Pollmann, M. M. (2021). Let’s talk about money: The role of attachment styles in couples’ financial communication, financial management, and financial conflict. *Journal of Financial Therapy*, 12(2), Article 6. <https://doi.org/10.4148/1944-9771.1251>
- Ranyard, R. (Ed.). (2017). *Economic psychology*. John Wiley & Sons.
- Rimple, M. A. (2020). Gendered study of attitude towards money. *Studies in Business and Economics*, 15(1), 115–126. <https://doi.org/10.2478/sbe-2020-0010>
- Rose, G. M., & Orr, L. M. (2007). Measuring and exploring symbolic money meanings. *Psychology & Marketing*, 24(9), 743–761. <https://doi.org/10.1002/mar.20182>
- Rosenberg, M. J., & Hovland, C. I. (1960). Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes. In M. J. Rosenberg, C. I. Hovland, W. J. McGuire, R. P. Abelson, & J. W. Brehm (Eds.), *Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components* (pp. 1–14). Yale University Press.
- Sahi, K. S. (2023). Understanding gender differences in money attitudes: Biological and psychological gender perspective. *International Journal of Bank Marketing*, 41(1), 619–640. <https://doi.org/10.1108/IJBM-08-2022-0352>
- Sesini, G., & Lozza, E. (2023). Understanding individual attitude to money: A systematic scoping review and research agenda. *Collabra: Psychology*, 9(1), Article 77305. <https://doi.org/10.1525/collabra.77305>
- Shafer, A. B. (2000). Mediation of the Big Five’s effect on career decision making by life task dimensions and on money attitudes by materialism. *Personality and Individual Differences*, 28(1), 93–109. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(99\)00084-7](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(99)00084-7)
- Starovoytenko, E. B. (2023). *Obshchaya personologiya* [General personology]. Moscow: Akademicheskii Proekt.

- Stewart, I., & Joines, V. (2021). *Lichnostnye adaptatsii* [Personality adaptations]. Saint Petersburg: Metanoia.
- Tang, T. L.-P. (1993). The meaning of money: Extension and exploration of the money ethic scale in a sample of university students in Taiwan. *Journal of Organizational Behavior*, 14(1), 93–99. <https://doi.org/10.1002/job.4030140109>
- Vos, J., & van Rijn, B. (2021). The evidence-based conceptual model of transactional analysis: A focused review of the research literature. *Transactional Analysis Journal*, 51(2), 160–201. <https://doi.org/10.1080/03621537.2021.1904364>
- Ware, P. (1983). Personality adaptations: (Doors to therapy). *Transactional Analysis Journal*, 13(1), 11–19. <https://doi.org/10.1177/036215378301300104>
- Yamauchi, K. T., & Templer, D. J. (1982). The development of a Money Attitude Scale. *Journal of Personality Assessment*, 46(5), 522–528. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4605_14
- Zabelina, E., Kurnosova, S., & Shchukina, K. (2024). Attitude to money as a factor of life satisfaction of the Northern indigenous peoples. In *Management, Innovation and Entrepreneurship in Challenging Global Times: Proceedings of the 16th International Symposium in Management (SIM 2021)* (pp. 223–233). Cham: Springer International Publishing.
- Zhuravlev, A. L., & Kupreichenko, A. B. (2007). *Ekonomicheskoe samoopredelenie. Teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Economic self-determination: Theory and empirical studies]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ

М.Г. ЧЕШОКОВА^a

^a *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

Methodological Issues of History of Psychology at the Modern Stage of Science Development

M.G. Chesnokova^a

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Резюме

В статье рассматриваются актуальные проблемы истории психологии. Обсуждается связь решения вопроса о возникновении научной психологии с принимаемым типом рациональности (классическим, неклассическим, постнеклассическим) и критериями научности. Прослеживаются изменения представлений о научном методе в истории психологии. Особое внимание уделяется методологическим основаниям современных историко-психологических исследований. Поднимается вопрос об отношении истории психологии к историческим и психологическим дисциплинам. Излагаются разные трактовки соотношения дисциплин общей психологии и истории психологии, отношения предмета истории психологии к предмету психологии в целом, представленные в подходах А.Н. Ждан и В.А. Кольцовой. Анализируются существующие в отечественной психологии концепции истории

Abstract

The article discusses current issues of the history of psychology. The link between the solution of the issue of the emergence of scientific psychology with the accepted type of rationality (classical, nonclassical, post-nonclassical) and the criteria of scientific knowledge is considered. The changes in views on the scientific method in the history of psychology are traced. The methodological foundations of modern research on the history of psychology are the object of special attention. The question about the relation of the history of psychology to historical and psychological disciplines is raised. Different understandings of the relation between the disciplines of general psychology and the history of psychology, the relation of the subject of the history of psychology to the subject of psychology as a whole are presented in A.N. Zhdan's and V.A. Koltsova's approaches. The concepts of the history of science existing in Russian

Работа выполнена в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова № И126012035841-3.

This work was carried out under the state assignment of Lomonosov Moscow State University # I126012035841-3.

науки — история психологии как становление ее предмета А.Н. Ждан и категориальный подход М.Г. Ярошевского — и их соответствие взглядам современных методологов психологии. Обсуждается полемика монистов и плюралистов по проблеме предмета психологии, а также разные варианты монистического решения этого вопроса (Е.Е. Соколова, В.Д. Шадриков, В.А. Мазилев). Проблематизируется возможность понимания под предметом психологии внутреннего мира человека (В.Д. Шадриков, В.А. Мазилев) как не соответствующего современным тенденциям развития психики, характеризующимся тесным переплетением с внешними техническими средствами (цифровыми технологиями). Предлагается свое понимание предмета психологии, учитывающее, с одной стороны, единство психологической науки, с другой — множественность психических явлений и предметов исследования. Это понятие бытия психического. Констатируется интегративный характер понятийного аппарата современной психологии по сравнению с базовыми категориями М.Г. Ярошевского. Рассматривается проблема единиц анализа истории психологии на разных этапах ее развития, а также трансформация понятия научной школы в период «закрытого перелома» (Д.А. Леонтьев). Обсуждаются возможности и границы применения искусственного интеллекта в историко-психологических исследованиях. Подчеркивается важность развития осмысляющего мышления в истории психологии как отличного от вычисляющего мышления.

Ключевые слова: история психологии, методология, критерии научности, метод, концепция истории психологии, научная школа, предмет психологии, осмысляющее и вычисляющее мышление.

Чеснокова Милена Григорьевна — старший научный сотрудник, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: история психологии, методология психологии, психология индивидуальности.
Контакты: milen-ches@bk.ru

psychology — A.N. Zhdan's history of psychology as the formation of its subject and M.G. Yaroshevsky's categorical approach — and their accordance with views of modern psychological methodologists are analyzed. The polemic of monists and pluralists on the subject of psychology as well as various monistic solutions of this issue (E.E. Sokolova, V.D. Shadrikov, V.A. Mazilov) are discussed. The possibility of understanding the inner world of a person as the subject of psychology (V.D. Shadrikov, V.A. Mazilov) is problematized as inconsistent with modern tendencies in the development of the psyche, which are characterized by close intertwining with external technical means (digital technologies). The author suggests her own understanding of the subject of psychology, taking into account, on the one hand, the unity of psychological science, and on the other, the multiplicity of mental phenomena and research subjects. It is the concept of being of the psychic. The integrative nature of the conceptual apparatus of modern psychology in comparison to the basic categories by M.G. Yaroshevsky is stated. The problem of units of analysis of the history of psychology at different stages of its development as well as the transformation of the concept of a scientific school during the "closed fracture" (D.A. Leontiev) are considered. The possibilities and limitations of using artificial intelligence in research in the history of psychology are discussed. The importance of the development of comprehending thinking in the history of psychology as distinct from calculating thinking is emphasized.

Keywords: history of psychology, methodology, criteria of scientific knowledge, method, concept of the history of psychology, scientific school, subject of psychology, comprehending and calculating thinking.

Milena G. Chesnokova — Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. PhD in psychology.
Research Area: history of psychology, methodology of psychology, psychology of individuality.
E-mail: milen-ches@bk.ru

Настоящая статья относится к жанру дискуссии и представляет собой рефлексию опыта автора относительно тех сложностей, с которыми сталкивается историк психологии в процессе преподавания предмета сегодняшним молодым психологам, а также при выстраивании методологии историко-психологических исследований, связанных с осмыслением современного состояния психологической науки и основных тенденций ее развития. Именно этот круг вопросов был в первую очередь вынесен для обсуждения. Другие важные для истории психологии вопросы, такие как роль социально-исторических и личностных факторов развития научного знания, проблема верификации исторических источников и т.д., имеющие более общий, не привязанный к конкретному историческому периоду характер, остались за пределами рассмотрения. В этом смысле предлагаемая статья не претендует на исчерпывающее раскрытие заявленной темы, но имеет целью способствовать диалогу между историками и методологами психологии, общими и отраслевыми психологами для решения актуальных проблем истории психологии и максимально полного раскрытия потенциала развития нашей науки.

С чего началась психология

Писать историю психологии всегда было непросто. Казалось бы, простой вопрос. Но какое событие рассматривать в качестве отправной точки ее развития? Создание В. Вундтом первой экспериментальной лаборатории в Лейпциге (1879)? Возникновение первой психологической школы — ассоцианизма (XVIII в.)¹? Выделение будущего предмета научной психологии — сознания — в философии Р. Декарта (XVII в.)? Первую попытку систематизации психологических знаний в учении Аристотеля (IV в. до н. э.)? А может быть, возникновение научной психологии вообще следует сдвинуть к началу XX в., когда появляются первые исследовательские институты, университетские кафедры, специализированные журналы, научные сообщества и складывается система психологического образования²? Решение этого вопроса во многом зависит от критериев научности, принятых научным сообществом. Эти критерии в значительной степени определяются типом рациональности, формируемым не только наукой, но и философией и практикой. А это значит, что они носят конкретно-исторический характер.

Глубокий анализ различий классического и неклассического типов рациональности в свое время дал М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 2010). В.С. Степин выделил три стадии развития науки: классическая, неклассическая, постнеклассическая. Позднее эти понятия вошли и в психологию. К неклассической психологии относили культурно-историческую теорию Л.С. Выготского (Эльконин, 1989; Гальперин, 1981), теорию деятельности А.Н. Леонтьева (Асмолов, 2003; Соколова, 2007), теорию поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина (Степанова, 2012), динамическую

¹ Позиция отечественного историка психологии Т.Д. Марцинковской (Марцинковская, 2009).

² Точка зрения, развиваемая британским историком науки Р. Смитом (Смит, 2008).

психологию К. Левина (Асмолов, 2003), экзистенциальную психологию (Есельсон, Летуновский, 2002). Постнеклассическая стадия характеризуется выходом за границы психологии как таковой в сферу междисциплинарных исследований. Сегодня многие ученые говорят уже о постпостмодерне как новом этапе развития научного знания. Этим термином обозначается совокупность концепций, делающих акцент на трансформации культуры и общества, изменении способа человеческого существования, форм общения и коммуникации между людьми. Методология постпостмодерна предполагает интерпретацию знания на нескольких уровнях — межпредметном, междисциплинарном и трансдисциплинарном (Марцинковская и др., 2024). Между тем в учебниках по истории психологии проблема смены типов рациональности и критериев научности при построении ее периодизации никак не учитывается. А методологическая позиция самих авторов оказывается как бы вне этой логики, над ней. Этап постмодерна и постпостмодерна в психологии вообще выпадает из рассмотрения в силу того, что диктуемый им межпредметный анализ научного знания наталкивается на отсутствие у историков психологии соответствующего методологического инструментария для его осуществления. Все это создает очень напряженные отношения между современной методологией науки и историей психологии. Для последней это серьезный вызов. Наблюдаемый разрыв современной психологии (во всяком случае, определенной ее части) со всей прежней историей науки, в свою очередь, нуждается в историко-психологическом осмыслении.

Согласно классическим учебникам, научным следует считать такое знание, которое получают с помощью научных методов, в частности эксперимента (см.: Соколова, 2005). Здесь, однако, стоит учитывать, что само понимание научного метода при переходе от одного типа рациональности к другому меняется.

Для классической стадии развития науки характерна следующая установка: субъект познания не влияет на получаемое знание, что обеспечивает его объективность. Р. Декарт полагал, что метод познания универсален для всех наук и опирается на математический способ мышления. В XX в. К. Поппер заявил, что таким универсальным методом (как для естественных, так и для общественных наук) выступает гипотетико-дедуктивный способ рассуждения.

Одновременно с этим идет процесс спецификации научных методов. Г. Риккерт и В. Виндельбандт говорят о единстве метода, но уже применительно к определенной категории наук — естественных или гуманитарных. Возникает идея специфичности метода конкретной науки. Для психологии — это интроспекция. И если В. Вундт выступал за экспериментальную интроспекцию, то Ф. Brentano был сторонником ее неэкспериментального варианта. Причинно-следственные отношения, лежащие в основе эксперимента, понимались преимущественно в естественно-научном ключе — как вечные и неизменные. Психология открыла для себя понятие закона, но остановилась перед проблемой свободы.

Неклассическая стадия развития науки характеризуется попыткой отрефлексировать субъективную составляющую познания — «лямбду Наблюдателя». Знание зависит от способа его получения.

Важным шагом на этом пути стало появление экспериментально-генетического метода. В.П. Зинченко, признавая неклассичность идей Л.С. Выготского, отвергал понимание его теории как вводящей еще одну — культурную детерминанту развития психики (Зинченко, 1996). Культура не детерминанта развития, а «приглашающая сила», утверждал он. Включение этой силы меняет классическую форму эксперимента (стимул — причина, реакция — следствие). В экспериментах на основе методики «двойной стимуляции» Выготского–Сахарова второй ряд стимулов (картинки) может так и остаться для ребенка только стимулом (тогда он просто называет изображенное на карточке или начинает играть с ней), а может быть переосмыслен им в качестве средства для запоминания. И если это случается, перед нами «акт развития». Экспериментально-генетический метод, сохраняя внешние формы эксперимента, по существу, взрывает его изнутри, поскольку развитие достигается в нем не следованием за стимулом (причинно-следственная связь), а преодолением его действия и разрушением этой связи. В работах М.К. Мамардашвили мы встречаем понятие конструктивного действия, определяющего рождение человека как культурного существа, что вполне согласуется с принципами культурно-исторической теории. Дальнейший отход от классического эксперимента происходит у П.Я. Гальперина. В основу своего «формирующего эксперимента» он кладет гипотезу о внутренней психологической структуре действия, а не о причинно-следственных связях (Лидерс, 2006). Одним из главных достижений культурно-деятельностной психологии стало открытие исторического (преходящего) характера причинно-следственных связей в человеческом обществе. Это связи, которые создаются самим человеком. И это смысловые связи.

Проблема человеческой свободы — одна из центральных тем неклассической экзистенциальной психологии. При этом изначально экзистенциальная психология не связывала себя с экспериментом. Родоначальник экзистенциализма С. Кьеркегор утверждал, что лучший эксперимент — это сама жизнь. Жизнь ставит нас перед необходимостью выбора. Осуществляя выбор, мы выбираем то, чему далее будем следовать и подчинять себя, и одновременно формируем индивидуальную закономерность своей собственной жизни. Уже в наше время экспериментально проблема экзистенциального выбора изучалась Д.А. Леонтьевым с коллегами (Леонтьев и др., 2019). Так в XXI в. экзистенциальная психология впервые обрела экспериментальную базу.

Постнеклассическая стадия развития науки выдвигает в качестве необходимого требования учет ценностно-смысловых установок ученого. Ф.Е. Василюк утверждал, что психотехническая система обязана сознательно определять свою ценностную позицию на основе ценностей истины, добра, красоты, святости, пользы и др. (Василюк, 2003). Развитие и дифференциация психологического знания способствовали увеличению общего числа научных задач (В. Вундт на заре становления научной психологии говорил лишь о трех). Разнообразие научных задач требовало разнообразия методов. И сегодня количественные методы в психологии широко сочетаются с качественными, а также с обработкой больших данных при помощи искусственно-го интеллекта.

Таким образом, мы видим, что критерии научности в психологии со временем менялись и весьма существенно. Философская картина мира по-прежнему определяет пути и границы научного познания в психологии. Причем воздействие современных постпостмодернистских теорий вполне сочетается в ней с влиянием «старых» картезианских и Спинозистских идей (см.: Соколова, 2017). Это свидетельствует в пользу того, чтобы начинать рассмотрение развития психологии с формирования психологической проблематики (которое происходит еще в Античности), а не с возникновения собственно экспериментальной психологии, как это часто происходит.

Методологические основания историко-психологического исследования

Рассмотрим еще один дискуссионный вопрос. История психологии — это историческая или психологическая дисциплина? Вопрос этот важен, так как от его решения зависит, в русле какой методологии будет осуществляться историко-психологическое исследование. Проблеме теоретико-методологических оснований историко-психологического исследования в свое время была посвящена работа В.А. Кольцовой (Кольцова, 2004). Методологические основания историко-психологического исследования рассматриваются ею как многокомпонентная, иерархически организованная система принципов, подходов, категорий и методов, опирающаяся на понимание специфики ее объекта и предмета и включающая четыре уровня методологического исследования: философский, общенаучный, специально-научный и конкретно-научный. При этом специально-научный уровень опирается как на общие принципы и методы гуманитарного знания (истории, культурологии, источниковедения), так и на фундаментальные положения общей психологии. Столь сложная методология предъявляет повышенные требования к компетенциям историка психологии, который реально вынужден выступать и философом, и историком, и психологом в одном лице.

В учебнике по истории психологии А.Н. Ждан отмечается, что «в отличие от предмета и методов психологии, в истории психологии изучается не сама психическая реальность, но представления о ней, какими они были на разных этапах поступательного развития науки» (Ждан, 2004, с. 6). Такое противопоставление предмета психологии предмету истории психологии (формально вполне верное) упускает из внимания тот факт, что сама психическая реальность с течением времени также меняется. Последние исследования констатируют у современного человека существенные изменения в области феноменологии восприятия и мышления, модальности образа мира (от вербальной к образной), отмечают рост личностной идентичности при падении социокультурной, формирование феномена множественного и потенциального Я и т.д. (Белинская, 2018; Марцинковская и др., 2024). Важную роль играют сегодня нейрокогнитивные исследования сознания и модели «искусственного сознания» (см., в частности: Величковский, 2017; Велихов и др., 2018; Анохин и др., 2024; и др.). В НИУ «Высшая школа экономики» с 2018 г. функционирует

Институт когнитивных нейронаук, специализирующийся на проведении исследований в этой области. Отличительной чертой данного направления является междисциплинарный характер исследований (соответствующий постнеклассическому этапу развития науки), а также трансформация традиционного объекта психологии — живого человеческого сознания — в направлении создания виртуальных агентов, демонстрирующих в своем поведении свойства сознания. Масштабная экстернизация психических функций: памяти, мышления, сознания — по контрасту с интериоризацией как механизмом развития сознания, выделенным Л.С. Выготским, — отражает важный этап развития человеческой психики, ориентированный на максимальную объективацию своих внутренних процессов. Это явление, безусловно, имеет свое объяснение. Философы видят за ним присущее человечеству стремление к бессмертию. Для историков психологии это явление означает появление нового объекта психологии — антропоморфных технических устройств наряду с традиционно развивавшейся психологией человека. Учитывая особую роль психологии (а сегодня и нейронауки) в изучении механизмов познания (позиция Ж. Пиаже), следует допустить и обратное влияние развития психологического знания на методологию его изучения. Это говорит в пользу понимания истории психологии как в полной мере психологической дисциплины. Об этом фактически пишет и В.А. Кольцова: «Психология — “материнская” наука для истории психологии, и потому разработанные в психологии фундаментальные психологические теории, подходы и принципы также выступают в качестве специально-научного теоретико-методологического основания организации и проведения исследований в области истории психологии» (Кольцова, 2004, с. 26). Отсюда важность взаимодействия историков психологии с ведущими исследователями в области психологии, знание новейших достижений психологической науки, готовность к пересмотру эмпирических данных и строящихся на их основе теорий, место которых в истории науки не может быть определено раз и навсегда.

Концепции истории психологии. В поисках предмета психологии

История психологии, как ни одна другая историческая дисциплина, остро нуждается в собственной концепции развития научного знания. Популярная в науковедении парадигмальная теория Т. Куна имеет в психологии свои ограничения. Вопрос о том, является ли психология допарадигмальной, внепарадигмальной или мультипарадигмальной наукой, остается дискуссионным. Более того, в последнее время парадигма как исследовательский конструкт, по наблюдению исследователей, меняет свою структуру. «В современной методологии парадигма представляет собой не замкнутый эталон, а открытый гештальт с проницаемыми границами и возможностью переструктурирования» (Марцинковская, Орестова, 2017, с. 136). По мнению А.Г. Асмолова, парадигмальный подход — это только один из возможных принципов развития науки. Эволюция научного познания движется в логике трех подходов. Первый подход — мир научных парадигм как замкнутых коллективных

установок мышления исследователей. Этот подход максимально статичен и характерен для классической науки. Второй подход — мир научно-исследовательских программ. Данный подход получает распространение в эпоху неклассической науки. В отличие от парадигм программы обладают значительно большей динамикой. Так, Л.С. Выготский в течение десяти лет работы в психологии сменил несколько исследовательских программ — психорефлексологическая, инструментальная психология, «психология в терминах драмы», программа исследования динамических смысловых систем. Наконец, третий подход — это мир поворотов и скачков познания, возникающих благодаря сочетанию результатов в разных, порой весьма далеких друг от друга областях. Именно этот подход, как считает А.Г. Асмолов, приобретает все большее значение в науке (Асмолов, 2025, с. 114).

В отечественной психологии существуют две фундаментальные концепции истории науки. Это концепция истории психологии как становления ее предмета А.Н. Ждан (Ждан, 2004) и категориальный подход М.Г. Ярошевского (Ярошевский, 1974). Основной единицей анализа в них выступает понятие научной школы.

Л.С. Выготский, анализируя кризис психологии начала XX в., связывал выход из него с созданием общей психологии, опирающейся на единое понятие и общий объяснительный принцип психологии. Этот проект был частично реализован в теории деятельности А.Н. Леонтьева. Научные дискуссии 1990-х гг. и критика деятельностного подхода поставили под сомнение этот замысел. Разнообразие направлений и школ психологии (в котором Выготский видел один из симптомов кризиса) получило свою легализацию на основе принципа плюрализма. Понятие научной школы как единицы анализа воспринималось при этом вполне адекватно. Однако с 1970-х гг. в психологической науке разворачиваются процессы, которые Д.А. Леонтьев определил как «закрытый перелом» (Леонтьев, 2018). Его суть — изменение структуры психологического знания, переход от периода «феодальной раздробленности» на отдельные школы к единой системе, критериям и языку. Актуализировался запрос на построение холистических моделей человека. Современный исследователь вынужден ориентироваться в широком спектре современных подходов в изучении различных сторон психической деятельности, уметь соотносить и интегрировать их. Приобрела популярность системно-сетевая модель организации психологического знания. Каждая школа представлена в ней связанной сетью понятий, что призвано облегчить поиск точек соприкосновения между разными направлениями. Возникают сложноорганизованные подходы: культурно-деятельностный, экзистенциально-деятельностный, историко-эволюционный, системно-субъектный и др. Старые школы теряют свою «чистоту», а понятие научной школы — прежнюю актуальность. Сетевой подход неоднократно подвергался критике со стороны историков психологии как антиисторичный и эклектичный (Соколова, 2006, 2008а, 2008б, 2012, 2023 и др.). Однако его сторонники настаивают на историчности данной модели: «Все ценное, полученное на предыдущих этапах развития знания, сохраняется в свернутом виде, а ненужное отбрасывается» (Зеленкова, 2023, с. 113). На

наш взгляд, диалог между разными направлениями почти всегда продуктивен, поскольку выявляет неизбежные ограничения и точки роста этих направлений, выявляющиеся в дискуссии. Именно в пунктах наибольших расхождений между ними лежат основания постановки новых научных проблем и будущих исследований. Опасность эклектики возникает в случае механического объединения отдельных положений и инструментария разных подходов без учета их методологической совместимости и перспективы дальнейшего развития. «Отбрасывать ненужное» также приходится с большой осторожностью, так как то, что казалось «ненужным» в одно время, может оказаться очень востребованным и перспективным десятилетия и даже столетия спустя (идеи Спинозы, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина и др. — яркое тому подтверждение). История науки имеет свою логику, которая не всегда улавливается современниками. В этом смысле успех осуществляемой интеграции (часто назревшей и оправданной) в значительной степени зависит от профессионализма и методологической зрелости конкретного исследователя.

Понимание истории развития науки как становления ее предмета наталкивается на тот факт, что к началу XXI в. сами поиски этого предмета, похоже, зашли в тупик. В основе концепции А.Н. Ждан лежит представление о единстве и изменчивости предмета психологии: душа, сознание, поведение, бессознательное, личность, деятельность, информация и т.д. (Ждан, 2004). Однако признание мультипарадигмального характера психологии приводит ученых к выводу, что единство предмета науки не более чем методологическая иллюзия, исчезающая при любой попытке оформить ее в строгое научное определение. Уже М.Г. Ярошевский фактически отказался от попытки найти единое понятие для определения предмета психологии, предложив свою систему базовых категорий. С начала 2000-х гг. все чаще звучат голоса в пользу принципиальной многопредметности психологии. Одним из первых данную точку зрения озвучил С.Д. Смирнов (Смирнов, 2005). По мнению С.Д. Смирнова, формулировка предмета психологии — это особый вид деятельности. Она рождается из согласования объекта, метода и исследовательской задачи. Из множественности методов исследования логически вытекает множественность предмета психологии. Позицию С.Д. Смирнова разделяют авторы подготовленной Институтом психологии РАН коллективной монографии «Научные подходы в современной отечественной психологии» (Журавлев и др., 2023). Во вводной главе подчеркивается, что условия развития науки лежат не столько в поиске единого предмета психологии, сколько в диалоге между разными школами. В то же время в психологии остаются и сторонники монистической позиции, убежденные в возможности сохранить единство предмета науки и объяснить многообразие ее феноменов на основе диалектики развития психики и деятельности (Соколова, 2006, 2008а, 2008б и др.).

Еще один вариант монистического решения вопроса о предмете психологии связан с идеей признать в качестве такового целостный внутренний мир человека (Шадриков, 2004, 2006; Шадриков, Мазилев, 2022). На наш взгляд, данная позиция весьма уязвима. Понятие «внутренний мир» возвращает нас к старой интроспективной психологии, концепция которой неоднократно

подвергалась критике. Вспомним И.М. Сеченова, провозгласившего ее приверженцев «обособителями психического» (Сеченов, 2023) или Ж. Политцера, назвавшего концепцию внутренней жизни «замаскированной теологией души» (Политцер, 1980). Представители культурно-деятельностной психологии приложили немало усилий для того, чтобы снять оппозицию внешнего и внутреннего, проследив диалектику взаимопереходов одного в другое. В свое время Л.С. Выготский отмечал, что развитие высших психических функций происходит двумя путями. Первый путь связан с развитием внешних опосредствующих деятельность психики средств. Второй — с интериоризацией, уходом инструментальной операции внутрь. Это и есть основной путь развития сознания. Сегодня мы видим, что развитие психики молодого поколения идет преимущественно по первому пути. Этому всячески способствует распространение цифровых технологий. Соответственно, психика современного человека все меньше является внутренней и все больше переплетается в своем функционировании с работой внешних технических средств. На этом фоне ограничивать предмет психологии внутренним миром человека — значит упускать из виду значимый пласт психических феноменов, которых прежняя психология не знала и которые впервые рождаются на наших глазах здесь и сейчас.

Категориальный подход М.Г. Ярошевского также подвергается пересмотру. Уже А.В. Петровский и В.А. Петровский значительно усложнили исходную схему, выделив 5 уровней категорий в психологии (биоцентрический, протопсихологический, базисный, метапсихологический, социоцентрический) в качестве инструмента саморефлексии науки (Петровский, Петровский, 2014). Новое оформление категориальный подход получил у А.В. Юревича. В структуре любой теории он выделяет центральную категорию и круг основных понятий, подчиненных этой категории (Юревич, 2018б). При этом автор полагает, что категории составляют только один из структурных элементов психологического знания (Юревич, 2018а). Сегодня категориальный подход реализуется как по отношению к анализу конкретных теорий (см.: Майданский, Рубцов, 2025), в рамках общей психологии (Корниенко, 2017), так и по отношению к развитию знания в отдельных отраслях психологии (см.: Акопов, 2025). При этом исследователи отмечают, что современные понятия психологии, описывающие психическую реальность, имеют иную структурную организацию, чем изначально предложенные М.Г. Ярошевским категории «образ», «мотив», «действие», «личность», «социальные отношения». Это интегративные образования (Сергиенко, 2023). Особое внимание уделяется категории субъекта, отсутствующей у М.Г. Ярошевского и А.В. и В.А. Петровских. Подчеркивается необходимость перехода от матричного принципа организации категорий к сетевому (Марцинковская, 2011; и др.). Некоторые ученые, отчаявшись прийти к удовлетворяющему всех понятийному определению предмета психологии, прибегают к старой платоновской традиции метафорических описаний предмета науки.

Значит ли все вышесказанное, что психологии нужно отказаться от попыток концептуализации своего предмета? Полагаем, что нет. Приведем

одно важное, на наш взгляд, высказывание: «Большинство столкновений парадигм обычно объясняется их несовместимостью, однако учет контекста социальных практик показывает, что то, что считается противоречивыми феноменами, — это просто разные (и полностью совместимые) психические явления, вызванные разными практиками» (Зеленкова, 2023, с. 109). А.А. Пузырей в другом контексте сформулировал это так: психика не имеет собственных законов развития, нечто развивается только в силу того, что его развивают (Пузырей, 2005). Существует ли понятие, позволяющее охватить все многообразие психических явлений, как известных, так и могущих появиться под влиянием новых социальных практик в будущем? Думаем, что есть. Это понятие — бытие психического.

Бытие психического как предмет психологии

О забвении бытия применительно к философии в XX в. писал М. Хайдеггер. Что касается отечественной психологии, то она знала понятие бытия в определенном понимании — как материальное бытие людей, противоположное сознанию. Это понимание шло из марксистской философии. М. Хайдеггер говорил о бытии в ином смысле. Для него бытие было противоположно не сознанию, а вещиности. Исследовать предмет как вещь значило изучить его состав. Однако любой предмет помимо чисто физических свойств имеет и свое особое бытие в мире. Поворот от бытия к вещиности М. Хайдеггер связывал с картезианской философией. Психология сознания, возникшая на ее основе, с необходимостью вобрала и этот подход. Первых психологов интересовало главным образом строение сознания по аналогии с устройством любой вещи. Лишь позднее в фокусе внимания психологии оказывается бытие сознания — его генезис и функционирование. С.Л. Рубинштейн писал: «В психологическом плане сознание выступает реально прежде всего как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя» (Рубинштейн, 1957, с. 275). Психическое имеет свое бытие, способное под влиянием разнообразных социальных практик приобретать различные формы и предстать в разных феноменах. Мы полагаем, что введение в психологию понятия «бытие психического» могло бы решить проблему единства предмета психологии без ущерба для многообразия ее феноменов и потенциальной множественности предметов психологического исследования. Данный вариант решения проблемы предмета психологии не противоречит в том числе логике культурно-деятельностного подхода и пониманию психики как субстанции деятельности.

История психологии и искусственный интеллект. Осмысляющее и вычисляющее мышление

Развитие искусственного интеллекта и его применение в психологии принесло свои плоды. Искусственный интеллект широко используется для анализа данных и в практической психологии. Подмечено, что «разговоры» с

искусственным интеллектом имеют своим эффектом снижение симптомов депрессии. Искусственный интеллект способен структурировать объемный словесный материал клиента, способствуя продуктивным инсайтам. Искусственный интеллект успешно предсказывает наступление деменции по речи и анализирует детские рисунки. В последнее время искусственный интеллект начинает проникать и в историко-психологические исследования. Показательный пример — статья Е.Л. Доценко, С.А. Потемкина и М.Е. Гафарова «Атланты держат небо?»: группировка теоретических подходов с помощью искусственного интеллекта» (Доценко и др., 2025). В ней авторы представляют оригинальную попытку систематизации современных психологических подходов на основе их метафорических ассоциаций с персонажами античной мифологии, используя искусственный интеллект. Работа по анализу и соотнесению научных подходов, на которую человеческий ум тратил (и не всегда успешно) долгие месяцы и годы, выполняется искусственным интеллектом в считанные сроки. Экономия времени и человеческих ресурсов налицо. Однако насколько содержательны полученные таким образом обобщения? Авторы статьи осторожны в своих оценках, но твердо намерены продолжить движение по намеченному пути. На наших глазах происходит передача гуманитарного знания во власть техники.

В XX в. экзистенциалисты поставили диагноз современному человеку, определив его как двойное бегство: «бегство от свободы» (Э. Фромм) и «бегство от мышления» (М. Хайдеггер). «Сегодняшний человек будет напрочь отрицать это бегство от мышления. Он будет утверждать обратное. Он скажет — имея на это полное право, что никогда еще не было таких далеко идущих планов, такого количества исследований в самых разных областях, проводимых так страстно, как сегодня. Несомненно, так тратиться на хитроумие и придумывание по-своему очень полезно и выгодно. Без такого мышления не обойтись. Но при этом остается так же верно и то, что это лишь частный вид мышления» (Хайдеггер, 1991, с. 104). М. Хайдеггер говорит о существовании двух видов мышления — вычисляющего и осмысляющего. Каждое из них необходимо и оправдано для определенных целей. Вычисляющее мышление исходит из конкретных условий и нацелено на определенный результат. Оно ищет «выгодных возможностей». Осмысляющее мышление озабочено смыслом. Оно как бы парит над действительностью и на первый взгляд бесполезно в практической жизни. Оно мыслит «о том, что касается каждого из нас... в настоящий час мировой истории» (Там же, с. 105). Для такого мышления необходимы усилия, оно требует более длительного упражнения и нуждается в заботе. Именно этого мышления, по Хайдеггеру, не хватает современному человеку. И, добавим, именно этот вид мышления в первую очередь требуется историку психологии. О чем же ему имеет смысл мыслить сегодня?

Разработка концепции истории психологии, рассматривающей не только процессы, связанные с выделением психологии в самостоятельную науку, но и тенденции современного этапа, возвращающие ее к более тесным связям с другими областями научного знания.

Осмысление методологии современных историко-психологических исследований, не сводимое к привлечению новых методов, вычислительных технологий и искусственного интеллекта. Приведение в соответствие методологии истории психологии с методологией психологической науки в целом. Определение единиц анализа, адекватных для рассмотрения разных периодов развития науки — классического, неклассического, постнеклассического. Творческий диалог не только с прошлым, но и с современными психологическими исследованиями.

В большинстве учебников по истории психологии развитие научного знания рассматривается преимущественно с общепсихологических позиций. Однако в социокультурных условиях, характеризующихся разнообразием и индивидуализацией стратегий жизни людей, традиционный общепсихологический подход становится все менее востребованным, уступая место персонализированному подходу психологии личности. Данный факт также стоит учесть при написании новейшей истории психологии.

Заключение

Подведем итоги. Мы полагаем, что рассмотрение истории психологии следует начинать с формирования психологической проблематики. История развития методов психологии может присутствовать при этом как отдельная тема. История психологии является не просто исторической наукой, нейтральной по отношению к психологии как таковой, но полноценной психологической дисциплиной, развивающейся вместе с ней и зависящей от ее достижений.

С момента своего возникновения психология сильно развилась и дифференцировалась. Сегодня это целая система психологических дисциплин. Долгое время история психологии была в основном историей общей психологии, в то время как история отраслевых дисциплин писалась в основном специалистами в этих областях. Так история психологии разделилась на общую и отраслевую. Практическая психология, психотерапия также имеют достаточно богатую историю, которая в отечественной психологии фактически еще не написана. Это ставит вопрос о структуре самого историко-психологического знания. На наш взгляд, на данном этапе развития психологии история психологии уже не может существовать как единая дисциплина, она, в свою очередь, нуждается в специализации. Две области выделяются достаточно отчетливо. Это отраслевая и практическая история психологии. Третья область не столь очевидна, но ею могла бы стать история фундаментальных проблем психологии: от изучения сознания в классической интроспекции до моделей «искусственного сознания» в современных исследованиях. При этом на место истории общей психологии должна прийти общая история психологии. Ее задачей является обобщение и систематизация наиболее важных результатов исследовательской деятельности трех других областей и представление их соответственно их месту в контексте науки в целом. Вторая задача состоит в углубленной проработке методологических оснований истории психологии,

включая вопросы, касающиеся предмета психологии, оснований периодизации истории психологии и их связи со сменой типов рациональности, единиц анализа (дифференцированно по отношению к каждому периоду), системы методов истории психологии, критериев верификации исторических источников и т.д.

История психологии — уникальная дисциплина в системе психологического знания. В свое время В. Вундт предлагал изучать мышление народов именно на материале истории. В этом смысле уровень развития историко-психологического знания отражает уровень рефлексии самой психологии. И сегодня развитие этого мышления — осмысляющего мышления, по М. Хайдеггеру, — требует самого пристального внимания. Данная статья является приглашением к интеллектуальному диалогу для обсуждения насущных проблем истории психологии.

Литература

- Акопов, Г. В. (2025). Этапы категориального оформления социальной психологии в России (к 95-летию юбилею Б.Д. Парыгина). *Социальная психология и общество*, 16(2), 177–194. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160211>
- Анохин, К. В., Семенов, А. Л., Ефимов, А. Р. (2024). Границы познания: беседы о сознании и искусственном интеллекте. *Образовательная политика*, 2(98), 54–64. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2024-2-54-64>
- Асмолов, А. Г. (2003). Неодетельная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование. *Мир психологии*, 2(34), 155–158.
- Асмолов, А. Г. (2025). *Психология достоинства: искусство быть человеком*. М.: Альпина Паблишер.
- Белинская, Е. П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 16. Психология и педагогика*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Василюк, Ф. Е. (2003). *Методологический анализ в психологии*. М.: МГППУ; Смысл.
- Велихов, Е. П., Котов, А. А., Лекторский, В. А., Величковский, Б. М. (2018). Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя. *Вопросы философии*, 12, 5–17.
- Величковский, Б. М. (2017). От исследований сознания к разработке когнитивных технологий. В кн. *Сборник трудов конференции «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук»* (с. 37–57). М.: Аквилон.
- Гальперин, П. Я. (1981). Идеи Л.С. Выготского и задачи психологии сегодня. В кн. *Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: Тезисы докладов Всесоюзной конференции, 23–25 июня 1981 г.* (с. 46–50). М.: Б. и.
- Доценко, Е. Л., Потемкин, С. А., Гафаров, М. Е. (2025). «Атланты держат небо?»: группировка теоретических подходов с помощью искусственного интеллекта. *Психологический журнал*, 46(3), 151–160. <https://doi.org/10.31857/S0205959225030151>
- Есельсон, С. Б., Летуновский, В. В. (2002). Экзистенциализм в психологии. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, 1(1), 91–117.

- Ждан, А. Н. (2004). *История психологии: от Античности до наших дней* (5-е изд., перераб. и доп.). М.: Академический проект.
- Журавлев, А. Л., Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А. (отв. ред.). (2023). *Научные подходы в современной отечественной психологии*. М.: Институт психологии РАН.
- Зеленкова, Т. В. (2023). К проблеме создания системно-сетевого психологического тезауруса в контексте метамодерна. *Психологический журнал*, 6, 109–113. <https://doi.org/10.31857/S020595920029079-2>
- Зинченко, В. П. (1996). От классической к органической психологии. *Вопросы психологии*, 5, 7–20.
- Кольцова, В. А. (2004). *Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования* [Автореферат докторской диссертации]. Институт психологии РАН, Москва.
- Корниенко, А. Ф. (2017). Категориальная система общей психологии. *Наука и мир*, 12(52, т. 2), 73–83.
- Леонтьев, Д. А. (2018). «Закрытый перелом» 1970-х как веха в истории научной психологии. В кн. И. Т. Касавин, Т. Г. Соколова, В. А. Лекторский, Е. О. Труфанова, В. А. Мазилев, В. Ф. Петренко (ред.), *История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей* (в 6 т., т. 3, с. 56–59). М.: Русское общество истории и философии наук.
- Леонтьев, Д. А., Овчинникова, Е. Ю., Рассказова, Е. И., Фам, А. Х. (2019). *Психология выбора*. М.: Смысл.
- Лидерс, А. Г. (2006). Метод поэтапного формирования в истории отечественной психологии. *Культурно-историческая психология*, 2, 60–67.
- Майданский, А. Д., Рубцов, В. В. (2025). О системе категорий культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 21(3), 4–14. <https://doi.org/10.17759/chp.2025000001>
- Мамардашвили, М. К. (2010). *Классический и неклассический идеалы рациональности*. М.: Азбука.
- Марцинковская, Т. Д. (2009). *История психологии*. М.: Академия.
- Марцинковская, Т. Д. (2011). Категория отношения в современной психологии. *Мир психологии*, 4(68), 31–38.
- Марцинковская, Т. Д., Орестова, В. Р. (2017). Эстетическая парадигма в транзитивном мире. *Научный электронный журнал «Артикульт»*, 27(3), 134–143. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-3-134-143>
- Марцинковская, Т. Д., Полева, Н. С., Хорошилов, Д. А. (2024). *Психология повседневности*. М.: Московский институт психоанализа.
- Петровский, А. В., Петровский, В. А. (2014). Категориальный строй психологии сегодня. *Развитие личности*, 2, 92–124.
- Политцер, Ж. (1980). *Избранные философские и психологические труды*. М.: Прогресс.
- Пузырей, А. А. (2005). *Психология. Психотехника. Психагогика*. М.: Смысл.
- Рубинштейн, С. Л. (1957). *Бытие и сознание*. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Сергиенко, Е. А. (2023). Внутренний мир человека: един ли предмет психологии? (приглашение к дискуссии). *Психологический журнал*, 44(6), 124–134. <https://doi.org/10.31857/S020595920029080-4>
- Сеченов, И. М. (2023). *Элементы мысли. Научно-популярные очерки*. М.: Ленанд.
- Смирнов, С. Д. (2005). Методологический плюрализм и предмет психологии. *Вопросы психологии*, 4, 3–9.
- Смит, Р. (2008). *История психологии*. М.: Академия.
- Соколова, Е. Е. (2005). *Введение в психологию*. М.: Академия.

- Соколова, Е. Е. (2006). Апология системного монизма (К проблеме путей интеграции психологической науки). *Вопросы психологии*, 4, 15–23.
- Соколова, Е. Е. (2007). Школа А.Н. Леонтьева и ее роль в развитии деятельностного подхода в психологии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 80–103.
- Соколова, Е. Е. (2008а). Нетерпимость толерантных (Еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях в психологии). *Вопросы психологии*, 3, 138–146.
- Соколова, Е. Е. (2008б). Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии? *Методология и история психологии*, 3(3), 25–42.
- Соколова, Е. Е. (2012). Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания «сетевой парадигмы» современной психологии. В кн. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич (отв. ред.), *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* (с. 380–403). М.: Институт психологии РАН.
- Соколова, Е. Е. (2017). О картезианстве и Спинозизме в современной психологии: взгляд представителя школы А.Н. Леонтьева. *Вопросы психологии*, 6, 97–107.
- Соколова, Е. Е. (2023). *Психология деятельности: становление и перспективы развития*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Степанова, М. А. (2012). П.Я. Гальперин: опыт построения неклассической психологии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 43–52.
- Хайдеггер, М. (1991). *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа.
- Шадриков, В. Д. (2004). О предмете психологии (мир внутренней жизни человека). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(1), 5–19.
- Шадриков, В. Д. (2006). *Мир внутренней жизни человека*. М.: Университетская книга; Логос.
- Шадриков, В. Д., Мазиллов, В. А. (2022). О психофизическом принципе (предмет психологии). *Психологический журнал*, 43(3), 15–24. <https://doi.org/10.31857/S020595920020492-7>
- Эльконин, Д. Б. (1989). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика.
- Юревич, А. В. (2018а). Состав и структура психологического знания. В кн. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич (ред.), *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* (с. 9–34). М.: Институт психологии РАН.
- Юревич, А. В. (2018б). Структура психологических теорий. В кн. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич (ред.), *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* (с. 141–159). М.: Институт психологии РАН.
- Ярошевский, М. Г. (1974). *Психология в XX столетии*. М.: Политиздат.

References

- Akopov, G. V. (2025). Stages of categorical design of social psychology in Russia (on the 95th anniversary of B.D. Parygin). *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 16(2), 177–194. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160211> (in Russian)
- Anokhin, K. V., Semenov, A. L., & Efimov, A. R. (2024). Boundaries of cognition: Conversations about consciousness and artificial intelligence. *Obrazovatel'naya Politika [Educational Policy]*, 2(98), 54–64. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2024-2-54-64> (in Russian)
- Asmolv, A. G. (2003). Neodeyatel'nostnaya paradigma v myshlenii XXI veka: deyatel'nost' kak sushchestvovanie [Neo-activity framework in the 21st century thinking: Activity as existence]. *Mir Psikhologii*, 2(34), 155–158.

- Asmolv, A. G. (2025). *Psikhologiya dostoinstva: iskusstvo byt' chelovekom* [The psychology of dignity: The art of being human]. Moscow: Al'pina Publisher.
- Belinskaya, E. P. (2018). Modern identity studies: From structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya i Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education], 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Dotsenko, E. L., Potemkin, S. A., & Gafarov, M. E. (2025). Atlantes support the sky?": grouping of the theoretical approaches using artificial intelligence. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 46(3), 151–160. <https://doi.org/10.31857/S0205959225030151> (in Russian)
- Elkonin, D. B. (1989). *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika.
- Eelson, S. B., & Letunovskii, V. V. (2002). Ekzistentsializm v psikhologii [Existentialism in psychology]. *Ekzistentsial'naya Traditsiya: Filosofiya, Psikhologiya, Psikhoterapiya*, 1(1), 91–117.
- Galperin, P. Ya. (1981). Idei L.S. Vygotskogo i zadachi psikhologii segodnya [Ideas of L.S. Vygotsky and tasks of the psychology today]. In *Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya: Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii, 23–25 iyunya 1981 g.* [Academic works by L.S. Vygotsky and the modern psychology: Proceedings of the All-Union conference, June 23-25, 1981] (pp. 46–50). Moscow.
- Heidegger, M. (1991). *Razgovor na proselochnoi doroge* [Talking on a country road]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Koltsova, V. A. (2004). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya* [Theoretical and methodological foundations of research in history of psychology] [Doctoral dissertation]. Institute of Psychology of the RAS, Moscow, Russian Federation.
- Kornienko, A. F. (2017). Categorical system of general psychology. *Science and World*, 12(52, Vol. 2), 73–83. (in Russian)
- Leontiev, D. A. (2018). "Zakrytyi perelom" 1970-kh kak vekha v istorii nauchnoi psikhologii [The "closed fracture" in 1970s as a turning point in the history of academic psychology]. In I. T. Kasavin, T. G. Sokolova, V. A. Lektorskii, E. O. Trufanova, V. A. Mazilov, & V. F. Petrenko (Eds.), *Istoriya i filosofiya nauki v epokhu peremen: sbornik nauchnykh statei* [History and philosophy of science in the time of change: collected works] (in 6 Vols., Vol. 3, pp. 56–59). Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk.
- Leontiev, D. A., Ovchinnikova, E. Yu., Rasskazova, E. I., & Fam, A. Kh. (2019). *Psikhologiya vybora* [The psychology of choice]. Moscow: Smysl.
- Liders, A. G. (2006). Metod poetapnogo formirovaniya v istorii otechestvennoi psikhologii [Method of the gradual formation in the history of Russian psychology]. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya*, 2, 60–67.
- Maidansky, A. D., & Rubtsov, V. V. (2025). On the system of categories of the cultural-historical psychology. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 21(3), 4–14. <https://doi.org/10.17759/chp.2025000001>
- Mamardashvili, M. K. (2010). *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. Moscow: Azbuka.
- Martsinkovskaya, T. D. (2009). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Akademiya.
- Martsinkovskaya, T. D. (2011). Kategoriya otnosheniya v sovremennoi psikhologii [A category of attitude in contemporary psychology]. *Mir Psikhologii*, 4(68), 31–38.

- Martsinkovskaya, T. D., & Orestova, V. R. (2017). Aesthetic paradigm in a transitive world. *Art & Cult*, 27(3), 134–143. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-3-134-143> (in Russian)
- Martsinkovskaya, T. D., Poleva, N. S., & Khoroshilov, D. A. (2024). *Psikhologiya povsednevnosti* [The psychology of daily life]. Moscow: Moskovskii institut psikhoanaliza.
- Petrovsky, A. V., & Petrovsky, V. A. (2014). Kategorial'nyi stroi psikhologii segodnya [The categorical structure of psychology today]. *Razvitie Lichnosti*, 2, 92–124.
- Politzer, G. (1980). *Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie trudy* [Selected philosophical and psychological works]. Moscow: Progress.
- Puzyrei, A. A. (2005). *Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnic. Psychogogic.]. Moscow: Smysl.
- Rubinstein, S. L. (1957). *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Sechenov, I. M. (2023). *Elementy mysli. Nauchno-populyarnye ocherki* [Elements of thoughts. Non-fictional essays]. Moscow: Lenand.
- Sergienko, E. A. (2023). The inner world of man: is the subject of psychology the unified (invitation to discussion). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 44(6), 124–134. <https://doi.org/10.31857/S020595920029080-4> (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2004). The subject matter of psychology (The inner world of human life). *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1(1), 5–19. (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2006). *Mir vnutrennei zhizni cheloveka* [The world of the personal inner life]. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos.
- Shadrikov, V. D., & Mazilov, V. A. (2022). On the psychophysical principle (the subject of psychology). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 43(3), 15–24. <https://doi.org/10.31857/S020595920020492-7> (in Russian)
- Smirnov, S. D. (2005). Metodologicheskii plyuralizm i predmet psikhologii [Methodological pluralism and the subject of psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 3–9.
- Smith, R. (2008). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Akademiya.
- Sokolova, E. E. (2005). *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction of psychology]. Moscow: Akademiya.
- Sokolova, E. E. (2006). Apologiya sistemnogo monizma (K probleme putei integratsii psikhologicheskoi nauki) [Apologia of the systemic monism (On the issue of ways of integration of psychological science)]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 15–23.
- Sokolova, E. E. (2007). Shkola A.N. Leontieva i ee rol' v razvitii deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii [The school of A.N. Leontiev and its role in development of “Activity Theory” approach to psychology]. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 80–103.
- Sokolova, E. E. (2008a). Neterpimost' tolerantnykh (Eshche raz o monizme, plyuralizme i diskusiyakh o metodologicheskikh orientatsiyakh v psikhologii) [The intolerance of the tolerant (Once more on monism, pluralism and the discussions on methodological orientations in psychology)]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 138–146.
- Sokolova, E. E. (2008b). Psikhologi na rasput'e: kakaya metodologiya nuzhna sovremennoi psikhologii? [The psychologists at the crossroads: which methodology is needed for a contemporary psychology?]. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii*, 3(3), 25–42.
- Sokolova, E. E. (2012). Dialekticheskaya logika S.L. Rubinsteina i A.N. Leontieva i logicheskie osnovaniya “setevoi paradigmy” sovremennoi psikhologii [The dialectic logic of S.L. Rubinstein and A.N. Leontiev and the logical foundations of the “network paradigm” of the contemporary psychology]. In A. L. Zhuravlev, T. V. Kornilova, & A. V. Yurevich (Eds.), *Paradigmy v psikhologii*:

- naukovedcheskii analiz* [Frameworks in psychology: scientific analysis] (pp. 380–403). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Sokolova, E. E. (2017). On Cartesianism and Spinozism in contemporary psychology: an opinion from A.N. Leontiev's school. *Voprosy Psikhologii*, 6, 97–107. (in Russian)
- Sokolova, E. E. (2023). *Psikhologiya deyatel'nosti: stanovlenie i perspektivy razvitiya* [The activity psychology: development and perspectives]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
- Stepanova, M. A. (2012). P.Ya. Galperin's attempt of creation of non-classical psychology. *Lomonosov Psychology Bulletin*, 4, 43–52. (in Russian)
- Vasilyuk, F. E. (2003). *Metodologicheskii analiz v psikhologii* [Methodological analysis in psychology]. Moscow: MGPPU; Smysl.
- Velichkovsky, B. M. (2017). Ot issledovaniia soznaniya k razrabotke kognitivnykh tekhnologii [From studies of consciousness to the development of cognitive technologies]. In *Sbornik trudov konferentsii "Sub"ektivnyi mir v kontekste vyzovov sovremennykh kognitivnykh nauk* [Proceedings from the conference "Subjective world in the context of challenges of contemporary cognitive sciences] (pp. 37–57). Moscow: Akvilon.
- Velikhov, E. P., Kotov, A. A., Lektorsky, V. A., & Velichkovsky, B. M. (2018). Interdisciplinary consciousness research: 30 years on. *Voprosy Filosofii*, 12, 5–17. <https://doi.org/10.31857/s004287440002578-0> (in Russian)
- Yaroshevskii, M. G. (1974). *Psikhologiya v XX stoletii* [Psychology in the 20th century]. Moscow: Politizdat.
- Yurevich, A. V. (2018a). Sostav i struktura psikhologicheskogo znaniya [Composition and structure of the psychological knowledge]. In A. L. Zhuravlev & A. V. Yurevich (Eds.), *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Psychological knowledge: Contemporary state and perspectives of development] (pp. 9–34). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Yurevich, A. V. (2018b). Struktura psikhologicheskikh teorii [Structure of the psychological theories]. In A. L. Zhuravlev & A. V. Yurevich (Eds.), *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Psychological knowledge: Contemporary state and perspectives] (pp. 141–159). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Zelenkova, T. V. (2023). To the problem of creating a system-network psychological thesaurus in the context of metamodern. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 6, 109–113. <https://doi.org/10.31857/S020595920029079-2> (in Russian)
- Zhdan, A. N. (2004). *Istoriya psikhologii: ot Antichnosti do nashikh dnei* [History of psychology: from ancient world to nowadays] (5th ed.). Moscow: Akademicheskii proekt.
- Zhuravlev, A. L., Sergienko, E. A., & Vilenskaya, G. A. (Eds.). (2023). *Nauchnye podkhody v sovremennoi otechestvennoi psikhologii* [Scientific approaches in contemporary Russian psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Zinchenko, V. P. (1996). Ot klassicheskoi k organicheskoi psikhologii [From classical to organic psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 5, 7–20.

НЕВИДИМЫЕ ГРАНИ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩЕЙ С ИСКУССТВОМ НОВЫХ МЕДИА В МУЗЕЙНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

М.А. ШЕСТОВА^а

^а Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский институт психоанализа», 121170, Россия, Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14

The Invisible Facets of Personality: Psychological Profiles of Contemporary Youth Engaging with New Media Art in Museum Spaces

М.А. Шестова^а

^а Moscow Institute of Psychoanalysis, 34/14 Kutuzovskiy Prospekt, Moscow, 121170, Russian Federation

Резюме

Несмотря на то что в зарубежной научной литературе широко представлены исследования, демонстрирующие связи индивидуально-психологических особенностей личности с практиками посещения музеев, вклад личностных черт исследуется, как правило, изолированно. Данное ограничение приводит к упущению роли целостной организации личности, проявляющейся в специфическом сочетании черт, в связи с чем возникает основной исследовательский вопрос: каковы особенности латентных личностных профилей у молодежи, часто и редко взаимодействующей с искусством новых медиа в музейных пространствах?

Abstract

Despite the fact that there is a wide range of studies in the foreign scientific literature that demonstrate the relationship between individual psychological characteristics and museum visiting practices, the contribution of these personality traits is typically studied in isolation. This approach limits our understanding of the role of the holistic organization of personality, which is manifested in specific combinations of traits. This leads to the main research question: What are the features of latent personality profiles among young people who frequently and rarely engage

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-78-00127, тема проекта: «Эстетический опыт искусства новых медиа как фактор развития эмоционально-личностной сферы подростка». <https://rscf.ru/project/24-78-00127/>

The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No 24-78-00127, title of the project “The aesthetic experience of new media art and its impact on the emotional and personal development of adolescents”. <https://rscf.ru/en/project/24-78-00127/>

Выборку исследования составила студенческая молодежь (N = 342) в возрасте от 16 до 25 лет. С помощью психодиагностических методик измерялись следующие переменные: интерес к искусству, отзывчивость на красоту, эстетический опыт, эмпатия, отношение к технологиям, морально-этическая ответственность личности. Анализ латентных профилей (Latent Profile Analysis), а также робустный дисперсионный анализ и многономиальная логистическая регрессия позволили выявить на выборке молодежи, часто и редко посещающей музеи, 4 личностных профиля: «Индифферентные», «Отзывчивые и восприимчивые», «Эмоционально вовлеченные искатели трансцендентных переживаний», «Эксперты и аналитики», а ключевым социально-демографическим предиктором, определяющим принадлежность к тому или иному профилю, оказалась профессиональная вовлеченность респондентов в сферу искусства. Полученные результаты могут быть использованы руководителями музеев и галерей, кураторами и маркетологами с целью разработки адресных коммуникативных стратегий и культурных продуктов для привлечения новой аудитории и укрепления лояльности уже привлеченных посетителей за счет учета их психологических профилей.

Ключевые слова: личность, эмоционально-личностная сфера, эстетический опыт, интерес к искусству, сопричастность к красоте, отношение к технологиям, эмпатия, морально-этическая ответственность личности, молодежь, новые медиа, музей.

Шестова Мария Александровна — заведующая лабораторией, лаборатория психологии искусства и эстетического опыта, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология искусства, экспериментальная эстетика, психология личности, экспериментальная психология, когнитивная психология, эстетический опыт.
Контакты: shestova-ma@inpsycho.ru

with new media art in museums? The study sample consisted of students N = 342 aged 16 to 25 years. The following variables were measured using psychodiagnostic tools: art interest, engagement with beauty, aesthetic experience, empathy, attitude towards technology, moral and ethical responsibility of the personality. The data was processed using latent profile analysis, robust variance analysis, and multivariate logistic regression. As a result of the analysis, 4 personality profiles were identified in a sample of young people who often and rarely visit museums: “Indifferent”, “Responsive and receptive”, “Emotionally engaged seekers of transcendent experiences”, “Experts and analysts” and the key socio-demographic predictor determining belonging to a particular profile turned out to be the respondents’ professional involvement in the field of art. The results obtained can be used by museum and gallery managers, curators, and marketers to create targeted communication strategies and cultural products that appeal to new audiences and retain the loyalty of existing visitors. This is possible by taking into account the psychological profiles of visitors.

Keywords: personality, aesthetic experience, art interest, engagement with beauty, attitude towards technology, empathy, moral and ethical responsibility of the personality, youth, new media, museum.

Mariia A. Shestova — Head of the Laboratory, the Laboratory of Psychology of Art and Aesthetic Experience, Moscow Institute of Psychoanalysis, PhD in Psychology.

Research Area: psychology of art, experimental aesthetics, psychology of personality, experimental psychology, cognitive psychology, aesthetic experience.
E-mail: shestova-ma@inpsycho.ru

Искусство новых медиа как отдельное направление появляется в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Отцом данного направления принято считать Нам Джун Пайка (представителя художественного движения «Fluxus» (Раш, 2018), члены которого активно экспериментировали с технологиями), впервые начавшего создавать видеарт — инсталляции из телевизоров¹, которые использовались им как объекты искусства. На смену телевидению пришли компьютерные технологии и первые попытки разрабатывать интерактивное² и сетевое³ искусство. С резким развитием технологий генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ), начавшимся во второй половине 2010-х и достигшим пика в 2020-х гг., стало появляться все больше ИИ-художников, которые создают произведения искусства новых медиа, экспериментируя посредством промта⁴.

В данной работе делается акцент на взаимодействии с искусством новых медиа⁵ в музейных пространствах, так как, во-первых, активная цифровизация сферы культуры и искусства приводит к тому, что даже в традиционных музеях, таких как Третьяковская галерея, все чаще можно встретить искусство новых медиа⁶, кроме того, стоит учитывать, что профиль музея не означает приверженность традиционным форматам искусства, в качестве примера можно привести музей исторической направленности — Еврейский музей, содержащий множество экспозиций, в которых представлено искусство новых медиа (имеются в виду не только экспозиции с мультимедийными

¹ В пример можно привести работу «Zen for TV» (1963): телевизор, показывающий не передачи, а только вертикальную полосу, свидетельствующую о его неисправности.

² Джеффри Шоу в 1994 г. создает «Читаемый город»: посетитель движется на велотренажере перед большим экраном, на котором демонстрируются улицы города, образованные буквами, подробнее см.: <http://www.medienkunstnetz.de/werke/the-legible-city/>

³ Ольга Лялина в 1996 г. создает одну из наиболее значимых работ в направлении сетевого искусства: «Мой парень вернулся с войны». Работа рассказывает историю пары, встретившейся после разлуки, посредством черно-белого сайта, написанного на HTML. Переходя по ссылкам, читатель может влиять на ход сюжета посредством театральных свойств интерфейса и считать уникальную историю, подробнее см.: <https://moscowartmagazine.com/issue/116/article/2502>

⁴ Промт — это запрос, команда или набор инструкций, которые пользователь передает нейросети или другой программе с искусственным интеллектом для выполнения определенной задачи. В качестве примера можно привести работы современной художественной группы «Березовый промт» (<https://berezaprompt.ru/>).

⁵ Под «новыми медиа» понимается зонтичная категория художественных форм, производимых и/или транслируемых посредством цифровых и вычислительных средств, к которым можно отнести интерактивные и иммерсивные инсталляции, дополненную и виртуальную реальность (AR/VR), генеративные и сетевые практики, видеарт, а также технологии искусственного интеллекта, NFT, голографии, видеомэппинга, ольфакторных и иных мультимодальных систем (Манович, 2018).

⁶ В качестве примера можно привести состоявшуюся весной 2025 г. выставку «Человек и искусственный интеллект»: <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/o/chelovek-i-neyrosetikto-kogo-sozdayet/>

системами, но и интерактивные и иммерсивные инсталляции). Во-вторых, музеи и галереи обеспечивают эстетическую и смысловую рамку, отличающую произведение искусства от повседневного цифрового опыта. Согласно Борису Гройсу, одному из самых влиятельных современных теоретиков искусства, повседневный цифровой опыт — это хаотичный поток информации, характеризующийся избыточностью, равнозначностью, непосредственностью и сиюминутностью. Состояние «Вне потока» — это состояние предметов искусства, которые были изъяты из этого потока благодаря акту кураторского, музейного или художественного отбора. Музей или галерея — это и есть институции по «остановке потока». Главная функция музея, по Б. Гройсу, спасти предметы искусства от их поглощения медиапоток. Б. Гройс спорит с В. Бенямином и говорит о том, что музей сегодня создает новую ауру, которая возникает не из-за уникальности объекта, но из-за самого акта погружения его в контекст музея и изъятия из потока (Groys, 2018). В связи с чем мы делаем вывод, что повседневный опыт взаимодействия с медиа не может быть приравнен к взаимодействию с искусством новых медиа в музейных пространствах.

Согласно историко-эволюционному подходу, предложенному А.Г. Асмоловым, возникновение личности связано с культурными практиками и объясняется гипотезой о преадаптивных феноменах культуры как критериях порождения личности в антропосоциогенезе: «...начертательная деятельность, искусство, специфически человеческая деятельность по освоению пространства и времени сыграли не меньшую роль в формировании человека, чем, например, изготовление орудий труда» (Асмолов, 2007, с. 311). Современный социально-исторический образ жизни, являющийся источником развития личности, отличается растущим обилием технологий, трансформирующих сферу искусства через активное внедрение новых медиа (например, интерактивные инсталляции, цифровые полотна, экспозиции содержащие элементы виртуальной или дополненной реальности и т.п.), иначе говоря, личность развивается, осваивая актуальные для своей эпохи «культурные орудия». Основываясь на данном подходе, можно предположить, что молодежь, часто и редко взаимодействующая с искусством новых медиа, представленных в музейных пространствах, будет обладать различными личностными профилями.

С точки зрения историко-эволюционного подхода снимается оппозиция «личность – общество», что означает: личность развивается в обществе, но, развившись, становится способной выбирать (принцип активности) свою деятельность, преобразовывать социальную ситуацию и порождать новые культурные практики. Данные зарубежных исследований поддерживают ключевой для историко-эволюционного подхода принцип активности личности, находящий свое выражение в избирательности культурных практик. Например, показано, что личностные черты вносят вклад в частоту посещения музеев (Meyer et al., 2023; Vilatte et al., 2016), в том числе и в онлайн-формате (Rodriguez-Boerwinkle, Silvia, 2024), а также в предпочтения определенных направлений искусства, представленных в музеях (Mastandrea et al.,

2009). Несмотря на то что можно найти примеры исследований, в которых показывается положительный вклад эмпатии (Yi et al., 2024; Nechita, Rezeanu, 2019), отношения к технологиям (Lee, Youn, 2024) и толерантности к неопределенности (Pietras, Czernecka, 2018) в эстетический опыт (далее — ЭО) и отдельные его компоненты или, наоборот, где эстетика, ЭО и музейные практики приводят к развитию эмпатии (Crețan et al., 2018) и моральных ценностей (Hubard, 2020), а также способствуют более позитивному отношению к технологиям (Wan et al., 2024), отсутствуют комплексные исследования, в которых эстетический опыт изучался бы не в отдельных взаимосвязях, а в структуре латентных личностных профилей.

В качестве примера, в котором нашел отражение целостный подход, можно привести исследование, выявившее классификацию посетителей, но не на основе психологических показателей, а по сочетанию аспектов устойчивого развития музеев (культурный, экономический, социальный и экологический), в котором показано, что среди представителей поколения Z есть несколько групп: «Осознанные» посетители, для которых важны все аспекты; «Ищущие впечатлений», для которых особенно важны социальный аспект и музей как место, где можно образовываться через развлечение; «Энтузиасты к обучению» — для них важно, чтобы музей, сохраняя свою просветительскую направленность, не упрощал знания для всех; для всех трех групп музей в первую очередь должен реализовывать культурный аспект — сохранять коллекции и создавать интерпретации культурного наследия для будущих поколений, при этом экономический аспект оказывается незначимым, поколение Z не считает, что музей должен ориентироваться на прибыль (Ásványi, Fehér, 2023).

Вместе с тем, нам удалось найти всего один пример, в котором проводился бы анализ латентных классов по личностным переменным на выборке посетителей музея (Lewalter et al., 2015). Уникальность данного исследования заключается в том, что авторы выделили группы посетителей не по традиционным демографическим признакам (см., например: Hanquinet, 2013; Lukáč et al., 2024), а на основе комплекса психологических характеристик, таких как предварительные знания, интерес к тематике выставки, эпистемологические убеждения, толерантность к неопределенности и самооффективность (уверенность в своей способности разрешать когнитивные противоречия). На основе этих переменных было выделено несколько профилей: «Верящие в стабильность» — им сложнее всего дается восприятие противоречивой информации, их толерантность к неопределенности низка; «Уверенные и верящие авторитетам» — их знания и интерес к искусству высоки, однако их эпистемологические убеждения недостаточно развиты, вследствие чего они склонны доверять авторитетам; «Сомневающиеся скептики» — обладают высокими показателями толерантности к неопределенности, развитыми эпистемологическими убеждениями, их характеризуют высокий интерес и хорошие знания, но низкая самооффективность.

Постановка проблемы: как показывает приведенный выше литературный обзор, во-первых, большинство исследований изучают вклад личностных

особенностей в ЭО, не разделяя выборки на часто и редко посещающих музеи, во-вторых, отсутствуют исследования о вкладе в культурные практики морально-этической сферы личности и, в-третьих, вклад личностных черт исследуется, как правило, изолированно. Данное ограничение приводит к упущению роли целостной организации личности, проявляющейся в специфическом сочетании черт, что приводит к формулировке нами основного исследовательского вопроса: каковы особенности латентных личностных профилей у молодежи, часто и редко взаимодействующей с искусством новых медиа в музейных пространствах? Мы ожидаем, что у молодежи, чаще посещающей музеи, т.е. пространства, где возможно взаимодействие с искусством новых медиа, более развитая и гармоничная эмоционально-личностная сфера: они обладают более высокими показателями эстетического опыта, интереса к искусству, сопричастности к красоте, более развитой эмпатией и морально-этической ответственностью личности, а также позитивным отношением к технологиям, нежели те, кто редко посещает музеи.

Метод

Выборка

В исследовании приняли участие студенты РГХПУ имени С.Г. Строганова, Московского института психоанализа и Московского городского открытого колледжа. Выборку редко посещающих составило 155 студентов в возрасте от 16 до 24 лет ($M = 18.9$; $SD = 1.8$), среди них 83% женщин и 17% мужчин. Выборку часто посещающих составило 187 студентов в возрасте от 16 до 25 лет ($M = 19.1$; $SD = 1.8$), среди них 66% женщин и 34% мужчин.

Методики исследования

1. Шкала интереса к искусству (Шестова и др., 2025). Методика содержит ряд вопросов, с разных сторон затрагивающих интерес к искусству, ответы даются по шкале Ликерта от 1 до 7.

2. Шкала сопричастности к красоте (Sabadosh, 2017). Методика содержит 4 шкалы, отражающие сопричастность (или отзывчивость) к различным доменам красоты: к «Красоте искусства», «Красоте природы», «Красоте тела», «Красоте идей». Отзывчивость на красоту измеряется с помощью 4 аспектов, которые образуют шкалы второго измерения — вовлеченности: «Когнитивная» — осознание и восприятие красоты на интеллектуальном уровне, способность замечать, узнавать и обращать внимание на прекрасное в окружающем мире; «Эмоциональная» — глубокий эмоциональный отклик на красоту, красота не просто замечена, она «трогает» и вызывает резонанс; «Телесная» — непровольные телесные изменения, которые возникают в ответ на встречу с красотой; «Духовная» — чувство связи с чем-то большим, выходящим за пределы обыденного опыта, чувство единения с миром или вселенной, ощущение гармонии, любви ко всему сущему или глубокого внутреннего покоя.

3. Опросник когнитивной и аффективной эмпатии (Белоусова, Гейвандова, 2021). Методика содержит 5 шкал, 2 относятся к когнитивной эмпатии: «Децентрация» — способность понимать и учитывать точку зрения другого человека; «Подстройка» — способность поставить себя на место другого, чтобы представить его чувства; 3 шкалы — к аффективной эмпатии: «Эмоциональная заразительность» — непроизвольное «заражение» эмоциями других людей; «Проксимальная чувствительность» — эмоциональная реакция на переживания людей из близкого круга; «Периферическая чувствительность» — эмоциональный отклик на переживания незнакомых людей или героев произведений искусства.

4. Опросник отношения к технологиям (Солдатова и др., 2021). Методика содержит 4 шкалы, отражающие позитивное и негативное отношение к технологиям: «Технофилия» — удовольствие от использования и готовность к освоению новых технологий; «Технорационализм» — отражает осознанное использование технологий; «Технофобия» — отражает тревогу и страх, связанные с использованием технологий, сопротивление освоению новых технологий, стремление к полному отказу от использования технологий; «Технопессимизм» — мировоззренческая установка, отражающая отношение к техническому прогрессу как основному источнику дисбаланса природы и человека.

5. Диагностика уровня морально-этической ответственности личности (Тимошук, 2004). Методика включает следующие шкалы: «Альтруистические эмоции» — способность к сопереживанию (эмпатии), состраданию, искреннему желанию помочь другому человеку без ожидания личной выгоды; «Морально-этические ценности» — значимость для человека традиционных нравственных принципов (честность, справедливость, долг, забота) и того, насколько эти ценности являются реальными ориентирами в его жизни и поведении; «Рефлексия на морально-этические ситуации» — насколько человек склонен обдумывать этические аспекты своих поступков и их последствия; «Интуиция в морально-этической сфере» — способность к быстрой, не всегда осознанной оценке ситуации с моральной точки зрения; «Экзистенциальная ответственность» — восприятие ответственности как фундаментальной, глубоко личностной категории, связанной со смыслом жизни, свободой выбора и осознанием последствий своих действий не только перед другими, но и перед самим собой.

6. Опросник эстетического опыта искусства новых медиа (Шестова, Кожухарь, 2025). Методика создана с опорой на теорию потока М. Чиксентмихайи и Р. Робинсона и состоит из 6 шкал. Первые четыре показывают структуру опыта: «Перцепция» — внимание к деталям произведения: цвету, форме, текстуре; «Культура» — умение видеть связь произведения с культурой и историей; «Эмоции» — возникающие чувства и эмоции; «Понимание» — стремление осмыслить произведение, опираясь на свой жизненный опыт. Следующие две шкалы описывают, как именно переживается глубокий опыт, состояние потока: «Поток — проксимальные условия» — отражает соответствие сложности произведения имеющимся у зрителя знаниям и навыкам;

«Поток – опыт» — переживание аутоотелического состояния (предельная концентрация, потеря рефлексии и чувства времени).

В дополнение к указанным выше методикам респонденты заполняли социально-демографическую анкету, включившую в себя вопросы о возрасте, поле, частоте посещения музеев, в том числе мультимедиа, будущей специальности, профессии и уровне образования родителей, уровне дохода семьи, количестве посещенных в период обучения в школе и колледже дополнительных занятий в сфере искусства. Данный набор социально-демографических характеристик учитывался в анализе в качестве предикторов.

Для разделения респондентов на группы «редких» и «частых» посетителей был применен следующий операциональный критерий, основанный на данных Всероссийского центра изучения общественного мнения⁷: «Редкие посетители» — не более трех раз в год; «Частые посетители» — от четырех до восьми раз в год. Отметим, что критерий разделения респондентов основан на общей частоте посещения музеев любого профиля, поскольку искусство новых медиа в современной практике интегрируется в экспозиции самых разных институций — от классических художественных галерей до исторических музеев.

Процедура: участники исследования заполняли распечатанные бланки в групповом формате в присутствии исследователя. Сначала заполнялось информированное согласие на участие (анонимное), затем социально-демографическая анкета, а после психодиагностические методики.

Математическая обработка данных

Анализ данных проводился с помощью языка программирования R (версия 4.5.1) в среде RStudio, с применением следующих библиотек и статистических пакетов: «missForest» — для восполнения пропущенных данных методом, основанным на случайных лесах; «tidyLPA» — для проведения анализа латентных личностных профилей (Latent Profile Analysis, далее — LPA); пакета «nnet» — для проведения многономиальной логистической регрессии; «WRS2» — для проведения робустного дисперсионного анализа.

Схема статистического анализа данных:

1) восполнение пропущенных данных с помощью пакета «missForest», реализующего метод случайных лесов;

2) поиск оптимального количества латентных классов (процедура LPA) на основании личностных переменных. Для определения пригодности построенных моделей использовались следующие показатели Log-Likelihood (LogLik) — мера соответствия модели данным; информационные критерии: Akaike Information Criterion — AIC, Bayesian Information Criterion — BIC, Sample-Adjusted BIC — SABIC (последний предпочтительнее при объеме выборки менее 500 респондентов) — меньшие значения этих показателей говорят в пользу более хорошей модели; Энтропия (Entropy) — оценка качества классификации (чем

⁷ См.: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poshli-v-muzei>

ближе к 1, тем лучше), BLRT (Bootstrapped Likelihood Ratio Test), который проверяет, улучшает ли добавление нового класса модель (если $p < 0.05$, то добавление нового класса статистически значимо улучшает модель); а также prob min и prob max — минимальная и максимальная вероятность того, что наблюдения принадлежат к своему классу, чем ближе к 1, тем больше соответствия (Nylund et al., 2007);

3) после выделения классов для определения переменных, статистически достоверно дифференцирующих классы, был проведен робустный дисперсионный анализ для каждой личностной переменной с последующей поправкой на множественные сравнения и расчетом размера эффекта (Explanatory Measure of Effect Size — ξ), который не имеет универсальных диапазонов, поэтому мы ориентировались на показатели, превышающие 0.60;

4) многономиальная логистическая регрессия (MLR) — для поиска статистически достоверно значимых социально-демографических предикторов (внешних коррелятов) для выделенных на втором этапе латентных классов. Данный метод позволяет оценить направление влияния каждого предиктора на вероятность отнесения (Odds ratio) респондента к тому или иному латентному классу.

Результаты исследования

Результаты анализа личностных латентных профилей, робустного дисперсионного анализа, а также многономиальной логистической регрессии в группах, часто и редко посещающих музеи, представлены в таблицах 1, 2 и 3.

Таблица 1

Личностные латентные профили молодежи, часто и редко посещающей музеи

Показатели	Музеи редко N = 155		Музеи часто N = 187	
	3 класса	4 класса	3 класса	4 класса
LogLik	-5772.77	-5663.09	-7067.76	-6985.92
AIC	11781.55	11622.18	14371.51	14267.85
BIC	12140.67	12072.61	14752.78	14746.05
SABIC	11767.17	11604.16	14379.03	14277.28
Entropy	0.938	0.943	0.925	0.920
BLRT val	312.52	219.81	360.12	170.11
BLRT p	< 0.01	< 0.01	< 0.01	< 0.01
Prob. Min.	0.961	0.958	0.963	0.920
Prob. Max.	0.980	0.996	0.985	0.974
Респондентов в классах	35, 39, 81	32, 54, 24, 45	76, 28, 83	61, 70, 20, 36

Таблица 2

Перечень переменных, статистически достоверно дифференцирующих выделенные классы

Переменная	Музеи редко	Размер эффекта Музеи редко	Музеи часто	Размер эффекта Музеи часто
Интерес к искусству	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	0.73	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4	0.58
Красота природы	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	0.94	1>2;1>3;1>4;2>3;3<4	0.78
Красота искусства	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	0.92	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.95
Красота идей	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	1.08	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.86
Красота нравственная	1<2;1<3;1<4;2<3;3>4	0.91	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.82
Красота когнитивная	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	0.87	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.76
Красота телесная	1<2;1<3;1<4;2<3;3>4	0.87	1>2;1>3;1>4;2>3;3<4	1.00
Красота эмоциональная	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	1.02	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.92
Красота духовная	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	0.93	1>2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.97
Децентрация	1<2;1<3;1<4;2<4	0.48	2>4	0.36
Подстройка	1<3;1<4;2<3;2<4	0.66	1>4;2>3;2>4	0.51
Эмоциональная заразительность	1<4	0.43	2>3;2>4	0.39
Проксимальная чувствительность	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4	0.63	1>3;1>4;2>3;2>4	0.57
Периферическая чувствительность	1<4;2<4	0.42	1>4;2>4	0.50
Технофилия	нет значимых различий	--	1<2;2>4	0.45
Технорационализм	1<4;2<3;2<4	0.49	1<2;2>3;2>4	0.39
Технофобия	1<2;1<3;2>4	0.49	3<4	0.40
Технопессимизм	1<2;1<3;1<4	0.43	нет значимых различий	--
Рефлексия на морально-этические ситуации	нет значимых различий	--	1>3;2>3	0.31
Интуиция морально-этическая	1<2;1<3;1<4;2<4	0.44	1<2;2>4	0.35
Экзистенциальная ответственность	нет значимых различий	--	1<2;2>4	0.44

Таблица 2 (окончание)

Переменная	Музеи редко	Размер эффекта Музеи редко	Музеи часто	Размер эффекта Музеи часто
Альтруистические эмоции	1<3;1<4;2<3;2<4	0.58	2>4	0.35
Эмоциональный компонент ЭО	1<3;1<4;2<3;2<4;3<4	0.61	1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.66
Культурный компонент ЭО	1<2;1<3;1<4;2<4	0.60	1<2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.64
Перцептивный компонент ЭО	1<4;2<4	0.40	1<2;1>3;1>4;2>3;2>4	0.65
Понимание компонент ЭО	1<3;1<4;2<3;2<4	0.57	1<2;1>3;1>4;2>3;2>4;3<4	0.76
Поток-Прокси компонент ЭО	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4	0.58	1>3;1>4;2>3;2>4	0.62
Поток-Опыт компонент ЭО	1<2;1<3;1<4;2<3;2<4;3>4	0.73	1<2;1>3;1>4;2>3;2>4	0.59

Примечание. В таблице указаны только те переменные, по которым были выявлены статистически значимые различия на уровне $p < 0.05$; $A < B$ — значения в классе А статистически значимо ниже, чем в классе В; $A > B$ — значения в классе А статистически значимо выше, чем в классе В.

Анализ показателей пригодности модели позволяет сделать вывод о том, что для тех, кто редко и часто посещает музеи, лучшей моделью является 4-классовая, так как, во-первых, добавление 4-го класса улучшает модель ($BLRT < 0.05$), а, во-вторых, показатели информационных критериев ниже, чем у 3-классовой (чем ниже показатели информационных критериев, тем модель лучше). Единственным недостатком 4-классовой модели является малое количество респондентов в одном из классов, однако этот класс хорошо содержательно интерпретируется. На рисунках 1 и 2 представлены графики средних значений. На графиках по оси ординат (Y) отмечено среднее значение по шкалам методик в z-баллах; цветными линиями отмечены сами латентные профили, черным цветом — профиль 1, красным — профиль 2, зеленым — профиль 3 и синим — профиль 4, названия профилей приводятся в разделе «Результаты».

Как показывает таблица 3, из всего отобранного нами перечня социально-демографических предикторов статистически значимыми оказались только три: профессия респондента (ее связь с искусством), уровень образования матери и порядок рождения, при этом наибольший вклад вносит именно профессия респондента, так как по выборке молодежи, часто посещающей музеи, этот показатель в 15.8 раза повышает шансы оказаться в классе 2 и в 12.7 раза повышает шансы оказаться в 4-м классе, которые, забегая вперед, скажем, отличаются большей вовлеченностью в искусство и отзывчивостью на красоту, чем классы 1 и 3.

Рисунок 1

График средних значений по выборке редко посещающих музеев

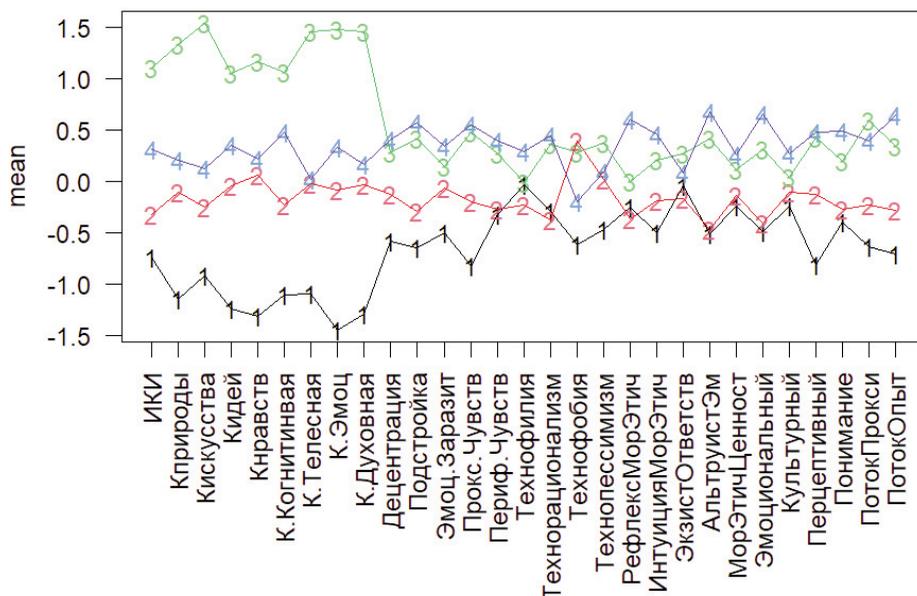

Рисунок 2

График средних значений по выборке часто посещающих музеев

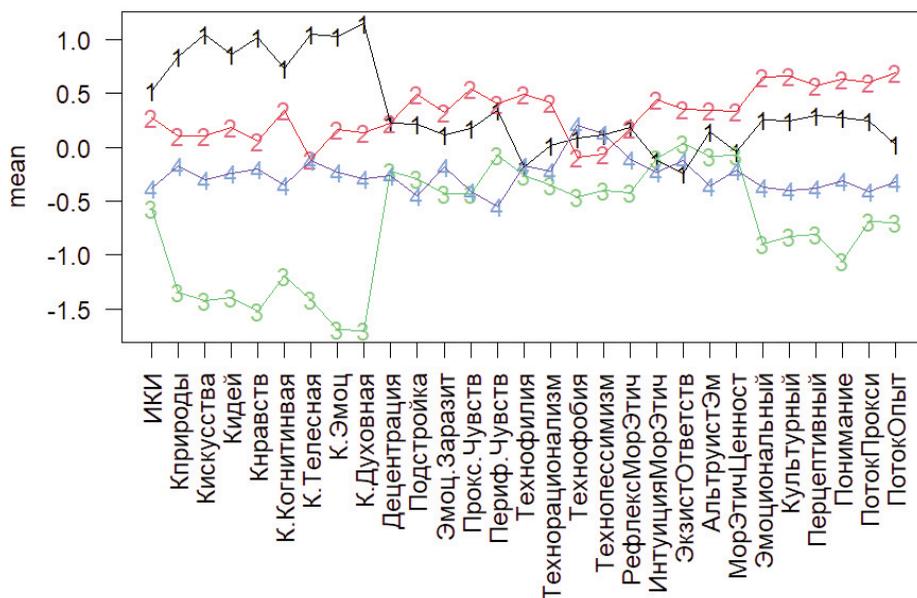

Таблица 3

Список значимых социально-демографических предикторов для молодежи, часто и редко посещающей музеи, на материале анкеты 1

Предиктор	Значимость	Отношение шансов
Музеи редко		
Профессия респондента	1–2 класс; $p = 0.05$	2.91
Уровень образования матери	1–4 класс; $p = 0.04$	1.74
Порядок рождения	1–2 класс; $p = 0.03$	0.44
Музеи часто		
Профессия респондента	1–2 класс; $p = 0.01$	15.8
	1–4 класс; $p = 0.02$	12.7

Описание латентных профилей молодежи, редко посещающей музеи

Класс 1 — «Индифферентные к искусству, красоте и технологиям, обладающие слаборазвитой эмпатией и морально-этической сферой личности». Представители этого класса обладают наиболее низкими показателями интереса к искусству и отзывчивостью на красоту по всем доменам. Их ЭО беден, они не склонны к переживанию потоковых состояний при созерцании произведений искусства, а также не ищут связей произведения с исторической эпохой. Показатели эмпатии, а также морально-этической ответственности личности у них снижены. У респондентов, образующих 1-й класс, такое же индифферентное отношение и к современным технологиям: у них отсутствует тревога и глобальное, мировоззренческое критическое отношение к техногенному прогрессу, их картина мира, по-видимому, не включает в себя рефлексию на эту тему.

Класс 2 — «Восприимчивые к искусству и красоте, боящиеся новых технологий, с умеренно развитой морально-этической сферой, эмпатичные личности». Представители данного класса характеризуются более высокими, в сравнении с 1-м классом, показателями интереса к искусству, а также в большей мере способны отзываться на красоту и имеют более высокие показатели ЭО (в компонентах: перцептивный и поток-опыт). К основным характеристикам можно отнести более развитую способность взглянуть на ситуацию глазами другого человека и больший отклик на переживания близких и родных людей. Однако в морально-этической сфере они уступают представителям класса 4: им в меньшей степени свойственно проявлять альтруистические эмоции и сложнее принимать решения по морально-этическим вопросам на основании интуиции. Для них также характерны наибольшая (среди всех классов) выраженность беспокойства, сопротивления и дискомфорта по отношению к использованию технологий и наличие пессимистического мировоззрения относительно технологического прогресса (в сравнении с классом 1). Анализ социально-демографических предикторов показывает, что для первенцев и тех, чья профессия связана с искусством, шансы оказаться в классе 2 выше, чем в классе 1.

Класс 3 (самый малочисленный) — «Эмоционально вовлеченные в искусство и красоту, открытые к новым технологиям, альтруистичные и эмпатичные искатели трансцендентных переживаний». Представители этого класса обладают самыми высокими относительно других классов показателями интереса к искусству, отзывчивости на красоту и ЭО. Они настоящие ценители, для которых искусство — источник потоковых состояний, смыслов и духовной связи с миром. В сравнении со всеми остальными классами респонденты, образующие класс 3, характеризуются умением выстраивать глубокие эмпатические связи: им удается достигать наилучшего понимания и эмоционального резонанса в близких, значимых отношениях, также у них более выражены альтруистические эмоции в сравнении с классом 1. Респонденты, образующие третий класс, характеризуются противоречивым отношением к новым технологиям: с одной стороны, они готовы активно пользоваться новыми технологиями и осваивать их, а с другой, боятся их (больше, чем класс 1) и отчетливо видят связанные с глобальной технологизацией риски и проблемы.

Класс 4 — «Заинтересованные в анализе искусства и умеренно отзывчивые к красоте, полагающиеся на интуицию в вопросах морали, уверенные пользователи современных технологий». Представители данного класса характеризуются умеренно высокими показателями интереса к искусству, отзывчивостью к красоте, они превосходят по этим показателям класс 2, но уступают представителям класса 3. Их ЭО является наиболее эмоционально насыщенным и интенсивным из всех групп, при этом у них высокие относительно классов 1 и 2 показатели понимания искусства и погружения его в исторический контекст, что говорит о склонности к анализу произведения и обращению к своим профессиональным знаниям. Однако они проигрывают классу 3 в переживании потока, это значит, что представители класса 4 получают от искусства яркие, сильные, но, возможно, более поверхностные впечатления, чем представители класса 3, можно предположить, что их эмоции способствуют познанию искусства. Что касается показателей эмпатии, то у респондентов, образующих класс 4, более выражена аффективная эмпатия, они легко заражаются эмоциями других людей, и при этом у них снижена когнитивная эмпатия (подстройка), т.е. они не стремятся понять или отразить чувства и переживания других людей. К особенностям морально-этической сферы можно отнести то, что им свойственно возникновение альтруистических эмоций, которые носят скорее импульсивный характер, чем осознанный стиль взаимодействия с другими (как, вероятно, у класса 3). У респондентов, образующих класс 4, быстрее и увереннее срабатывает «внутренний моральный компас», чем у представителей классов 1 и 2. Представителей класса 4 в их отношении к новым технологиям можно охарактеризовать как видящих в технологиях полезный инструмент и признающих наличие рисков, связанных с глобальной технологизацией, при этом они не испытывают выраженной тревоги или страхов; новые технологии для них — рутинная и неотъемлемая часть жизни, которую они принимают без лишних переживаний и глубокой рефлексии. Анализ социально-демографических предикторов показывает, что

для тех, чьи матери обладают более высоким уровнем образования, шансы оказаться в классе 4 в 1.74 раза выше, чем в классе 1.

Описание латентных профилей молодежи, часто посещающей музеи

Класс 1 — «Эмоционально вовлеченные в красоту и искусство, эмпатичные искатели трансцендентных переживаний, не готовые брать ответственность за свою жизнь и не заинтересованные в освоении новых технологий». Представители данного класса характеризуются наиболее высокими среди всех других классов показателями интереса к искусству и отзывчивостью к красоте (в особенности к красоте духовной), а их ЭО отличается более глубокими переживаниями и способностью входить в потоковые состояния при взаимодействии с искусством новых медиа, при этом они не ищут глубинных смыслов, уделяют меньше внимания деталям произведения (цвет, форма, текстура) и в меньшей степени стремятся установить связь произведения с культурным и историческим контекстом, что отличает их от представителей класса 2. Их морально-этическая сфера находится на умеренно низком уровне развития, так они не берут ответственность за свою жизнь и свободу выборов, а также не склонны к интуитивной оценке ситуации с моральной точки зрения, что, однако, компенсируется их высокой способностью к рефлексии морально-этических ситуаций. По показателям эмпатии этот класс отличается высокой аффективной вовлеченностью в переживания людей из близкого круга, а также в переживания незнакомых людей или героев произведений искусства и при этом высокой способностью представить, что чувствует другой в той или иной ситуации, что отличает их от представителей классов 3 и 4. Представители класса 1 в сравнении с классом 2 в меньшей степени готовы осваивать новые технологии, процесс освоения не приносит им удовольствия, а само их использование характеризуется меньшей осознанностью и рациональностью.

Класс 2 — «Аналитики и знатоки в сфере искусства, готовые брать ответственность за свою жизнь, эмпатичные адепты новых технологий». Респонденты, образующие этот класс, отличаются выраженным интересом к искусству и высокими показателями отзывчивости на красоту, однако их показатели ниже, чем у класса 1. При этом у них наиболее высокие среди всех классов показатели ЭО: они в большей мере, чем представители класса 1, анализируют связи произведения с культурным и историческим контекстом, у них выражено стремление к осмыслению произведения и его интерпретации, осуществляемой с опорой на свой жизненный опыт и знания. Представители этого класса глубже и легче погружаются в потоковые состояния при взаимодействии с искусством новых медиа. Их профиль эмпатии более сбалансированный, чем у класса 1, и имеет более выраженные показатели, чем в классах 3 и 4: представители класса 2 сочетают в себе развитую способность понимать чувства других и умение смотреть на ситуацию глазами другого человека (когнитивная эмпатия) с глубокой способностью вчувствоваться в эмоции и переживания других (аффективная эмпатия). Представители этого класса

обладают также и наиболее гармонично развитым морально-этическим профилем: их решения относительно ситуаций, актуализирующих сферы этики и морали, — интуитивные и быстрые, но не импульсивные, так как подкреплены глубоким чувством личной ответственности не только перед самими собой, но и перед другими, возможно, представители этого класса являются ориентиром для других в вопросах этики и морали. Их отношение к технологиям характеризуется наибольшей рациональностью среди всех классов, они испытывают большое удовольствие от освоения и использования технологий, технологии для них — источник интереса и радости. Анализ социально-демографических предикторов для данного класса показывает, что у тех респондентов, чья профессия связана с искусством, шансы оказаться в классе 2, а не в классе 1 в 15.8 раза выше.

Класс 3 (самый малочисленный) — «Индифферентные к искусству и красоте, со слабо развитой эмпатией, сниженной моральной рефлексией и нейтральным отношением к технологиям». Представители данного класса характеризуются наименьшими относительно всех классов показателями интереса к искусству и отзывчивости к красоте. Показатели ЭО у них ниже, чем у представителей классов 1 и 2. Представители класса 3 обладают сниженной как когнитивной, так и аффективной эмпатией: им не свойственно «встать на место другого», они в меньшей степени способны откликнуться на переживания других людей, причем как близкого, так и дальнего круга, не склонны к эмоциональному заражению, таким образом, эмоциональный контакт с другими не является для них естественным или приоритетным способом взаимодействия. Касательно морально-этической сферы, у представителей класса 3 наименее развитая моральная рефлексия — это означает, что вопросы морали не являются предметом глубокого осмысления. В отношении новых технологий класс 3 характеризуется как менее тревожный, чем класс 4, но и менее позитивно и осознанно настроенный, чем классы 1 и 2.

Класс 4 — «Отзывчивые на красоту природы, со слабо развитой морально-этической сферой личности и сниженной эмпатией, тревожные в отношении новых технологий». Интерес к искусству и отзывчивость на красоту у данного класса выше, чем у класса 3, но ниже, чем у классов 1 и 2, ключевой особенностью является то, что они могут глубоко чувствовать природу, но оставаться равнодушными к искусству или абстрактным идеям. Показатели ЭО искусства новых медиа у класса 4 в таких компонентах, как эмоции, культура и понимание, выше, чем у класса 3, но ниже, чем у классов 1 и 2, при этом им в меньшей степени свойственны потоковые состояния, возможно, они воспринимают искусство новых медиа как развлечение или интересный опыт, но не как источник глубокого эмоционального или интеллектуального обогащения. В морально-этической сфере представители класса 4 менее развиты, чем представители класса 2, им сложнее даются интуитивные решения, они проявляют меньше альтруистических эмоций, а ответственность не является для них глубоко личностной, экзистенциальной категорией. По показателям эмпатии класс 4 идентичен классу 3, т.е. обладает сниженными эмпатичными способностями. Класс 4 характеризуется наиболее негативным и тревожным отноше-

нием к технологиям, для его представителей технологический прогресс является источником беспокойства, а не возможностей. Анализ социально-демографических предикторов для данного класса показывает, что у тех респондентов, чья профессия связана с искусством, шансы оказаться в классе 4, а не в классе 1 в 12.7 раза выше.

Обсуждение

Обсуждение результатов выделенных латентных профилей среди молодежи, редко и часто посещающей музеи. Для более наглядного обсуждения результатов приведем сравнительную таблицу выделенных личностных профилей среди молодежи, редко и часто посещающей музеи (см. таблицу 4). Таблица построена по принципу соответствия классов внутри каждой выборки. Полученные результаты показывают устойчивость выявленной типологии среди молодежи, часто и редко посещающей музеи, основой выявленной классификации является мера выраженности интереса к искусству и отзывчивости на красоту — от меньшего показателя к большему: в каждой группе есть (1) «Индифферентные», (2) «Отзывчивые и восприимчивые», (3) «Эмоционально вовлеченные искатели трансцендентных переживаний», (4) «Эксперты и аналитики искусства». Ключевые различия в типологии заключаются в особенностях наиболее малочисленных классов: среди тех, кто редко посещает музеи, — это класс 3 «Эмоционально вовлеченные», а среди тех, кто часто посещает, — это класс 3 «Индифферентные», что является закономерным результатом: индифферентная к искусству молодежь, возможно, включает в свои культурные практики посещение музеев по принципу необходимости, исходя из мотивации «статуса» (Ушкарев, 2018), подробнее данная мотивация описана в разделе «Обсуждение результатов о вкладе социально-демографических предикторов»; а редкое посещение музеев среди «Эмоционально вовлеченных искателей трансцендентных переживаний» может быть связано с невероятной глубиной и интенсивностью каждого визита, катарсическими переживаниями, что требует времени для восстановления психоэмоционального равновесия и интеграции полученного опыта, посещение музея — это особое событие их духовной жизни.

Ядро аудитории, редко посещающей музеи, является неоднородным и включает как «Отзывчивых и восприимчивых», но тревожных в отношении новых технологий, так и «Экспертов и аналитиков», открытых к новым технологиям. Редкое посещение «Отзывчивыми» может быть связано с технострессом и следующим за ним нежеланием взаимодействовать с новыми технологиями в музейных пространствах, что и создает психологический барьер к посещению.

Ядро аудитории, часто посещающей музеи, также неоднородно и состоит в основном из «Эмоционально вовлеченных искателей», не готовых брать на себя ответственность, и, напротив, «Экспертов и аналитиков», готовых к ответственности. Эта дихотомия может быть связана с тем, что для «Искателей» музей — это пространство, куда можно сбежать от необходимости

Таблица 4

Сопоставление выделенных классов среди молодежи, редко и часто посещающей музеи

Музеи редко	Музеи часто
<p>Коротко: «Индиферентные»</p> <p>Класс 1 (20.6%) Индиферентные к искусству, красоте и технологиям, обладающие обедненным ЭО, слабо развитой эмпатией и морально-этической сферой личности</p>	<p>Коротко: «Индиферентные»</p> <p>Класс 3 (10.7%, самый малочисленный). Индиферентные к искусству и красоте, в их ЭО слабо развиты компоненты перцепции, понимания и культуры, у них слабо развита эмпатия, сниженная моральная рефлексия и нейтральное отношение к технологиям</p>
<p>Коротко: «Отзывчивые и восприимчивые»</p> <p>Класс 2 (34.8%) Восприимчивые к искусству и красоте, их ЭО отличается развитым перцептивным компонентом и легким вхождением в поток, у них умеренно развитая морально-этическая сфера и эмпатия, но они тревожны в отношении новых технологий</p>	<p>Коротко: «Отзывчивые и восприимчивые»</p> <p>Класс 4 (19.2%) Отзывчивые на красоту природы, с развитым интересом к искусству, их ЭО отличается слабым переживанием состояния потока и низким развитием морально-этической сферы личности и эмпатии, они тревожны в отношении новых технологий</p>
<p>Коротко: «Эмоционально вовлеченные искатели трансцендентных переживаний»</p> <p>Класс 3 (15.5% самый малочисленный) Эмоционально вовлеченные в искусство и красоту с богатым ЭО по всем компонентам, открытые к новым технологиям, альтруистичные и эмпатичные искатели трансцендентных переживаний</p>	<p>Коротко: «Эмоционально вовлеченные искатели трансцендентных переживаний»</p> <p>Класс 1 (32.6%) Эмоционально вовлеченные в красоту и искусство с развитым потоковым компонентом ЭО, эмпатичные искатели трансцендентных переживаний, не готовые брать ответственность за свою жизнь и не заинтересованные в освоении новых технологий</p>
<p>Коротко: «Эксперты и аналитики»</p> <p>Класс 4 (29%) Заинтересованы в анализе искусства, а также имеют высокие показатели ЭО в компоненте эмоции, умеренно отзывчивые к красоте, полагающиеся на интуицию в вопросах морали, уверенные пользователи современных технологий</p>	<p>Коротко: «Эксперты и аналитики»</p> <p>Класс 2 (37.4%) Аналитики и знатоки сфере искусства, с выраженными компонентами ЭО: перцепция, понимание, культура; готовые брать ответственность за свою жизнь, эмпатичные аденты новых технологий</p>

осмыслять и осваивать усложняющийся технологиями мир и необходимости принимать решения и брать ответственность за свою жизнь. Для «Экспертов» и преемников новых технологий музеев — это место, способствующее их профессиональному росту, дающее пищу для анализа, и пространство, в котором можно безопасно освоить новые технологии, пространство саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, ключевыми дифференцирующими переменными для аудитории, редко посещающей музеи, является отношение к технологиям, а для аудитории, часто посещающей, — морально-этическая ответственность.

Как можно видеть из сравнительной таблицы 4, хотя профили редко и часто посещающих музеи имеют общее ядро, в них также есть и системные различия, например, «Отзывчивые» среди редко посещающих отличаются более высокими показателями развития морально-этической ответственности и эмпатии, а также более легким вхождением в состояние потока, в сравнении с тем же классом среди часто посещающих. А «Эксперты и аналитики» различаются в особенностях ЭО: у тех, кто ходит редко, более выражен эмоциональный отклик, и они более интуитивны в вопросах морали, однако ЭО «Экспертов и аналитиков» в группе часто посещающих отличается акцентом на перцептивные качества, понимание и помещение в культурный контекст, а в вопросах морали они предпочитают идти не путем интуиции, а осознанно брать ответственность.

Обсуждение результатов о вкладе социально-демографических предикторов в выделенные латентные профили среди молодежи, редко и часто посещающей музеи. Результаты исследования показывают слабовыраженный вклад социально-демографических характеристик в формирование латентных личностных профилей респондентов, редко посещающих музеи, и более выраженный вклад среди респондентов, часто посещающих музеи. Результаты показывают, что из всех измеренных социально-демографических предикторов (удаленность от музеев, доход семьи, профессия родителей, волонтерство, количество дополнительных занятий в сфере искусства, посещенных в школе и колледже) значимыми оказываются только профессия респондента, уровень образования матери и порядок рождения. Наибольший позитивный вклад вносит профессия респондента: в случае если профессия связана с искусством, то внутри профиля появляются более высокие показатели интереса к искусству, отзывчивости на красоту и более богатый ЭО. Данные результаты соответствуют имеющимся в социологии и культурологии исследованиям, показывающим, что есть две гипотезы о роли образования в формировании культурных практик: «статусная», отсылающая к мотивации казаться приобщенным к искусству, так как это дает особый статус, престиж и отношение окружающих, и «когнитивная», отсылающая к знанию особых культурных кодов, что позволяет более глубоко проникать в идейное содержание произведения искусства (Ушкарев, 2018). Наше исследование выявило, что среди тех, кто часто посещает музеи, есть класс 2 «Эксперты и аналитики», которые, помимо высоких показателей интереса к искусству и отзывчивости на красоту, обладают высокоразвитой эмоциональной и морально-нравственными сферами личности, что делает для них менее возможной и приемлемой мотивацию «казаться» и посещать музеи ради престижа; можно предположить, что они посещают музеи ради самого искусства, так как их ЭО характеризуется наибольшей выраженностью стремления к пониманию произведения искусства, его перцептивному анализу и помещению в культурный контекст, что соответствует «когнитивной» гипотезе. Можно

предположить, что респонденты класса 4 («Отзывчивые на красоту природы»), выявленного среди частых посетителей музеев, а также респонденты класса 2 («Отзывчивые и восприимчивые») среди редких посетителей ходят в музеи и галереи для поддержания профессионального статуса, выполнения учебных требований или соответствия нормам своей социальной среды, что соответствует «статусной» гипотезе. Таким образом, профессия респондента предсказывает попадание респондента в «аналитические» классы, что подчеркивает ведущую роль образования не только в формировании моделей потребления культурных благ, но и в особенностях ЭО, проявляющихся в выраженности когнитивного компонента (понимания, перцепции) и культурного компонента. Данные результаты поддерживают обнаруженные нами ранее результаты о том, что конфигурация личностного профиля специалиста интегрирована в когнитивный компонент системно-динамической модели ЭО (Шестова и др., 2025).

Меньший вклад внесли «порядок рождения» и «уровень образования матери»: данные предикторы значимы только на выборке молодежи, редко посещающей музеи. Интерес к искусству и отзывчивость на красоту, а также такие компоненты ЭО, как «перцепция», «понимание» и «культура», относятся в большей мере к когнитивной сфере личности. Проведенное исследование показывает, что на выборке редко посещающих музеев у первенцев шансы оказаться в классе 2 «Восприимчивые к искусству и красоте», характеризующемся более высокими в сравнении с классом 1 перечисленными ранее показателями, выше в 0.44 раза, что может говорить о некотором позитивном вкладе порядка рождения в когнитивное развитие, однако этот вывод мы делаем с крайней осторожностью, так как обзор, посвященный связи когнитивных способностей и порядка рождения, показывает, что эффект «порядка рождения» нестабилен и зависит от способа измерения, а также не находит единого теоретического объяснения (Лаптева и др., 2019).

Практическая значимость. Полученные результаты обладают высокой практической ценностью и могут быть использованы представителями сферы культуры и искусства — кураторами и руководителями маркетинговых отделов музеев, художественных галерей — для создания адресных коммуникационных стратегий, разработки специализированных культурных продуктов и мероприятий. Это позволит специалистам вовлечь ранее не охваченные сегменты аудитории, а также повысить LTV (lifetime value) лояльной аудитории за счет углубления и персонализации ЭО в соответствии с ее психологическими профилями и привычными моделями потребления культурных благ.

Например, при работе с «Эмоциональными искателями» необходимо вводить практики, направленные на углубление эмоциональных и духовных переживаний: арт-медитации (работа со звуком: гонг-медитации, поющие чаши; работа с цветом: арт-терапевтические практики, создание мандалы) или перформативные практики, — не перегружая посетителей технологиями. Для «Экспертов и аналитиков» — эксклюзивные нетворкинг-события «не для всех», образовательные программы, профессиональные разборы, работу с архивами, в том числе цифровыми, а также мастер-классы или интерактивные

занятия, расширяющие навыки работы с цифровыми технологиями (создание диджитал-арта с применением VR, AR-технологий или искусственного интеллекта). Для «Отзывчивых и восприимчивых», но не готовых к освоению новых технологий: создание особого нарратива, в котором подчеркивается психологическая безопасность и простота применяемых в музее технологий, а также разработка тренинговых, игровых программ или организация экспозиции через игровую или сюжетную стратегии (Cesário, Nisi, 2023), которые в щадящем режиме вовлекают посетителя, особенно подростка, в знакомство с экспозицией.

Работа по привлечению «Индифферентных» является вызовом для музея как просветительского института, что влечет необходимость создания зоны для работы или отдыха внутри музея, где можно просто побыть; рор-ур-зоны в коворкингах, кафе, университетах или фитнес-центрах с нейтральными или провокационными вопросами; а также создания загадочно-мистических плакатов, сопровождающихся при этом конкретным, ясным и понятным описанием (Pan et al., 2025), возможно, призывом к действию. Цель таких плакатов — привлечь внимание, пробудить интерес и любопытство и показать, что современные музеи далеки от стереотипных образов прошлого, основанных на детских впечатлениях «Индифферентного» посетителя. С данной аудиторией можно взаимодействовать и через поддержку или создание мотивации социального статуса и формирования идентичности успешного, модного и приобщенного к последним трендам человека, это не вызовет у них когнитивного диссонанса ввиду слаборазвитой морально-этической сферы. В таком случае посещение музея, а точнее фиксация в социальных сетях факта посещения, станет тем событием, которое поддерживает желаемый образ. Для этого музеям необходимо задуматься о создании специальных фотозон, стилизованных билетов (например, билет-открытка или интерактивный цифровой билет с именем посетителя), коллаборации с lifestyle-брендами и инфлюенсерами, а также о разработке системы наград за посещение.

Ограничения и перспективы исследования. Полученные результаты показали, что эмоционально-личностная сфера молодежи, часто посещающей музеи и художественные галереи, отличается более гармоничным развитием, однако остается открытым вопрос: может ли искусство новых медиа формировать уникальные личностные профили? В поисках ответа на этот вопрос необходимо провести панельное лонгитюдное исследование: с помощью психодиагностических методик отобрать респондентов с низким уровнем развития эмоционально-личностной сферы и попросить их регулярно, не реже двух раз в месяц, посещать музеи и галереи, где представлено искусство новых медиа, для повышения валидности результатов необходимо совместно со специалистами в области искусства новых медиа отобрать ряд мероприятий для посещения. В результате появится возможность сделать вывод в терминах причины и следствия: способствует ли искусство новых медиа развитию эмоционально-личностной сферы. Второй, не менее важный исследовательский вопрос: какова мотивация респондентов, посещающих музеи, где представлено искусство новых медиа? Таким образом, еще одним перспективным

направлением может стать разработка психологической методики, позволяющей выявить особенности мотивации современной молодежи к посещению мультимедиа-музеев и в целом ко взаимодействию с искусством новых медиа.

Выводы

1. Проведенное исследование позволило выявить 4 схожих профиля для молодежи, редко и часто взаимодействующей с искусством новых медиа в музейных пространствах: «Индифферентные», «Отзывчивые и восприимчивые», «Эмоционально вовлеченные искатели трансцендентных переживаний», «Эксперты и аналитики», различающихся степенью выраженности личностных переменных, образующих данные профили.

2. Ключевым социально-демографическим предиктором, определяющим принадлежность среди часто посещающих к профилю «Отзывчивые и восприимчивые» и «Эксперты и аналитики», а среди редко посещающих — к классу «Отзывчивые и восприимчивые», оказалась профессиональная вовлеченность респондентов в сферу искусства.

Литература

- Асмолов, А. Г. (2007). *Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека*. М.: Смысл.
- Белюсова, А. И., Гейвандова, М. Я. (2021). Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, 2, 6–20. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-6-20>
- Лаптева, Н. М., Валуева, Е. А., Шепелева, Е. А. (2019). Проблема влияния порядка рождения детей в семье на их интеллектуальные способности и личностные особенности. *Современная зарубежная психология*, 8(2), 83–94. <https://doi.org/10.17759/jmfr.2019080208>
- Манович, Л. (2018). *Язык новых медиа*. М.: Ad Marginem.
- Ращ, М. (2018). *Новые медиа в искусстве*. М.: Ad Marginem.
- Солдатова, Г. У., Нестик, Т. А., Рассказова, Е. И., Дорохов, Е. А. (2021). Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей. *Социальная психология и общество*, 12(4), 170–188. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410>
- Тимошук, И. Г. (2004). Диагностический инструментальный исследования некоторых аспектов ответственности у студентов-психологов. *Практическая психология и социальная работа*, 8, 37–40.
- Ушкарев, А. А. (2018). Статусная мотивация потребления искусства. *Культура и искусство*, 6, 1–12. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.6.26694>
- Шестова, М. А. (2025). Системно-динамическая модель эстетического опыта. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 14(48), 268–293. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-33>
- Шестова, М. А., Кожухарь, К. А. (2025). Психометрическая проверка русскоязычной версии Опросника эстетического опыта искусства новых медиа. *Экспериментальная психология*, 18(2), 169–186. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180210>

Шестова, М. А., Кожухарь, К. А., Перфильева, Н. В., Дюкина, А. Ф. (2025). Эстетический опыт искусства новых медиа у студентов, обучающихся психологии и дизайну. *Национальный психологический журнал*, 20(4), 253–264. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0419>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Asmolv, A. G. (2007). *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality psychology: cultural-historical understanding of human development]. Moscow: Smysl.
- Ásványi, K., & Fehér, Z. (2023). Generation Z perspectives on museum sustainability using Q methodology. *Muzeologia a Kulturne Dedicstvo [Museology and Cultural Heritage]*, 11(1), 19–35. <https://doi.org/10.46284/mkd.2023.11.1.2>
- Belousova, A. I., & Geyvandova, M. Y. (2021). Cognitive and affective empathy: approbation of the questionnaire on a Russian sample. *Vestnik Gosudarstvennogo Universiteta Prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie Nauki [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences]*, 2, 6–20. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-6-20> (in Russian)
- Cesário, V., & Nisi, V. (2023). Lessons learned on engaging teenage visitors in museums with story-based and game-based strategies. *ACM Journal on Computing and Cultural Heritage*, 16(2), Article 28. <https://doi.org/10.1145/3575867>
- Crețan, R., Light, D., Richards, S., & Dunca, A. (2018). Encountering the victims of Romanian communism: young people and empathy in a memorial museum. *Eurasian Geography and Economics*, 59(5–6), 632–656. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1581632>
- Groys, B. (2018). *In the flow*. Verso Books.
- Hanquinet, L. (2013). Visitors to modern and contemporary art museums: towards a new sociology of 'cultural profiles'. *The Sociological Review*, 61, 790–813. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12072>
- Hubard, O. (2020). Aesthetic experience and global competence: a museum-inspired online course. *Arts Education Policy Review*, 121(3), 119–123. <https://doi.org/10.1080/10632913.2019.1658249>
- Lapteva, N. M., Valueva, E. A., & Shepeleva, E. A. (2019). The problem of influence of children's birth order in the family on their intellectual abilities and personality traits. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 8(2), 83–94. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080208> (in Russian)
- Lee, H., & Youn, N. (2024). Immersed in art: The impact of affinity for technology interaction and hedonic motivation on aesthetic experiences in virtual reality. *Empirical Studies of the Arts*, 43(1), 355–384. <https://doi.org/10.1177/02762374241282938>
- Lewalter, D., Phelan, S., Geyer, C., Specht, I., Grüninger, R., & Schnotz, W. (2015). Investigating visitor profiles as a valuable addition to museum research. *International Journal of Science Education. Part B*, 5(4), 357–374. <https://doi.org/10.1080/21548455.2015.1035688>
- Lukáč, M., Čagaňová, D., Matusíková, D., Ganobčík, J., & Litomerický, I. (2024). The potential of the socio-demographic profile of the visitor in the museum's product strategy. *Journal of Ecohumanism*, 3(4), 913–928. <https://doi.org/10.62754/joe.v3i4.3610>
- Manovich, L. (2018). *Yazyk novykh media* [The language of new media]. Moscow: Ad Marginem.

- Mastandrea, S., Bartoli, G., & Bove, G. (2009). Preferences for ancient and modern art museums: Visitor experiences and personality characteristics. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 3(3), 164–173. <https://doi.org/10.1037/A0013142>
- Meyer, J., Thoma, G., Kampschulte, L., & Köller, O. (2023). Openness to experience and museum visits: intellectual curiosity, aesthetic sensitivity, and creative imagination predict the frequency of visits to different types of museums. *Journal of Research in Personality*, 103, Article 104352. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2023.104352>
- Nechita, F., & Rezeanu, C.I. (2019). Augmenting museum communication services to create young audiences. *Sustainability*, 11(20), Article 5830. <https://doi.org/10.3390/su11205830>
- Nylund, K. L., Asparouhov, T., & Muthén, B. O. (2007). Deciding on the number of classes in latent class analysis and growth mixture modeling: A Monte Carlo simulation study. *Structural Equation Modeling*, 14(4), 535–569. <https://doi.org/10.1080/10705510701575396>
- Pan, Y., Lai, I., & Wong, J. (2025). How museum posters arouse curiosity and impulse to visit among young visitors: interactive effect of visual appeal and textual introduction. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 30(5), 553–568. <https://doi.org/10.1080/10941665.2025.2457508>
- Pietras, K., & Czernecka, K. (2018). Art training and personality traits as predictors of aesthetic experience of different art styles among Polish students. *Polish Psychological Bulletin*, 49(4), 466–474. <https://doi.org/10.24425/124344>
- Rodriguez-Boerwinkle, R. M., & Silvia, P. J. (2024). Visiting virtual museums: How personality and art-related individual differences shape visitor behavior in an online virtual gallery. *Empirical Studies of the Arts*, 42(2), 439–468. <https://doi.org/10.1177/02762374231196491>
- Rusch, M. (2018). *Novye media v iskusstve* [New media in art]. Moscow: Ad Marginem. (Original work published 1999)
- Sabadosh, P. A. (2017). A Russian version of the Engagement with Beauty Scale: the multitrait-multimethod model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 14(1), 7–21. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-1-7-21>
- Shestova, M. A. (2025). System-dynamic model of aesthetic experience. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(3), 268–293. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-33> (in Russian)
- Shestova, M. A., & Kozhukhar, K.A. (2025). Psychometric verification of the Russian-language version of the Aesthetic Experience Questionnaire of New Media Art. *Ekspperimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 18(2), 169–186. <https://doi.org/10.17759/exp-psy.2025180210> (in Russian)
- Shestova, M. A., Kozhukhar, X. A., Perfilieva, N. V., & Dyukina, A. F. (2025). New Media art aesthetic experience among psychology and design students. *Natsional'nyi Psikhologicheskii Zhurnal [National Psychological Journal]*, 20(4), 253–264. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0419> (in Russian)
- Soldatova, G. U., Nestik, T. A., Rasskazova, E. I., & Dorokhov, E. A. (2021). Psychodiagnostics of technophobia and technophilia: development and testing a questionnaire of attitudes towards technology for adolescents and parents. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(4), 170–188. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410> (in Russian)
- Timoshchuk, I. G. (2004). Diagnosticheskie instrumentarii issledovaniya nekotorykh aspektov otvetstvennosti u studentov-psikhologov [Diagnostic tools for the study of some aspects of responsibility among psychology students]. *Prakticheskaya Psikhologiya i Sotsial'naya Rabota*, 8, 37–40.
- Ushkarev, A. (2018). Statusnaya motivatsiya potrebleniya iskusstva [Status motivation of consumption of art]. *Kul'tura i Iskusstvo*, 6, 1–12. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.6.26694>

- Vilatte, J. C., Gottesdiener, H., & Vrignaud, P. (2016). Art museum attendance: The influence of personality. Comparison of two surveys conducted in France (2005–2013). The role of the museum in the education of young adults. *Motivation, Emotion, and Learning*, 3, 121–139.
- Yi, K., Wu, Y., Liu, Y., & Xu, Z. (2024). Immersive empathy in digital music listening: Ideas and sustainable paths for developing auditory experiences in museums. *Sage Open*, 14(2). <https://doi.org/10.1177/21582440241256339>.
- Wan, Y. K. P., Wu, D., Zhang, Z., & Cheng, W. L. A. (2024). Understanding of non-immersive virtual reality technology in the context of museums via the lens of stimulus–organism–response (S–O–R) and aesthetics frameworks. *Current Issues in Tourism*. Advanced online publication. <https://doi.org/10.1080/13683500.2024.2349705>

EXPLORING THE CONNECTION BETWEEN MINDSET, WELL-BEING, AND DEPRESSIVE SYMPTOMATOLOGY AMONG USERS OF POSITIVE PSYCHOLOGY ONLINE PLATFORM

D. VIDMAR^a, B. TACER^b, A. ARZENŠEK^c

^aIndependent researcher

^bSkupina Primera, 5 Prešernova, Ljubljana, 1000, Slovenia

^cUniversity of Primorska, 2 Izolska vrata, Koper, 6000, Slovenia

Исследование связи между мышлением, благополучием и депрессивной симптоматикой среди пользователей онлайн-платформы позитивной психологии

Д. Видмар^a, Б. Тачер^b, А. Арзеншек^c

^aНезависимый исследователь

^bСкупина Примера, 1000, Словения, Любляна, Прешернова, д. 5

^cПриморский университет, 6000, Словения, Копер, Изольска врата, д. 2

Abstract

There has been a noticeable increase in the prevalence of mental health issues, prompting research into the relationship between mental health and people's implicit theories about their intelligence, or their mindsets. This study investigated the relationships between mindset, well-being, and depressive symptoms. A positive relationship between a fixed mindset and depressive symptomatology (H1) was hypothesised. Additionally, H2 assumed that well-being and mindset were good predictors of depressive symptomatology. The study comprised a sample of 874 users of the Slovene online platform 'Positive Psychology for a Better Life'. The online survey included measures of mindset (the Revised Implicit Theories of Intelligence (Self-Theory) Scale), well-being (the Mental Health Continuum-Short Form [MHC-SF]), and depressive symptomatology

Резюме

В последнее время все чаще встречаются проблемы с психическим здоровьем, что подтолкнуло к изучению связи между психическим здоровьем и тем, как люди думают о своем интеллекте, или их мышлением. В данном исследовании изучались взаимосвязи между мышлением, благополучием и симптомами депрессии. Была выдвинута гипотеза о положительной взаимосвязи между фиксированным мышлением и симптоматикой депрессии (H1). Кроме того, в гипотезе H2 предполагалось, что благополучие и мышление являются хорошими предикторами симптоматики депрессии. В исследовании приняли участие 874 пользователя словенской онлайн-платформы «Позитивная психология для лучшей жизни». Онлайн-опрос включал измерение мышления (пересмотренная шкала неявных теорий интеллекта (самотеория)), благополучия (краткая форма шкалы психического здоровья (МНС-SF)) и депрессивной симптоматики (шкала депрессии Центра эпидемиологи-

(the Center for Epidemiologic Studies Depression Scale [CES-D]). The results showed a positive correlation between a fixed mindset and depressive symptomatology, thus supporting H1. To test whether well-being and mindset are good predictors of depressive symptomatology, discriminant analysis was performed. There was a significant effect of the independent variables on the dependent variable. The model correctly classified 76.9% of participants based on their personal and social antecedents of well-being and mindset, as measured by CES-D scale scores, so H2 was also supported. In conclusion, mindset is reflected in one's perception of mental health. Therefore, it is crucial to create growth mindset initiatives and curricula in education. Our analysis shows that the MHC-SF and Implicit Self-Theory scales are adequate for predicting depression in Positive Psychology Platform users. These findings could stimulate future research in this area.

Keywords: depression, mental health, mindset, positive psychology, online platform, well-being.

Diana Vidmar — Independent Researcher, MSc in Psychology.
Research Area: psychology.
E-mail: diana.vidmar@outlook.com

Blanka Tacer — Director, Skupina Primera (Slovenia), DSc in Management.
Research Area: psychology, economy, human resource management.
E-mail: blanka.tacer@skupinaprimerasi

Ana Arzenšek — Associate Professor, Faculty of Management and Faculty of Mathematics, Natural Sciences and Information Technologies, University of Primorska (Slovenia), DSc in Psychology.
Research Area: psychology, human resource management.
E-mail: ana.arzensek@upr.si

ческих исследований (CES-D)). Результаты показали положительную корреляцию между фиксированным мышлением и депрессивной симптоматикой, что подтверждает H1. Чтобы проверить, являются ли благополучие и мышление хорошими предикторами депрессивной симптоматики, был проведен дискриминантный анализ. Было обнаружено значительное влияние независимых переменных на зависимую переменную. Модель правильно классифицировала 76.9% участников на основе их личных и социальных предшественников благополучия и мышления, измеренных по шкале CES-D, что также подтвердило гипотезу H2. В заключение отметим, что мышление отражается на восприятии психического здоровья. Поэтому крайне важно создавать инициативы и учебные программы, направленные на развитие мышления, ориентированного на рост. Наш анализ показывает, что шкалы MHC-SF и Implicit Self-Theory подходят для прогнозирования депрессии у пользователей платформ позитивной психологии. Эти результаты могут стимулировать будущие исследования в этой области.

Ключевые слова: депрессия, психическое здоровье, мышление, онлайн-платформа, позитивная психология, благополучие.

Видмар Диана — независимый исследователь, магистр психологии.
Сфера научных интересов: психология.
Контакты: diana.vidmar@outlook.com

Тачер Бланка — директор, Скупина Примера (Словения), доктор наук в области управления.
Сфера научных интересов: психология, экономика, управление человеческими ресурсами.
Контакты: blanka.tacer@skupinaprimerasi

Арзеншек Ана — доцент, факультет менеджмента и факультет математики, естественных наук и информационных технологий, Приморский университет (Словения), доктор наук.
Сфера научных интересов: психология, управление человеческими ресурсами.
Контакты: ana.arzensek@upr.si

Acknowledgments

We would like to express our gratitude to the anonymous reviewers for their meticulous examination of our manuscript and for their invaluable insights and recommendations.

Благодарности

Мы хотели бы выразить благодарность анонимным рецензентам за тщательное изучение нашей рукописи и за их бесценные идеи и рекомендации.

Over the past decade, there has been a notable increase in neuroplasticity research and the concept that fundamental psychological attributes, such as intelligence or personality, can change (Burnette et al., 2020). In light of the rising prevalence of depression, research has concentrated on the relationship between mental health symptoms and individuals' mindsets (Kim & Karr, 2023).

Mindset Theory

The term "mindset" is defined as a state of intellect that exerts influence on one's thinking and action in goal-directed activities (<https://dictionary.apa.org/mindset>). Mindset is a set of implicit theories about one's intelligence that can act as a catalyst or an impediment in the development of one's potential. Individuals' fundamental beliefs shape their aspirations and influence their abilities to attain them. A significant portion of an individual's understanding of their personality is derived from their mindset (Dweck, 2007).

Mindsets encompass a range of elements, including emotions, beliefs, values, and attitudes, which collectively influence an individual's actions. A growth mindset is a set of ideas that maintains everyone can advance and improve their knowledge and abilities. Those with a growth mindset adhere to the conviction that effort, perseverance, and enthusiasm are key to personal development (Panwar et al., 2021). Furthermore, a growth mindset encompasses a series of effective approaches and strategies that can be employed to facilitate learning and advancement (Dweck, 2015).

Individuals with a growth mindset focus on possibilities rather than limitations (Ibid.), problems are perceived as challenges instead of obstacles, and feedback serves them as an opportunity to improve or learn new skills (Panwar et al., 2021). Mistakes are seen as intrinsic to learning and necessary to achieve competence levels (Canning et al., 2019). The successes of others do not provoke feelings of jealousy or doubt in their abilities but serve as an inspiration (Dweck, 2015). It has been shown that having a growth mindset is linked to higher levels of motivation and a propensity to self-correct mistakes (Ng, 2018). Growth mindset individuals communicate the need for feedback and try harder (Janssen et al., 2021; Ng, 2018).

An alternative perspective is that of a fixed mindset, which asserts that an individual's intelligence and other abilities are predetermined and fixed. Accordingly, these attributes are considered to be immutable and impossible to be modified or augmented in adulthood. Those with a fixed mindset are fearful of not being sufficiently intelligent or talented to achieve their goals and thus tend to engage in activities that they believe they can accomplish (Caniëls et al., 2018; Dweck, 2007). By eschewing challenges, fixed-minded individuals also circumvent the

prospect of failure and disregard feedback from others. They conceal their deficiencies so that others do not evaluate them, and the successes of others pose a threat. They are convinced their efforts are futile and can abandon tasks prematurely (Smith, 2020).

From a fixed mindset to a growth mindset, the idea of mindset has been defined along a continuum, with the two extremes representing opposing attitudes towards the capacity of the human mind to change and develop (Dweck, 1999). In addition, the brain can develop new connections, suggesting that a fixed-oriented person can develop a growth mindset (D'Sa & Duman, 2002). The most robust predictor of a growth mindset is the activation of brain regions that are engaged in goal-directed behavior to accomplish a particular goal (Chen et al., 2022; Haber, 2016; Ng, 2018).

Mindset and Mental Health

Mindset has proven to be an important factor in recovery from a wide range of mental illnesses, especially when engaging in different types of psychotherapy and adhering to psychopharmacotherapy recommendations (Chambliss et al., 2018). A growth mindset can protect individuals from developing mental health problems due to perceived control to change their circumstances (Schleider et al., 2015). Moreover, results from additional research suggest that improved mental health is predicted by a growth mindset (Burnette et al., 2020; Huang et al., 2022). Numerous mental health indicators, such as depression, anxiety, resilience, and psychological discomfort, have been studied in relation to mindset.

Mindset and Psychological Distress

The development of mental health issues is significantly influenced by the experience of stressful life events and the psychological reactions that follow (Cuijpers et al., 2009; Horwitz, 2002; Harkness & Hayden, 2018). Lower stress levels have been reported in people with a growth mindset (Walker & Jiang, 2022; Yeager et al., 2014), and a link between mindset and symptoms of psychological distress has been hypothesized (Schroder et al., 2014). Growth mindset individuals typically report less stressful life situations and are less likely to exhibit signs of psychological distress (Burnette et al., 2020; Tao et al., 2022; Walker & Jiang, 2022).

It has been determined that having a growth mindset shields one against negative mental health indicators, including psychological distress and depression (Schroder et al., 2017; Yong et al., 2014). Additionally, those with a growth mindset demonstrate elevated levels of resilience in the face of difficult situations, a wider range of positive coping skills, easier initiative-taking, timely transformation of expected goals into more attainable ones, and positive attitudes towards stressful life events (Burnette et al., 2013, 2020; Tao et al., 2022; Walker & Jiang, 2022; Yeager & Dweck, 2012).

On the other hand, it has been found that a fixed mindset is associated with higher levels of self-reported stress (Yeager et al., 2014). Fixed mindset individuals are more prone to view stress negatively, which might hasten the emergence of

mental health problems (Yeager & Dweck, 2012). When faced with obstacles or failures, these individuals are prone to feelings of powerlessness (Da Fonseca et al., 2009; Dweck & Leggett, 1988; Heyman et al., 1992), frequently mistake ability for performance, and pursue unattainable standards and inflexible perfectionism (Dweck, 2007). This can give rise to anxiety and depression (Egan et al., 2011).

Mindset and Depression

Studies have shown that growth mindset individuals typically exhibit fewer depression symptoms (Burnette et al., 2020; De France & Hollenstein, 2021; Huang et al., 2022; Kyeong et al., 2024; Tao et al., 2022). People who have a growth mindset and exhibit depressive symptoms are more willing to change their situation. People with a growth mindset are more likely to employ suitable strategies for regulating their emotions, according to Tamir et al. (2007), and have less trouble adjusting to social situations. Furthermore, the frequency of anxiety and depression symptoms in teenagers has been studied in relation to growth mindset interventions (Miu & Yeager, 2014; Schleider & Weisz, 2016, 2018). In the short term, growth mindset has been demonstrated to assist adolescents in alleviating anxiety and depressive symptoms (Schleider et al., 2015). Over the longer term, adolescents demonstrated a notable reduction in depressive symptoms, with an average decrease of approximately 40% (Miu & Yeager, 2014), and results for anxiety symptomatology were also encouraging (Schleider & Weisz, 2018).

Alternatively, fixed-minded individuals are more prone to depression because of their search for excuses and attributions of blame beyond themselves. Lack of help-seeking strategies among individuals with a fixed mindset is linked to learned helplessness, which can be considered a more fundamental cause of depression (Dweck, 2007). In a study conducted by Miu and Yeager (2014), fixed-mindset participants in the control group exhibited elevated levels of depressive symptoms over a year.

A growth mindset promotes mental well-being, even if a person is mildly depressed. However, feelings of helplessness and a desire to avoid situations that cannot be changed arise in individuals with mild depression. In this case, growth-minded individuals are at risk of a deterioration in their mental health. However, in the event of depression, a fixed mindset — defined as the conviction that one's current circumstances cannot be altered — may protect mental health (Hong & Sung, 2022). These findings are in line with Keyes' (2002) claim that the absence of depressive symptoms does not always imply excellent mental health.

Mindset and Resilience

The goal of a study by Tao et al. (2022) was to determine whether one's mental health during stressful situations is associated with one's mindset. The researchers looked at the prevalence of substance misuse, self-harm, and post-traumatic stress disorder among individuals with different mindsets. Compared to people with fixed mindsets, those with growth mindsets showed fewer signs of mental illness.

The researchers ascribe the diminished severity of symptoms to the psychological resilience of growth-mindset participants. Moreover, research has shown that adopting a growth mindset might improve psychological resilience (Yeager & Dweck, 2012). Psychological resilience enables individuals to effectively cope with adversities that arise during periods of stress (Afek et al., 2021). It was proposed that a conviction in one's capacity to alter one's behavior and the notion that one's past actions do not define one's future behavior fares better in difficult circumstances (Yeager & Dweck, 2012).

Mindset and Anxiety

Growth-minded individuals appear to be less anxious (Burnette et al., 2020; Huang et al., 2022; Schroder et al., 2017). Furthermore, it has been proposed that adopting a growth mindset may help shield people from being anxious when faced with challenging circumstances (Schroder et al., 2017). A person's mental health can be predicted by their view that their anxiety levels are changeable (Hoyt et al., 2021). If an individual perceives anxiety as a malleable construct, it becomes less intrinsic to their core identity and is instead viewed as an opportunity for learning and personal growth (Dweck, 2007). The utilization of avoidant coping strategies (behavioral responses that facilitate the avoidance of challenging thoughts, emotions, or actions) is negatively correlated with the prevalence of growth mindset beliefs about anxiety (Henshaw et al., 2023).

Positive Psychology Online Platform

Positive Psychology for a Better Life is a national movement of high-quality lectures addressing psychological well-being, founded in 2013. Since then, the founders and their team have been organizing a series of events, the so-called Positive Psychology Marathons, which include lectures and daily posts. In 2020, live events were replaced with events via an online platform in light of the ongoing COVID-19 pandemic in Slovenia. The lectures are humanistic and scientifically based. The needs of online platform users are being addressed by offering free, open, and easily accessible content. Positive Psychology for a Better Life (hereafter Positive Psychology) online platform hosts Slovenian lecturers, introducing the Slovenian context.

Aims

The study's main goal was to look at the connection between mindset and well-being among users of a Positive Psychology online platform. This population was chosen because it represents a subset of the non-clinical population. Additionally, users of Positive Psychology online platform are motivated by self-growth topics. According to Parsamanesh and Vysochyn (2024), mindset can influence the general population's physiological and psychological health.

One of the most common mental health issues globally is depression, which is therefore regarded as a significant indicator of mental well-being (Sperry, 2016;

World Health Organization, 2022). As not much research has been conducted in this area, this study examined the association between mindset and depressive symptomatology. Previous research findings showed lower rates of depression in people with a growth mindset (Burnette et al., 2020; Huang et al., 2022).

While research has been undertaken studying the association between a growth mindset and various (mainly individual) areas of mental health, it is incomplete in a way that it does not take into account the complex relationship between mindset and different manifestations of mental health simultaneously. As a result, the focus of this study was on the connections that exist between mindset, well-being as an indicator of mental health, and depression. The two hypotheses were informed by prior studies conducted in this field (e.g. Burnette et al., 2020; Huang et al., 2022). In particular, according to Huang et al. (2022), having a growth mindset is associated with improved mental health, whereas Burnette et al. (2020) posited that it is a determinant of well-being. According to Kyeong et al. (2024), growth mindset was associated with lower levels of depression and higher levels of well-being and may be an important protective factor for mental health during challenging times.

H1: There is a positive correlation between a fixed mindset and depressive symptomatology.

H2: Well-being and mindset are good predictors of depressive symptomatology.

Methods

Sample

The online survey was opened by 1,129 users of a Positive Psychology online platform. The platform has approximately 40,000 users registered for at least one online lecture in the last three years (August 2023). The population of a Positive Psychology online platform users is disproportional regarding gender (85% women) and education (above average educational level in comparison to the Slovene population). 225 participants dropped out of the survey. The final sample, with a drop-out rate of 22.6%, was comprised of 874 participants. Sample represents approximately 2.2% of the total population, which is, according to a formula in an open-source calculator of sample size for frequency in a population (OpenEpi, v.3, <https://www.openepi.com/SampleSize/SSPropor.htm>), a sample size that is representative of a given population at a confidence level of more than 99%.

Sample (N = 874), was comprised of 61 men (7.0%) and 811 women (92.8%). Two participants (0.2%) identified themselves as 'other' in terms of their gender. More than half (466, or 53.3%) of the participants were in the age range of 30–49 years. This group was followed by participants in the 50–64 age range (304, or 34.8%). 58 or 6.6% of participants were in the 18–29 age range. 42 or 4.8% of the participants were aged 65–75 years. Three participants (0.3%) were aged over 75 years. One participant (0.1%) did not respond to a question regarding age.

The employment status of the participants is as follows: 683 or 78.1% were employed, 67, or 7.7% were self-employed, 62, or 7.1% were retired and 23, or 2.6% were unemployed. 22 or 2.5% were pupils or students. Other employment statuses

(maternity leave, disability, permanent unemployment, student work, part-time work, casual work, and subcontracted work) were reported by 17, or 1.9% of participants.

The majority of participants (467, or 53.4%) had completed either a bachelor's degree (higher professional; university) or a postgraduate degree (specialization; master's; doctorate) (183, or 20.9%). 62 or 7.1% of the participants had completed secondary vocational education and 36 (4.1%) had completed general secondary education. 25 (2.9%) had completed vocational secondary education. Two (0.2%) participants had at most primary education.

Instruments

The Revised Implicit Theories of Intelligence (Self-Theory) Scale

The Revised Implicit Theories of Intelligence (Self-Theory) Scale (De Castella & Byrne, 2015) measures beliefs about the stability or variability of intelligence. It is a revised version of the original Dweck Mindset Instrument (DMI) questionnaire by Carol Dweck (2007). The scale was translated into Slovenian language (Polh Budja, 2017). The reliability coefficient of the revised measure on the Slovenian sample is $\alpha = .95$ (Ibid.).

The scale comprises 8 items on a 6-point scale (1 – strongly disagree, 2 – disagree, 3 – partially disagree, 4 – partially agree, 5 – agree, 6 – strongly agree). Four items assess beliefs about fixed mindset (e.g. “*I don't think I personally can do much to increase my intelligence*”). Four items assess beliefs about growth mindset (e.g. “*With enough time and effort I think I could significantly improve my intelligence level*”). The score is obtained by summing all the items, with the four items scored in reverse. A higher score indicates a higher belief in one's abilities as malleable (higher growth mindset orientation).

Mental Health Continuum-Short Form (MHC-SF)

Mental Health Continuum-Short Form (Keyes, 2005) assesses whether a person has good, fair, or poor mental health and also includes the three components of well-being – psychological, emotional, and social. The psychometric properties of the Slovenian translation have been validated on the Slovenian sample (Petrič & Zupančič, 2021; Zager Kocjan, 2016). The Slovenian translation of the MHC-SF questionnaire is dimensionally invariant with respect to gender, age, and education. The Cronbach's α of the total scale, reflecting the general level of mental health, is .94. The emotional well-being subscale has a Cronbach's α of .92, the social well-being subscale has a Cronbach's α of .86, and the psychological well-being subscale has a Cronbach's α of .92.

The scale comprises 14 items on a 6-point scale ('0 – never', '1 – once or twice', '2 – about once a week', '3 – 2–3 times a week', '4 – almost every day', '5 – every day'). Items are preceded by a generic stem: “*How often have you felt in the last month ...*”. Three items of the MHC-SF measure emotional well-being, which

includes general satisfaction with life and positive affect (e.g. “*How often in the past month did you feel ... happy?*”), and five items measure social well-being, which includes social belonging and an individual’s general opinion of society (e.g. “*In the past month, how often did you feel ... that the way our society works makes sense to you?*”). Six items measure psychological well-being, which includes self-acceptance, personal growth, interpersonal relationships, autonomy, and a sense of meaningfulness in life (e.g. “*In the past month, how often did you feel ... that you had warm and trusting relationships with others?*”).

The scale assumes two possible approaches to evaluating a person’s responses. The items on social and psychological well-being (11 items in total) represent the positive functioning of the person. It measures three aspects of well-being which, when added together, represent an overall measure of mental health. A higher score indicates a higher level of mental health or well-being.

The second approach distinguishes between three states of mental health in the respondents: intermediate (neither flourishing nor languishing), languishing (low positive emotions and low positive functioning), and flourishing (high positive emotions and high positive functioning).

Centre for Epidemiological Studies Depression Scale (CES-D)

Centre for Epidemiological Studies Depression Scale – CES-D (Radloff, 1977) measures the frequency of depressive symptomatology in the past week. It comprises 20 items (e.g. “*I did not feel like eating; my appetite was poor*”) on a 4-level scale (‘0 – rarely’, ‘1 – occasionally’, ‘2 – frequently’, ‘3 – mostly’). The scale distinguishes between clinical and general populations. The internal consistency coefficient of the Slovene version of the scale is $\alpha = 0.88$ (Musek & Avsec, 2006). The final score is obtained by adding all the items together, and it can range between 0 and 60. A higher score on the scale indicates a higher level of depressive symptomatology. According to scale evaluation, responses were classified into three categories: (1) no or minimal depressive symptomatology, (2) mild to moderate depressive symptomatology, and (3) severe depressive symptomatology.

The CES-D can be used as a screening tool to identify the presence of depressive symptomatology. According to scale validation research, a total score of 16 denotes the existence of depressive symptoms (American Psychological Association, 2011; Lewinsohn et al., 1997; Shean & Baldwin, 2008). However, the total score itself does not imply the existence of a mental disorder but may lead to further in-depth diagnostic assessment of possible depressive symptomatology or psychological dysfunction.

Procedure

Prior to the research, the study protocol had been reviewed by The Research Ethics Committee of the Psychology Department at University of XXX. The Committee had agreed that the research complied with the principles of research ethics (application number 2023-09).

Then, an online open-source application 1ka.si was deployed, and all users of the Positive Psychology online platform were invited to participate in the survey. The data collection took 30 days. The survey consisted of four sections, including socio-demographic questions (gender, age, level of education, employment status), implicit theories of intelligence (mindset), well-being as indicator of mental health, and depression scales. The mean time to complete the survey was 6 minutes. The analyses were performed using SPSS v.25, and MS Excel v.16.

Results

Following a statistical review of the descriptive statistics and normality of distribution of the variables in question, the analysis of variance was employed to test the correlation between a fixed mindset and depressive symptomatology (H1).

According to Table 1, there was homogeneity of variances between groups, as assessed by the Levene’s test for equality of variances ($p > .05$).

Welch’s test shows the differences in means are statistically different (Table 2). Because we have homogeneous variances and large enough groups, Tukey’s post-hoc test was applied to test between-group differences.

Mindset (The Implicit Self-Theory Scale) was selected as the dependent variable, and depressive symptomatology (CES-D) as the independent variable. Tukey’s HSD post-hoc test in Table 3 shows that all groups differ significantly from

Table 1

Test of Homogeneity of Variance for The Implicit Self-Theory Scale and CES-D

Levene Statistic	df1	df2	Sig.
1.60	2	847	0.20

Table 2

Welch's Test for the Implicit Self-Theory Scale and CES-D

Welch	df1	df2	Sig.
37.03	2	249.41	0.00

Table 3

The Tukey HSD post-hoc test for The Implicit Self-Theory Scale and CES-D

CES-D categories		Mean Difference	Std. Error	Sig.	95% Confidence Interval	
					Lower Bound	Upper Bound
(1)**	(2)**	0.37*	0.08	.00	0.19	0.56
	(3)**	0.67*	0.08	.00	0.49	0.86
(2)**	(1)**	-0.37*	0.08	.00	-0.56	-0.19
	(3)**	0.30*	0.10	.01	0.07	0.54
(3)**	(1)**	-0.67*	0.08	.00	-0.86	-0.49
	(2)**	-0.30*	0.10	.01	-0.54	-0.07

** (1) – no/mild depressive symptomatology, (2) – mild to moderate symptomatology, (3) – severe depressive symptomatology.

each other in terms of mindset. The higher the level of a fixed mindset, the more frequent the depressive symptomatology among users of the Positive Psychology online platform, hence H1 was supported.

For H2, we first wanted to identify underlying relationships between observed variables by focusing on the shared variance among them. Our goal was to uncover latent constructs that explain the patterns of correlations in the data. To extract latent constructs that represent shared variance among observed variables, we performed Principal Axis Factoring (PAF). This way, irrelevant variance in predictors was minimised. While the PAF pertaining mindset variable revealed a single mindset factor, and we could continue with existing one-factor structure, two factors emerged related to well-being in our data, as opposed to original 3 factor structure of MHC-SF scale. Tables 4, 5, and 6 show PAF-related outcomes for MHC-SF scale.

KMO and Bartlett's Test for MHC-SF scale showed data is very suitable for factoring (Table 4).

As Tables 5 and 6 show, one strong factor (F1) emerged, explaining 53, 21 % variance in data. Based on the items included, we named this factor Personal (antecedents of well-being). An additional weaker factor (F2) emerged, explaining 5.74 % variance, and we named this factor Social (antecedents of well-being). Thus, F1 explains a far larger share of variability in the data than F2.

Factors were not correlated, orthogonal rotation (Varimax with Kaiser normalization) was applied to clarify the factors' structure. In Table 6, the results of the Rotated Factor Matrix for MHC-SF scale are presented.

In order to test whether well-being and mindset are good predictors of depressive symptomatology (H2), discriminant analysis was performed for well-being and mindset variables. Discriminant analysis was chosen as the dependent variable is categorical and the independent variables are numeric.

Table 4

KMO and Bartlett's Test for MHC-SF scale

Measure	Value	χ^2	df	<i>p</i>
Kaiser–Meyer–Olkin (KMO)	0.95	–	–	–
Bartlett's Test of Sphericity	–	7744.94	91	< .001

Table 5

Total Variance Explained for MHC-SF (Principal Axis Factoring)

Factor	Initial Eigenvalues			Extraction Sums of Squared Loadings		
	Total	% of Variance	Cumulative %	Total	% of Variance	Cumulative %
1	7.85	56.10	56.10	7.45	53.21	53.21
2	1.15	8.23	64.33	0.80	5.74	58.95

Table 6

Rotated Factor Matrix for MHC-SF scale

MHC-SF item	Factor 1	Factor 2
...that your life has a sense of direction or meaning to it	0.76	0.30
...that you had warm and trusting relationships with others	0.76	0.25
...that you had experiences that challenged you to grow and become a better person	0.75	0.26
...confident to think or express your own ideas and opinions	0.74	0.26
...satisfied with life	0.73	0.31
...that you liked most parts of your personality	0.72	0.32
...good at managing the responsibilities of your daily life	0.70	0.26
...that you had something important to contribute to society	0.69	0.38
...happy	0.66	0.31
...that you belonged to a community	0.60	0.31
...interested in life	0.57	0.28
...that the way our society works makes sense to you	0.27	0.80
...that our society is a good place, or is becoming a better place, for all people	0.27	0.77
...that people are basically good	0.41	0.57

Canonical correlation analysis was performed to identify and measure the associations among two sets of variables. Canonical correlation was selected instead of multiple regression because multiple intercorrelated outcome variables existed in our data.

The canonical correlation indicates that the variables in the model are correlated (Table 7) and correlation is sufficiently high (Eigenvalues). In Table 8, Wilks' Lambda was calculated to test whether different categorical groups, according to the dependent variable, differ when considering multiple independent variables simultaneously.

There was a significant effect of the independent variables on the dependent variable, Wilks' lambda for Personal = 0.54, $F(2, 836) = 358.26, p < .00$, partial eta squared = .46. Wilks' lambda for Social = .95, $F(2, 836) = 23.24, p < .00$, partial eta squared = .06. Wilks' lambda for Mindset = .91., $F(2, 836) = 40.48, p < .00$, partial eta squared = .09. Hence, the model is significant.

The model in Table 9 correctly classified 76.9% of the units into PAF variances based on the three predictors (Personal, Social, and Mindset). This means that the

Table 7

Canonical Correlation Analysis

Function	Eigenvalue	% of Variance	Cumulative %	Canonical Correlation
1	0.95	99.90	99.90	.700
2	0.00	0.10	100.00	.002

Table 8

Wilks' Lambda of Depressive Symptomatology on Mental Health and Mindset

Test of Function(s)	Wilks' Lambda	Chi-square	df	<i>p</i>
1 through 2	0.51	558.24	6	0.00
2	0.99	0.43	2	0.80

Table 9

Classification Results for predictors of depressive symptomatology*

CES-D		Predicted Group Membership			Total
		(1)	(2)	(3)	
Count	(1)	535	4	24	563
	(2)	89	14	38	141
	(3)	29	10	96	135
	Ungrouped cases	16	1	0	17
%	(1)	95.0	0.7	4.3	100.0
	(2)	63.1	9.9	27.0	100.0
	(3)	21.5	7.4	71.1	100.0
	Ungrouped cases	94.1	5.9	0.0	100.0

* 76.9% of original grouped cases correctly classified.

** (1) – no/mild depressive symptomatology, (2) – mild to moderate symptomatology, (3) – severe depressive symptomatology.

model was correct in 76.9% of cases when classifying participants based on their (Personal, Social) antecedents of well-being and mindset, according to CES-D scale scores. In more concrete terms, this means that only 21.5 % participants in the category (3) or 3.5 % among all participants would be wrongly classified based on their MHC-SF score and The Implicit Self-Theory scale results as not having depression. Other misclassifications have no significant risks for participants. The results of our analysis show that the 2 scales are adequate for predicting mental health – depression occurrence in members of the Positive Psychology platform users.

Discussion

The concept of mental health encompasses more than only the absence of mental illnesses, and its effects have an impact on the entire community. With a special emphasis on the relationships between well-being, mindset and depression among users of the Positive Psychology online platform, the current study first aimed to clarify the relationship between mindset and depression. Furthermore, it explored whether well-being and mindset are good predictors of depressive symptomatology.

First, the connection between mindset and a particular mental health indicator – depressive symptomatology – was investigated. It was shown that there is a

positive correlation between fixed mindset and depressive symptomatology, which is in line with earlier studies in this area (Burnette et al., 2020; Huang et al., 2022; Kyeong et al., 2024; Tao et al., 2022). One possible interpretation is that a fixed mindset leads individuals to make excuses and attribute blame beyond themselves, which may lead to a higher susceptibility to depression. Furthermore, less flexible strategies for emotion regulation and social situations adjustment may exist among fixed-minded individuals. According to Dweck (2007), a fixed mindset is represented by a belief that abilities and mental health are “set in stone”. Passive and avoidant behaviors as a consequence of learned helplessness might occur as a hidden cause of depression. It is crucial to acknowledge that mindsets are malleable and that individuals can traverse a spectrum from a fixed to a growth mindset (Dweck, 2007; D’Sa & Duman, 2002; Smith, 2020) or even possess domain-specific mindsets (e.g. one for intelligence, another for mental health). According to these presumptions, researchers have created a number of interventions that encourage a growth mindset and some of them show promising results (e.g. Gonida et al., 2006; Kyeong et al., 2024; Sternberg, 2023; Yeager et al., 2017). It is worth noting a longitudinal study by Kyeong et al. (2024), who examined longitudinally the relationship between growth mindset training and depression and well-being among older adults. They found that growth mindset training was associated with higher levels of well-being over time, while in the control group, well-being decreased over time. The authors conclude that growth mindset training may serve as a significant protective element for mental health during life crises.

The beliefs and judgments that people have about their mental health reflect beliefs about the possibility of change, progress, and growth in these areas. It is proposed that the mindset construct is a key factor in the efficacy of diverse forms of personal growth programs (e.g., counselling, psychotherapy, education). Changing beliefs about oneself towards greater flexibility, openness to change, and accepting possibilities is closely linked to transforming the mindset.

Secondly, in the longitudinal studies conducted by Miu and Yeager (2014) as well as Kyeong et al. (2024), fixed-mindset participants in the control group exhibited elevated levels of depressive symptoms and decreased well-being scores over time. This led us to explore the link between well-being, mindset, and depressive symptomatology more thoroughly.

When categorising participants according to their (Personal, Social) antecedents of well-being and mindset outcomes, our model was accurate in 76.9% of cases. More specifically, this indicates that just 21.5 percent of people with severe depressive symptomatology, or 3.5 percent of all participants, would be incorrectly labelled as not having depression on their well-being and mindset scores, which might lead to potential health risks. Our analysis’s findings demonstrate that the two scales are sufficient for forecasting the prevalence of mental health issues, including depression, among users of the Positive Psychology platform.

Strengths and Limitations

In a sample of users of the Positive Psychology online platform, we found that participants who are inclined to exert a fixed mindset, are more likely to suffer from

symptoms of depression. The results of this investigation could enhance comprehension of the connections among the concepts being examined. Among the constructs examined, fixed mindset and well-being stand out as predictors of depressive symptomatology. Furthermore, our study contributed to an alternative understanding of the structure of the MHC-SF scale. Its biphasic structure in our sample showed that, in our data, personal antecedents contribute most to well-being, whereas to a much lesser extent, social antecedents contribute as well. We want to stress the importance of developing growth mindset and well-being programs and curricula in the education arena, as well as in health institutions and other social domains. Our findings have provided new insights into the nature of the relationship between the constructs under study that can stimulate future research in this area.

The limitations of the study are threefold; we cannot generalize our findings beyond the research population of Positive Psychology online platform users as they differ significantly from the general population in several variables, (e.g. according to age, gender, educational level, and employment statuses). Furthermore, judgments about the long-term association between mindset and well-being indicators could not be made due to the cross-sectional approach.

Conclusion, Implications, and Future Directions

The findings of this study as well as its shortcomings lead to more ideas for future research. A longitudinal experimental study designed to observe the possible effects of mindset- and – mental-health – based interventions on depressive symptomatology occurrence, such as multiple-week (-month) intensive training programs would be helpful. Similarly, the study could be extended to other areas beyond the ones included in this study (e.g. self-perceived stress, resilience, coping skills). Furthermore, it would be intriguing to investigate whether individuals possess distinct domain-specific mindsets and how they interact with one another.

Further study is needed on growth mindset and mental health, which could potentially help to resolve a paradox – how fixed mindsets play a protective role in mental well-being in depression (Hong & Sung, 2022), while cultivating a growth mindset acts as a preventative measure against the emergence of mental health issues (Schleider et al., 2015). In future research, we propose an investigation on how exactly mindset interventions might help individuals with mild depressive symptomatology and whether they might help maintain mental well-being.

References

- Afek, A., Ben-Avraham, R., Davidov, A., Cohen, N. B., Yehuda, A. B., Gilboa, Y., & Nahum, M. (2021). Psychological resilience, mental health, and inhibitory control among youth and young adults under stress. *Frontiers in Psychiatry, 11*. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2020.608588>
- American Psychological Association. (2011). *Center for Epidemiological Studies-Depression*. <https://www.apa.org/pi/about/publications/caregivers/practice-settings/assessment/tools/depression-scale>

- Burnette, J. L., Knouse, L. E., Vavra, D. T., O'Boyle, E., & Brooks, M. A. (2020). Growth mindsets and psychological distress: A meta-analysis. *Clinical Psychology Review, 77*, Article 101816. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2020.101816>
- Burnette, J. L., O'Boyle, E. H., VanEpps, E. M., Pollack, J. M., & Finkel, E. J. (2013). Mind-sets matter: A meta-analytic review of implicit theories and self-regulation. *Psychological Bulletin, 139*(3), 655–701. <https://doi.org/10.1037/a0029531>
- Caniëls, M. C., Semeijn, J. H., & Renders, I. H. (2018). Mind the mindset! The interaction of proactive personality, transformational leadership and growth mindset for engagement at work. *Career Development International, 23*(1), 48–66. <https://doi.org/10.1108/cdi-11-2016-0194>
- Canning, E. A., Muenks, K., Green, D. J., & Murphy, M. C. (2019). STEM faculty who believe ability is fixed have larger racial achievement gaps and inspire less student motivation in their classes. *Science Advances, 5*(2). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aau4734>
- Chambliss, C., Gow, R., Budny, A., Garcia, T., Damato, K., Gould, R., & Hartl, A. (2018). Links between depression and fixed versus growth mindsets. *Clinical Research in Psychology, 1*(2). <https://doi.org/10.33309/2639-9113.010202>
- Chen, L., Chang, H., Rudoler, J., Arnardottir, E., Zhang, Y., De Los Angeles, C., & Menon, V. (2022). Cognitive training enhances growth mindset in children through plasticity of cortico-striatal circuits. *NPJ Science of Learning, 7*, Article 30. <https://doi.org/10.1038/s41539-022-00146-7>
- Cuijpers, P., Smits, N., Donker, T., Have, M. T., & De Graaf, R. (2009). Screening for mood and anxiety disorders with the five-item, the three-item, and the two-item Mental Health Inventory. *Psychiatry Research, 168*(3), 250–255. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.05.012>
- Da Fonseca, D., Cury, F., Santos, A., Payen, V., Bounoua, L., Brisswalter, J., Rufo, M., Poinso, F., & Deruelle, C. (2009). When depression mediates the relationship between entity beliefs and performance. *Child Psychiatry & Human Development, 40*(2), 213–222. <https://doi.org/10.1007/s10578-008-0122-9>
- De Castella, K., & Byrne, D. (2015). My intelligence may be more malleable than yours: the revised implicit theories of intelligence (self-theory) scale is a better predictor of achievement, motivation, and student disengagement. *European Journal of Psychology of Education, 30*(3), 245–267. <https://doi.org/10.1007/s10212-015-0244-y>
- De France, K., & Hollenstein, T. (2021). Implicit theories of emotion and mental health during adolescence: the mediating role of emotion regulation. *Cognition & Emotion, 35*(2), 367–374. <https://doi.org/10.1080/02699931.2020.1817727>
- D'Sa, C., & Duman, R. S. (2002). Antidepressants and neuroplasticity. *Bipolar Disorders, 4*(3), 183–194. <https://doi.org/10.1034/j.1399-5618.2002.01203.x>
- Dweck, C. S. (1999). *Self-theories: Their role in motivation, personality and development*. Psychology Press.
- Dweck, C. S. (2007). *Mindset: The new psychology of success*. Ballantine Books.
- Dweck, C. S. (2015, September 22). Carol Dweck revisits the 'Growth Mindset'. *Education Week*. <https://www.edweek.org/leadership/opinion-carol-dweck-revisits-the-growth-mindset/2015/09>
- Dweck, C. S., & Leggett, E. L. (1988). A social-cognitive approach to motivation and personality. *Psychological Review, 95*(2), 256–273. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.95.2.256>
- Egan, S. J., Wade, T. D., & Shafran, R. (2010). Perfectionism as a transdiagnostic process: A clinical review. *Clinical Psychology Review, 31*(2), 203–212. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2010.04.009>
- Gonida, E., Kiosseoglou, G., & Leondari, A. (2006). Implicit theories of intelligence, perceived academic competence, and school achievement: testing alternative models. *The American Journal of Psychology, 119*(2), 223–238. <https://doi.org/10.2307/20445336>

- Haber, S. N. (2016). Corticostriatal circuitry. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 18(1), 7–21. <https://doi.org/10.31887/dcons.2016.18.1/shaber>
- Harkness, K. L., & Hayden, E. P. (Eds.). (2018). *The Oxford handbook of stress and mental health*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190681777.001.0001>
- Henshaw, E., Kennedy, S., Lourie, A., James, D., & Folivi, F. (2023). Growth mindset of anxiety and avoidant coping as mediators of anxiety across the first year of college: A longitudinal survey of college students in the context of the COVID-19 pandemic. *Health Psychology Research*, 11(1). <https://doi.org/10.52965/001c.75190>
- Heyman, G. D., Dweck, C. S., & Cain, K. M. (1992). Young children's vulnerability to self-blame and helplessness: Relationship to beliefs about goodness. *Child Development*, 63(2), 401–415. <https://doi.org/10.2307/1131488>
- Hong, J., & Sung, G. (2022). Moderating role of mindsets in the relationship between depression and mental well-being among psychiatric patients. *The Korean Journal of Clinical Psychology*, 41(2), 54–60. <https://doi.org/10.15842/kjcp.2022.41.2.002>
- Horwitz, A. V. (2002). Outcomes in the sociology of mental health and illness: Where have we been and where are we going? *Journal of Health and Social Behavior*, 43(2), 143–151. <https://doi.org/10.2307/3090193>
- Hoyt, C. L., Burnette, J. L., Nash, E., Becker, W., & Billingsley, J. (2021). Growth mindsets of anxiety: Do the benefits to individual flourishing come with societal costs? *The Journal of Positive Psychology*, 18(3), 370–382. <https://doi.org/10.1080/17439760.2021.2006762>
- Huang, Z., Shi, Y., & Wang, Y. (2022). Does growth mindset benefit mental health in Asia? Evidence from Chinese students. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 16, Article 18344909221135358. <https://doi.org/10.1177/18344909221135358>
- Janssen, T. W. P., Nieuwenhuis, S., Hoefakker, J., Gligoor, P. D. D., Bonte, M., & Van Atteveldt, N. (2021). Neural correlates of error-monitoring and mindset: Back to the drawing board? *PLoS ONE*, 16(7), Article e0254322. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0254322>
- Kyeong, Y., Kürüm, E., Sheffler, P., Ferguson, L., Davis, E. L., Strickland-Hughes, C. M., & Wu, R. (2024). The implications of growth mindset for depression, well-being, and adjustment over 2 years during the COVID-19 pandemic. *PLOS Mental Health*, 1(7), Article e0000182. <https://doi.org/10.1371/journal.pmen.0000182>
- Keyes, C. L. M. (2002). The mental health continuum: from languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Behavior*, 43(2), 207–222. <https://doi.org/10.2307/3090197>
- Keyes, C. L. M. (2005). Mental illness and/or mental health? Investigating axioms of the complete state model of health. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 73, 539–548.
- Kim, M. H., & Karr, J. E. (2023). Examining associations between intelligence mindset, mental health symptom severity, and academic self-efficacy and performance. *Current Psychology*, 43(2), 1519–1532. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04399-2>
- Lewinsohn, P. M., Seeley, J. R., Roberts, R. E., & Allen, N. B. (1997). Center for Epidemiologic Studies Depression Scale (CES-D) as a screening instrument for depression among community-residing older adults. *Psychology and Aging*, 12(2), 277–287. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.12.2.277>
- Miu, A. S., & Yeager, D. S. (2014). Preventing symptoms of depression by teaching adolescents that people can change. *Clinical Psychological Science*, 3(5), 726–743. <https://doi.org/10.1177/2167702614548317>
- Musek, J., & Avsec, A. (2006). Osebnost, samopodoba in psihi no zdravje [Personality, self-concept, and psychological health] *Anthropos*, 38(1/2), 51–75.

- <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-JI08DWKD/5f29930c-33b0-441b-af24-7dcf9ca16cec/PDF>
- Ng, B. (2018). The neuroscience of growth mindset and intrinsic motivation. *Brain Sciences*, 8(2), Article 20. <https://doi.org/10.3390/brainsci8020020>
- OpenEpi. (n.d.). <https://www.openepi.com/SampleSize/SSPropor.htm> (retrieved September 25, 2024).
- Panwar, P., Sharma, S., & Bondar, V. V. (2021). Exploring the mindset and grit among young adults of Uttar Pradesh and Jammu and Kashmir. *Webology*, 18(2), 2045–2050. <https://doi.org/10.29121/web/v18i2/8>
- Parsamanesh, P., & Vysochyn, M. (2024). A psychological exploration of the power of our mindset and its influence on physiological health. *Cureus*, 16(1), Article e52505. <https://doi.org/10.7759/cureus.52505>
- Petrič, M., & Zupančič, M. (2021). Personality traits predicting different aspects of subjective well-being in elderly adults. *Psihološka obzorja*, 30, 15–25. <https://doi.org/10.20419/2021.30.528>
- Polh Budja, K. (2017). *Vloga prepri anj o umskih sposobnostih v šolskem okolju: miselna naravnost v povezavi z u in nim uspehom, u no nadarjenostjo, s samoregulacijo u enja in z u no samopodobo* [The role of beliefs about mental abilities in the school environment: A mindset in relation to academic achievement, academic giftedness, self-regulation of learning and academic self-concept] [Master thesis, University of Maribor, Faculty of Arts]. Digital library UM. <https://dk.um.si/IzpisGradiva.php?id=69051&lang=slv>
- Radloff, L. S. (1977). The CES-D scale: A self report depression scale for research in the general population. *Applied Psychological Measurements*, 1, 385–401.
- Schleider, J. L., Abel, M. R., & Weisz, J. R. (2015). Implicit theories and youth mental health problems: A random-effects meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, 35, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2014.11.001>
- Schleider, J. L., & Weisz, J. R. (2016). Implicit theories relate to youth psychopathology, but how? A longitudinal test of two predictive models. *Child Psychiatry & Human Development*, 47(4), 603–617. <https://doi.org/10.1007/s10578-015-0595-2>
- Schleider, J., & Weisz, J. (2018). A single session growth mindset intervention for adolescent anxiety and depression: 9 month outcomes of a randomized trial. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 59(2), 160–170. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12811>
- Schroder, H. S., Dawood, S., Yalch, M. M., Donnellan, M. B., & Moser, J. S. (2014). The role of implicit theories in mental health symptoms, emotion regulation, and hypothetical treatment choices in college students. *Cognitive Therapy and Research*, 39(2), 120–139. <https://doi.org/10.1007/s10608-014-9652-6>
- Schroder, H. S., Yalch, M. M., Dawood, S., Callahan, C. P., Donnellan, M. B., & Moser, J. S. (2017). Growth mindset of anxiety buffers the link between stressful life events and psychological distress and coping strategies. *Personality and Individual Differences*, 110, 23–26. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.01.016>
- Shean, G., & Baldwin, G. (2008). Sensitivity and Specificity of Depression questionnaires in a college-age sample. *The Journal of Genetic Psychology*, 169(3), 281–292. <https://doi.org/10.3200/gntp.169.3.281-292>
- Smith, J. (2020, September 25). *Growth mindset vs fixed mindset: How what you think affects what you achieve*. Nerva: virtual brain-gut cut platform. <https://www.mindsethealth.com/matter/growth-vs-fixed-mindset>
- Sperry, L. (2016). *Mental health and mental disorders: an encyclopedia of conditions, treatments, and well-being*. Greenwood.
- Sternberg, R. (2023, September 20). *Intelligence*. In K. Hytten (Ed.), *Oxford research encyclopedia of education*. Oxford University Press. <https://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-872>

- Tamir, M., John, O. P., Srivastava, S., & Gross, J. J. (2007). Implicit theories of emotion: Affective and social outcomes across a major life transition. *Journal of Personality and Social Psychology*, *92*(4), 731–744. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.4.731>
- Tao, W., Zhao, D., Yue, H., Horton, I., Tian, X., Xu, Z., & Sun, H. (2022). The influence of growth mindset on the mental health and life events of college students. *Frontiers in Psychology*, *13*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.821206>
- Walker, K. A., & Jiang, X. (2022). An examination of the moderating role of growth mindset in the relation between social stress and externalizing behaviors among adolescents. *Journal of Adolescence*, *94*(1), 69–80. <https://doi.org/10.1002/jad.12006>
- World Health Organization. (2022, June 16). *World mental health report: transforming mental health for all*. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240049338>
- Yeager, D. S., Dahl, R. E., & Dweck, C. S. (2017). Why interventions to influence adolescent behavior often fail but could succeed. *Perspectives on Psychological Science*, *13*(1), 101–122. <https://doi.org/10.1177/1745691617722620>
- Yeager, D. S., & Dweck, C. S. (2012). Mindsets that promote resilience: when students believe that personal characteristics can be developed. *Educational Psychologist*, *47*(4), 302–314. <https://doi.org/10.1080/00461520.2012.722805>
- Yeager, D. S., Johnson, R., Spitzer, B. J., Trzesniewski, K. H., Powers, J., & Dweck, C. S. (2014). The far-reaching effects of believing people can change: Implicit theories of personality shape stress, health, and achievement during adolescence. *Journal of Personality and Social Psychology*, *106*(6), 867–884. <https://doi.org/10.1037/a0036335>
- Yong, M., Fleming, C. B., McCarty, C. A., & Catalano, R. F. (2014). Mediators of the associations between externalizing behaviors and internalizing symptoms in late childhood and early adolescence. *The Journal of Early Adolescence*, *34*(7), 967–1000. <https://doi.org/10.1177/0272431613516827>
- Zager Kocjan, G. (2016). *Zavzetost, strast in zanos pri zaposlenih: Teoreti na in empiri na razmejitev* [Engagement, passion, and flow among employees: a theoretical and empirical distinction; doctoral dissertation] [Doctoral dissertation]. University of Ljubljana, Slovenia.

THE ROLE OF INCLUSIVE LEADERSHIP IN DEVELOPING INTERPERSONAL TRUST PROFILES

N.V. VOLKOVA^a, N.T. SUGIANTO^b

^a HSE University, 3 Kantemirovskaya Str., St. Petersburg, 194100, Russian Federation

^b Emerging Travel Inc, Index Tower, Al Mustaqbal Street, Office 1405, Dubai, UAE

Роль инклюзивного лидерства в развитии профилей межличностного доверия

Н.В. Волкова^a, Н.Т. Сугианто^b

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 194100, Россия, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, д. 3

^b Компания Emerging Travel Inc, ОАЭ, Дубай, ул. Аль-Мустақбаль, офис 1405

Abstract

Utilizing the transformational approach of trust development and the social information processing theory, this research aims to shed light on the unique employee groups (profiles) identified through their affect- and cognition-based interpersonal trust and the relationships of these profiles with the sense of the inclusive behavior of leaders by contrasting two different countries (i.e., the USA and Russia). Methods. A cross-sectional online survey was conducted on a sample of 500 employees from IT companies. Opt-in study participant recruitment was utilized through snowball/quota sampling techniques. The study employs latent profile analysis and multinomial logistic regression. Three profiles were obtained based on the cognitive and affective foundations of interpersonal trust, differentiated by employee experience of

Резюме

Исследование ориентировано на определение уникальных групп сотрудников (профилей) на основе уровня их когнитивного и эмоционального межличностного доверия в организационной среде, а также на установление взаимосвязи выявленных профилей со стратегиями поведения в рамках инклюзивного лидерства на примере двух стран (США и Россия). Основой работы стали трансформационный подход к развитию доверия и теория обработки социальной информации. В кросс-секционном онлайн-опросе приняли участие 500 сотрудников ИТ-компаний. Для отбора участников использовались методы «снежного кома» и квотирования. Обработка данных проводилась с использованием анализа скрытых профилей и мультиномиальной логистической регрессии. В зависимости от степени выраженности когнитивной и эмоциональной составляющих были получены три профиля с

The work was supported by a grant 23-18-00830 from the Russian Science Foundation.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00830.

low-medium-high trust relationships. The low-level profile mostly consisted of females, working less than one year remotely and having quite rare face-to-face communication with immediate supervisors. The result showed that the openness and availability of leaders were more powerful behavioral manifestations for subordinates from this interpersonal trust profile, whereas all three inclusive leadership behaviors (openness, accessibility, and availability) influenced employee membership in the high-level profile for those who were in the medium-level sub-group. Depending on the country context, the openness of leaders led to membership in the profile with the highest values of interpersonal trust. Based on these insights, the study makes methodological contributions to the literature of organizational behavior. The findings are useful for understanding the dynamics of social interactions and developing strategies to enhance interpersonal trust between supervisors and subordinates.

Keywords: inclusive leadership, trust, latent profile analysis.

Natalia V. Volkova — Associate Professor, Department of Management, HSE University, PhD in Psychology, Associate Professor.
Research Area: social capital, career, leadership.
E-mail: Nv.volkova@hse.ru

Niken Tia Sugianto — TPP Precheck Manager, Emerging Travel Group (UAE).
Research Area: trust, leadership.
E-mail: nikensugiantoo@gmail.com

низким, средним и высоким уровнем межличностного доверия. В профиль с низкими значениями в основном вошли женщины, которые работали удаленно менее одного года и довольно редко общались с непосредственными руководителями. Для этой группы усиление доверия достигается за счет таких поведенческих стратегий непосредственных руководителей, как открытость и доступность. Все три типа поведения в рамках инклюзивного лидерства важны для увеличения уровня доверия у тех, кто вошел в профиль со средними значениями. Открытость лидеров – единственная поведенческая стратегия, которая оказывает влияние на межличностное доверие в зависимости от контекста страны. Исследование вносит методологический вклад в литературу по организационному поведению и психологии. Полученные выводы могут быть полезны для понимания динамики социальных взаимодействий и разработки стратегий для усиления межличностного доверия между руководителями и подчиненными.

Ключевые слова: инклюзивное лидерство, доверие, анализ скрытых профилей.

Волкова Наталья Владимировна — доцент, департамент менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.
Сфера научных интересов: социальный капитал, карьера, лидерство.
Контакты: Nv.volkova@hse.ru

Сугианто Никен Тиа — менеджер, Группа развивающихся путешествий (ОАЭ).
Сфера научных интересов: доверие, лидерство.
Контакты: nikensugiantoo@gmail.com

In times of fast-paced organizational changes, trust within the workplace is a key driver for initiating, maintaining, repairing, and advancing social interactions at work (Dirks & De Jong, 2022). Given the direct impact of trust on productivity (Kim & Chung, 2024), such attitudinal and behavioral outcomes as job satisfaction (Oh et al., 2023), creativity (Chen et al., 2021), and knowledge sharing (Zhang, 2014), it becomes a paramount factor within organizational and work settings under complex and uncertain reality. Trust relationships are also at the core of effective leadership (Dirks & Ferrin, 2002) and feeling trust affects employee's

proactive behaviors (Chang et al., 2022; Ye et al., 2021). Thus, how to establish and maintain solid trust relationships is critical for leaders and HR professionals in organizations.

Employees lean strongly on interpersonal relationships to share important resources in achieving their work goals (Gupta et al., 2020). Among these relationships, interpersonal trust facilitates individual commitment (Fischer et al., 2020). Further, previous research has explored social relationships through two key dimensions of interpersonal evaluation: warmth and competence (Fiske et al., 2007). Similarly, drawing upon McAllister's (1995) foundations of trust, a number of studies distinguished between cognition-based (or cognitive) trust and affect-based (or emotional/affective) trust to understand the nature of interpersonal trust (InT) relationships through two distinct systems of social psychological processes in various cultural contexts (Qin et al., 2023; Tomlinson et al., 2020). The basic distinction between these two trust processes is that the former arises from the head, based on the individual sense about another's reliability, dependability and competence, whereas the latter is trust from the heart grounded in experienced and expressed emotions (Chua et al., 2008; Lee et al., 2023). To be specific, cognition-based trust (CBT) reflects an individual's assessment of another's ability and integrity, whereas affect-based trust (ABT) reveals perceptions of the other person's feelings and motives.

Research revealed that CBT and ABT influence cooperative behaviors in organizations (Chen et al., 2021; Zhang, 2014). However, cognitive and affective processes are intertwined and mutually impact each other in trust relationships (Legood et al., 2023) because traditional cognitive processes (e.g., decision making) involve affective inputs throughout generating a trust judgment, whereas affect has a cognitive (e.g., knowledge gathering) component (Stoltz & Lizardo, 2018). Accordingly, understanding the compositions of cognitive and affective bases, which both drive and maintain trust in one another, at different levels of trust relationships, will navigate leaders in choosing appropriate communication strategies with subordinates.

Interpersonal trust can co-exist at different levels between two professionals – the subordinate might trust the supervisor to a greater level than the other way round. In this vein, trust can be considered as a signal that investment of resources will help the individuals to achieve their goals (Halbesleben et al., 2014). For example, if the level of trust in a subordinate is sufficiently high, this would facilitate the supervisor to reallocate their resources to a different aspect of their job. On the other hand, this allows the subordinate to focus on doing the job, as opposed to reporting to the supervisor. According to social information processing theory (Salancik & Pfeffer, 1978), cues from social environments influence individual beliefs and behaviors depending on the environmental peculiarities and the consequences of past behavior that take into account the mixed interplay of affective and cognitive factors (Bowen et al., 2014). Drawing on this perspective, we assume that studying the interaction of cognitive and affective foundations of InT may result in shaping groups, which reflect how employees perceive signals sent by supervisors. Each group will show a combination of affective and cognitive bases of

InT or, in other words, social psychological panorama of employee perceiving trust, which is worthy of investigation to move forward the debates about their contribution to trust relationships.

Previous research established that direct leaders (e.g., immediate superiors) are a critical referent of trust for subordinates (Dirks & Ferrin, 2002; Lapointe & Vandenberghe, 2018). They influence directly and indirectly employees' work behaviors through different leadership styles, which result in a broad range of impact on trust within the workplace (Choi et al., 2017). Among leadership styles, inclusive leadership (IL) focuses largely on "words and deeds by leaders that invite and appreciate others' contributions" (Nembhard & Edmondson, 2006, p. 958). More specifically, this form of leadership goes beyond mere representation and aims to create a culture of uniqueness and belongingness (Randel et al., 2018), where all employees feel empowered and included, regardless of their gender, ethnicity, age, or other dimensions of diversity at organizational, team and individual levels (Veli Korkmaz et al., 2022). This relationship-based approach is effective for companies where employees work mostly in a diverse group to fulfil projects differing in their requirements (Booker & Williams, 2022).

Research revealed that IL was positively related to employee trust in leaders (Chang et al., 2022; Oh et al., 2023; Siyal et al., 2023). For example, inclusive leaders foster trust by demonstrating behavioral integrity (Younas et al., 2021), and maintaining consistent openness, availability, and accessibility for team climate (Orekoya, 2024) and task performance (Siyal et al., 2023). Although substantial quantitative evidence links IL to trust in team member-supervisor relationships, most of these studies have used variable-centered approaches that assume group homogeneity. However, given the significant diversity within employee populations, adopting a person-centered analysis, which groups individuals with similarities in their trust manifestation, could provide novel insights into these communications.

Furthermore, while IL consistently enhances trust in leaders, research on how employees perceive and respond to inclusive behaviors in non-Western contexts, as noted by Veli Korkmaz et al. (2022), is quite scarce. To bridge this gap, this study aims to shed light on the unique employee groups (profiles) identified through the combination of ACB and CBT (hereinafter, InT profile), and the relationships of these profiles with the sense of the inclusive behavior of leaders by contrasting IT professionals from two different countries (i.e., the USA and Russia). We expect to answer the following research questions:

RQ1. To what degree do the profiles of affective and cognitive interpersonal trust emerge in team member-supervisor relationships?

RQ2. To what extent does inclusive leadership predict the likelihood of membership in InT profiles in team members from dissimilar countries?

This research contributes to the literature of organizational behavior, psychology, and leadership in at least three ways. First, the study provides a novel methodological view on InT by identifying specific profiles through latent profile analysis. Therefore, the more detailed understanding of trust across groups of workers could bring insights for both practitioners and researchers in building more precise implications and theories. Second, this research adds specificity to the

concept of InT through illuminating the impact of leader inclusiveness. In this vein, this study illustrates the importance of InT profiles when managers adopt IL behavior with their subordinates. Finally, this study addresses the call to direct further understanding of the organizational context within IT companies via evaluating InT profiles.

Conceptual Framework

In an effort to elaborate InT profiles in subordinate-supervisor relationships, we rely on the transformational psychological approach of InT development (Lewicki et al., 2006). At the heart of this approach lies the notion of InT transformation over time, manifesting in the following sequential stages:

The calculus-based (deterrence-based) stage of trust represents an initial phase in the development of interpersonal relationships, characterized by formality and contractual agreements. Trust in this stage is primarily founded on rational calculation, where individuals assess risks and benefits objectively. Interactions at this stage entail a deliberate weighing of costs and benefits, emphasizing analytical reasoning and the reduction of uncertainty as individuals navigate the early stages of relationship formation. These relationships are likely to result in a low level of trust in one another.

The knowledge-based stage of trust is rooted in the ability to understand and predict another behavior, relying on information rather than deterrence. This stage develops through regular interactions with the other, and interpersonal trust stems from knowledge and understanding of how the other approaches the world, leading to increased trust among parties up to a medium level.

The identification-based stage of trust is grounded in deep internationalization of the other's preferences and intentions. As relationships progress, such relationships signify a profound shift in trust dynamics, resulting in the highest InT level.

We assume that in subordinate-supervisor relationships, the three levels of trust (i.e., low, medium and high) will be reflected in InT profiles, obtained through a CBT/ABT composition, and thus our first hypothesis is formed:

H1. Employees will be divided into three profiles based on their levels of cognitive and affective interpersonal trust.

Based on Edmondson's theory (2004) about behavioral manifestations as being accessible, inviting input and modeling openness, Carmeli et al. (2010) specified that IL, as a specific form of relational leadership, attends to three supportive behaviors of leaders – openness (e.g., willingness to be open to new ideas of followers), accessibility (e.g., paying attention to emerging problems of followers), and availability (e.g., ongoing presence in the team), which foster employee creativity and cooperation.

Studies showed that trust in leaders is significantly related to IL behaviors (Chang et al., 2022; Siyal et al., 2023). An inclusive leader may enhance a subordinate's trust in leadership in several ways, especially through such behaviors as openness, accessibility, and availability (Carmeli et al., 2010; Younas et al.,

2021). First, such leaders promote openness with team members (Javed et al., 2021) and encourage subordinates to speak up and discuss their ideas and initiatives for various job-related issues, including green practices (Aboramadan et al., 2022; Bhutto et al., 2021). Second, inclusive leaders are attentive to the needs, feelings, and expectations of their team members by motivating them to share their emerging problems (Carmeli et al., 2010; Orekoya, 2024). Finally, such supervisors are constantly available for their subordinates who face new challenges (Javed et al., 2021). Moreover, according to the transformational approach of trust development (Lewicki et al., 2006), repeated interactions between two parties lead to higher InT levels. Hence, IL will generate higher levels of subordinates' trust in leaders, and we hypothesize that:

H2. Higher levels of perceived IL behaviors (openness, accessibility, and availability) will predict membership in the InT profile with greater CBT/ABT levels of team members.

While the principles of IL are universal, the implementation and effectiveness may vary across different cultural contexts (Veli Korkmaz et al., 2022). The differentiation of IL behaviors can be helpful to get a more nuanced understanding of employee responses in specific socio-cultural contexts. Drawing on Hofstede's framework of dimensions of national cultures, we clarify these issues by exploring two dissimilar contexts of both Russia (an Eastern group) and the USA (a Western group), which differ in their cultural, social, and economic views (Hofstede et al., 2010).

The US context, with its emphasis on human rights based on the individualistic Western values (Ibid.), aligns well with the tenets of inclusive leadership (Joy Thompson, 2017), prioritizing such principles as supporting group members, ensuring justice, equity and empowerment, and nurturing diverse contributions (Nembhard & Edmondson, 2006; Randel et al., 2018; Shore & Chung, 2022). In contrast, hierarchical leadership approaches and allegiance to a leader have long prevailed in Russia (Belokoskova-Mikhaylova et al., 2018; Michailova, 2002), which may impede the development of inclusive methods. Meanwhile, Russian employees need to feel support, consideration and trust from their immediate supervisors to reduce uncertainty within an organization (Koveshnikov & Ehrnrooth, 2018), echoing much of the accessibility in IL behaviors. Availability helps to enhance the management by values, which is linked to such a society-related collectivistic attitude as patriotism that, in turn, influences positively the Russian employee perception of task and relationship orientations of organizational culture (Vadi & Vereshagin, 2006). Further, overcoming unsurmountable hurdles under conditions of Western sanctions requires employee inclusion in decision-making more actively, to utilize their expertise for the development of new economic models. In this reality, openness to new ideas and experience can be effective leadership behaviors.

Given the salient influence of three aggregated IL behaviors on trust relationships with subordinates (Chang et al., 2022; Younas et al., 2021), their distinct effects may reflect how they perceive leadership more precisely (Bhutto et al., 2021) and what levels of interpersonal trust they achieve, depending on the

country context. However, studies demonstrating how these effects vary in dissimilar countries are, to the best of our knowledge, non-existent. Against this backdrop, team members from various InT profiles and diverse cultural backgrounds are likely to perceive the impact of IL behaviors (openness, accessibility, and availability) differently. Accordingly, we hypothesize that:

H3. Country context will moderate the main effect of perceived IL behaviors on the association of team members in InT profiles, such that greater levels of each perceived IL behavior are positively associated with membership in the InT profile with higher values of CBT/ABT composition, particularly among Russian subordinates.

The hypothesized model adopted in this study is shown in Figure 1.

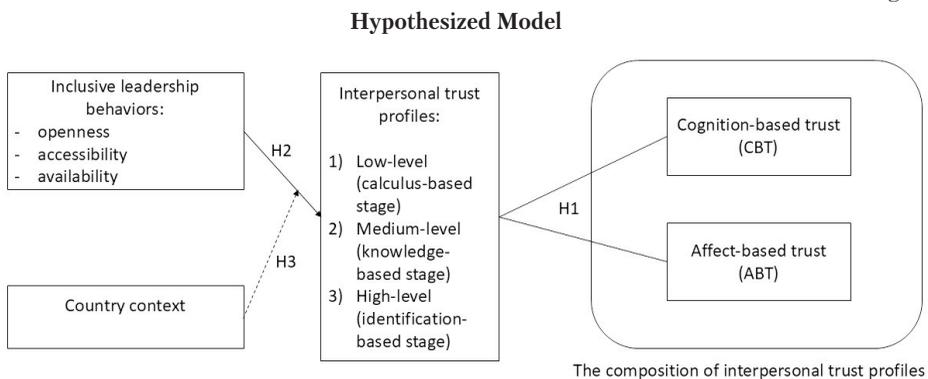
Methods

Sample and Data Collection

Between December 2022 and March 2023, respondents anonymously and voluntarily took part in an online survey, which lasted approximately 7-10 minutes. Opt-in study participant recruitment as a form of non-probability sampling was utilized through snowball/quota sampling techniques (Lamm & Lamm, 2019). 300 invitations for each country were sent through social media platforms (e.g., VKontakte), where the public profile indicated employment with an IT company. Eligible respondents were 18 years old and over, employed, and working in a team. Participants were encouraged to share the link with colleagues. A quota of 250 respondents from each country was set to obtain a proportional representation of both locations and adequate sample size for testing invariance (Chen, 2007). All questions were measured by using five-point Likert scales (1 = strongly disagree and 5 = strongly agree).

Out of the 500 responses collected, 250 were from the USA and 250 from Russia. Among the participants, 125 women represented 50% of the Russian sample, while 160 women accounted for 64% of the US sample. Among men, 119 (47.6%) were from Russia and 77 (30.8%) came from the USA. Among those who preferred not to

Figure 1

disclose their gender, 6 (2.4%) were from Russia and 13 (5.2%) came from the USA. We collected data from both team managers ($n = 240$) and team members ($n = 260$). The age was mainly between 25 and 29 years old. The demographic characteristics per country are presented in supplementary materials (Appendix 1).

Measures

The *IL Scale* developed by Carmeli et al. (2010) was used to measure leader inclusiveness. This 9-item questionnaire assesses the following three types of perceived IL behavior:

- *availability* refers to the extent to which an individual is accessible and approachable. The internal consistency of this dimension (α) was .87.
- *openness* reflects an individual's willingness to be open to new experiences and ideas ($\alpha = .87$).
- *accessibility* measures the ease with which an individual can be reached regarding emerging problems ($\alpha = .71$).

The construct validity of the scale was estimated using confirmatory factor analysis (CFA). The CFA results demonstrated acceptable fit with the data for three perceived IL behaviors ($\chi^2 = 51.2$, $df = 22$, $RMSEA = .071$, $CFI = .981$, $TLI = .969$). Standardized factor loadings by country were robust, ranging from .61 to .89 (Stevens, 2009), as well as the internal reliability of perceived IL behavior types (Cronbach's alpha) (Appendix 2).

An *InT scale* developed by McAllister (1995) was applied to assess employee trust. The scale acknowledges that trust is a multifaceted concept that encompasses affect- and cognition-based trust. Three items were used for measuring affect-based trust, which received the highest scores in capturing affective evaluations in the analysis of Legood and others (2023) ($\alpha = .75$). Responses to five items gauged the cognition-based trust ($\alpha = .88$). The CFA indices showed the acceptable fit for these two foundations of InT ($\chi^2 = 34.69$, $df = 16$, $RMSEA = .048$, $CFI = .991$, $TLI = .984$). Standardized factor loadings by country were appropriate, ranging from .59 to .87 (Stevens, 2009), as well as internal reliability of two InT foundations (see supplementary materials, Appendix 2).

Country context was a dummy variable with the code '1' for participants from the US companies.

The number of years under the immediate manager was correlated with trust level (Perry & Mankin, 2004). As such, tenure under the current supervisor was controlled by using team members' self-reported number of years that they have been working together.

Descriptive statistics and correlation coefficients of continuous variables (InT dimensions and three types of perceived IL behaviors) by country are presented in supplementary materials (Appendix 1).

Prior to analyzing the relationships between constructs, the suitability of the measurement model was assessed by examining the reliability and convergent validity of the scales by countries (Table 1). The values of Cronbach's alpha (α) and composite reliability (CR) were used to check the standard of adequate reliability. To

Table 1

Construct Reliability and Validity by Countries

Variables	Min Loadings (the USA)	Min Loadings (Russia)	Cronbach's alpha	CR	AVE
1. Affect-based InT	.59	.6	.76/.81	.76/.80	.51/.60
2. Cognition-based InT	.73	.69	.87/.89	.87/.87	.57/.63
3. Openness	.78	.75	.86/.87	.86/.8	.67/.66
4. Availability	.71	.75	.84/.88	.82/.83	.55/.66
5. Accessibility	.83	.61	.82/.65	.82/.67	.69/.52

ensure convergent validity, the items must exhibit a statistically significant standardized factor loading of .5 or higher, and the latent construct should account for at least 50% of the variance in its associated indicators, meaning that the average variance extracted (AVE) for each construct needs to be a minimum of .5 (Cheung et al., 2024).

Statistical Analysis

Statistical analysis was performed via R Studio. First, skewness analysis was run to estimate the normality of distribution for the variables. Second, a multigroup CFA was run to evaluate the appropriateness of the InT questionnaire for American and Russian participants (see outcomes in supplementary materials, Appendix 3).

Next, a latent profile analysis (LPA) was performed to define the optimal number of unique profiles that exist in the data for InT. A series of latent profile models with an increasing number of latent profiles was run by applying the tidyLPA package. The final fitting model was selected by comparing the k-profile model with the (k-1)-profile model iteratively via the following indicators: the Bayesian information criterion (BIC), the Akaike Information Criterion (AIC), log-likelihood, and p-values of the bootstrapped likelihood ratio test (BLRT). Lower values of the BIC and AIC, coupled with higher log-likelihood values, determine an adequate solution (Spurk et al., 2020). Additionally, we evaluated the entropy value, theoretical coherence, and profile size to determine the final number of profiles. Higher entropy (up to the perfect value of one) indicates better classification, demonstrating the accuracy of the model to assign individuals to the profiles. Any given profile should include a minimum of 5% of the sample or 25 cases in the profile (Ojo & Volkova, 2023) and all latent profiles must be meaningful and interpretable (Spurk et al., 2020).

Finally, the one-way analysis of variance (ANOVA) and chi-square test were applied to analyze the outcome variables within the obtained profiles. Multinomial logistic regression was employed to define the impact of IL dimensions, country context, and a control variable with various sub-categories on the InT profile membership.

Results

The Description of Interpersonal Trust Profiles

LPA was run to extract unique profiles based on affective and cognitive foundations of InT. Based on fit indices (see a comparison of models and description in Appendix 4 in the on-line supplementary materials https://psy-journal.hse.ru/data/2026/03/15/172940673/Supplementary_materials.pdf), three unique profiles were extracted, supporting Hypothesis 1. We labelled them as low-medium-high trust relationships:

Profile 1, or the sub-group with a low-level InT ($n = 49, 9.8\%$), consisted of respondents who reported relatively low values of affect- ($M = -1.91, SD = 0.49$) and cognition-based ($M = -1.41, SD = 0.91$) trust compared to the other obtained profiles. This sub-group accounted for 83.7% of females and 67.3% of those who worked remotely. Specifically, these employees tended to be team members (93.9%) with an organizational tenure of less than one-year (65.3%) in medium size (100-499 employees) organizations (55.1%). They also rarely communicated face-to-face with their supervisors (1–2 times a month) (63.3%).

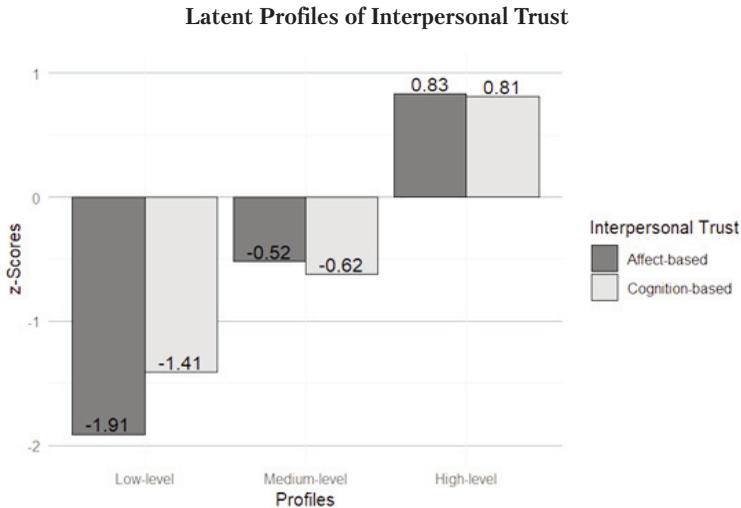
Profile 2, or the sub-group with a high-level InT ($n = 243, 48.6\%$), in contrast, was the most sustainable and allegiant, as these employees achieved excellent scores in affect- ($M = 0.83, SD = 0.46$) and cognition-based ($M = 0.81, SD = 0.5$) trust. They worked for mostly between 1 and 3 years (56.4%) in either hybrid (47.3%) or office (37.9%) format in large (more than 500 employees) organizations (41.2%).

Profile 3 or the sub-group with a medium-level InT ($n = 208, 41.6\%$) was the middle ground of these three sub-groups regarding affect- ($M = -0.52, SD = 0.41$) and cognition-based ($M = -0.62, SD = 0.54$) InT levels. These employees tended to be team leaders (61.5%) who worked in medium size organizations (60.6%) between 1 and 3 years (70.7%).

The application of the two-way ANOVA demonstrated no evidence for an effect of countries on ABT rate ($p = .78$), whereas cognitive foundation had a significant difference ($p = .04$) between countries only for the medium-level profile ($t(206) = -2.24, p = .03$). Substantial differences were present between the obtained profiles for two InT foundations ($p < .001$). Appendix 5 (see the on-line supplementary materials https://psy-journal.hse.ru/data/2026/03/15/172940673/Supplementary_materials.pdf) summarizes the results of ANOVA and chi-square tests for comparison of variables between profiles and countries.

As for the composition of cognitive and affective dimensions across profiles, the low-level profile consists of respondents who demonstrated higher CBT values compared to ABT ($t(48) = 3.13, p = .003$), resonating with the calculus-based stage of trust where formality and contractual agreements are critical. In contrast, the medium-level profile comprises individuals with a prevalence of ABT ($t(207) = -1.99, p = .047$). A balanced combination of these two bases of trust was reached for respondents from the profile with highest InT level in this sample, which is relevant to the identification-based stage from the transformational psychological approach of trust development. Figure 2 visualizes the three-profile solution of this sample.

Figure 1

Effect of Inclusive Leadership and Cultural Context on Membership in Interpersonal Trust Profiles

To determine the effect of perceived IL behaviors on membership in InT profiles, as predicted in Hypothesis 2, a multinomial logistic regression was performed for team members, controlling for tenure under the current supervisor. There was no significant autocorrelation detected in the sample based on the Durbin-Watson test results ($DW = 2.05, p = .68$). The accuracy of this multinomial logistic model was 75.8%. As evident in Table 2, the increase in availability and openness behaviors had significant associations with the memberships in the high-level InT profile (the reference category) for employees who belong to the low-level profile. Specifically, a one-unit change of leaders' availability and openness multiplied the odds of being a member of the high-level versus the low-level profile by 2.1 and 1.51, respectively. When employees are part of the medium-level sub-group, the one-unit increase of all three perceived IL behaviors impacts the likelihood of membership in the high-level profile. Hence, Hypothesis 2 was supported.

Next, we suggested that country context would moderate the main effect of three dimensions of perceived IL behavior on the likelihood of the membership of team members in InT profiles, as predicted in Hypothesis 3. As can be seen in Table 2, a significant interaction was only between the openness dimension and country context on membership in InT profiles but not among the other two IL behaviors, thus, partially supporting Hypothesis 3. The expected risk of being in the low-level InT profile due to the low level of openness behavior is greater for Russian IT employees compared to their American counterparts. Most of the respondents of the low-level InT profile come from the Russian sub-sample (89.8%). This suggests that leaders should choose various behavioral strategies of inclusiveness depending on InT profiles, considering the specific cultural background of subordinates.

Table 2

Predicting Interpersonal Trust Profile Membership

Variable	Low-level profile			Medium-level profile		
	Coefficients	SE	expB	Coefficients	SE	expB
<i>Direct (main) effect</i>						
Openness	-1.51**	0.50	0.22	-1.28***	0.38	0.28
Availability	-2.10***	0.59	0.12	-1.14*	0.46	0.32
Accessibility	-0.58	0.45	0.56	-0.73*	0.36	0.48
Tenure (1–3 years)	-0.77	0.57	0.46	0.43	0.40	1.54
Tenure (4–5 years)	-1.45	1.22	0.23	-0.12	0.89	0.89
Tenure (>5 years)	2.22	1.73	9.24	2.66	1.42	14.28
<i>Interaction effects between IL behaviors and the moderator (cultural context)</i>						
Openness × Russia vs. the USA	-7.00*	3.33	0.001	-3.09**	1.10	0.05
Availability × Russia vs. the USA	-2.27	2.43	0.1	-0.69	1.07	0.5
Accessibility × Russia vs. the USA	0.63	1.74	1.87	0.74	0.71	2.1

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Note. High-level profile was the reference profile. SE – standard errors. Tenure less than 1 year was a referent group for tenure under the current supervisor.

Discussion

Interpersonal trust is one of the key determinants of organizational sustainability in a fast-changing business environment. While much research considered the antecedents of employee trust, scant attention has been drawn to the heterogeneity of staff members in terms of InT levels. The current study contributes to the understanding of trust phenomena, offering an additional approach for identifying the InT profiles in employees.

To gain evidence-based information regarding interpersonal trust, an LPA was conducted in a diverse sample of IT employees from the USA and Russia, using the scores of affective and cognitive foundations of interpersonal trust (Legood et al., 2023; McAllister, 1995). Three unique InT profiles were obtained within this employment context, namely: the *low-level profile*, characterized by relatively low CBT/ABT levels and the prevalence of cognitive trust scores in this subgroup; the *high-level profile*, marked by high and almost equal values of both forms of trust; and the *medium-level profile*, which falls in between in terms of trust levels with the dominance of ABT scores. Drawing on a transformational approach, these three profiles can be aligned with the three stages of trust development (Lewicki et al., 2006), indicating that the nature and development of trust within dyad relationships follow established patterns. This finding supports studies that suggest cognitive trust buffers employees from risks and uncertainty associated

with calculative and instrumental interpersonal relationships (Chua et al., 2008; Tomlinson et al., 2020). Furthermore, it appears that affective trust becomes more dominant as interpersonal trust grows during the knowledge-based stage. This trend resonates with the increasing positive influence of ABT on prohibitive voice compared to the effect of CBT over time (Qin et al., 2023). This implies the importance of fostering close relationships between supervisors and team members, particularly through supervisors' attentiveness to employees' interests and emotions (Lee et al., 2023).

More specifically, these three subgroups obtained through LPA were found to have a significant distinction between the values in the variables, revealing more details about the patterns of interpersonal trust experienced by employees. The results showed that the members of the low-level InT profile were mostly female employees who worked for Russian medium-size organizations less than one year remotely. They also experienced quite rare face-to-face communication with immediate supervisors. These findings support the importance of building trust through face-to-face negotiations (Lewicki et al., 2006; Lu et al., 2017), especially for those employees who experience a relatively low InT level. We found evidence that increased perceived IL behavior impacts on the membership of this profile which aligned with a higher InT level. Consistent with the past findings (Dirks & Ferrin, 2002; Roberson & Perry, 2022), this implies that leaders who exhibit inclusive behavior can contribute to the development of interpersonal trust within their teams. Thus, the openness, accessibility, and availability of leaders can both improve employees' proactive and innovative work behaviors (Carmeli et al., 2010; Chang et al., 2022), being positively related to well-being (Choi et al., 2017) and psychological safety (Nembhard & Edmondson, 2006), and the affinity to the profile with higher values of affective and cognitive InT foundations in subordinates.

The study partially confirmed the association with the country contexts while estimating the likelihood of team members belonging to the high-level profile, as opposed to the low-level and medium-level profiles through openness behavior of leaders. Yet, these associations were not significant for such IL behaviors as accessibility and availability. This underscores the point that the country context can impact InT levels through, for instance, personal attitudes, values, behavior, and human resource practices (Choi et al., 2017), whereas the findings of our study highlight that this influence can be strengthened by leaders' openness, especially for low-level InT relationships.

Limitations and Further Research

This study makes several remarkable contributions to the existing literature of leadership, organizational behavior, and psychology, which need to be contextualized by considering the following limitations. First, the study focused on employees from the IT industry in two countries, ignoring other sectors. Thus, future research may expand data collection to verify the findings in different contexts by using larger and wider samples of respondents. Furthermore, cross-country differences should be

interpreted with caution due to the small sample size, which may impact the equivalence between the Russian and English questionnaires and highlight the need for further research. In addition, cross-country differences should be interpreted with caution due to possible non-equivalence between the Russian and English forms of the questionnaire, as well as the limitations of the sample, which may affect the results of comparisons between samples from the two countries. Second, the research design applies cross-sectional data, specifying employee behavioral patterns at a given point in time. This may lead to an inverse relationship between team member trust and the perception of leadership style as inclusive. Future researchers can utilize a longitudinal approach or experiment-based methodology to recognize the changes in employee behavior and establish causality. Finally, the study analyzed only the effect of perceived IL behavior on InT profiles. Other leadership styles may be tested to capture their impact on the subordinates' membership in the InT profiles.

Conclusion

To sum up, the study introduces the following conclusions that contribute to social and organizational psychology:

1. *Introduction of the InT typology.* Drawing upon the transformational approach of InT development and the social information processing theory, this study empirically identified three InT profiles with affective and cognitive dimensions in employees from the IT industry. Unlike prior research using variable-centered methods, the use of LPA revealed a more nuanced, psychologically meaningful typology of InT dynamics. Specifically, cognitive foundation prevails in low-level InT contacts, whereas an affective base of trust predominates in medium-level trust relationships, and a balance between them is reached in completely trustful interpersonal communications.

2. *Alignment with the transformational approach of InT development.* The InT profiles obtained reflect Lewicki et al.'s (2006) stages of InT development, namely, calculus-based, knowledge-based, and identification-based, offering empirical validation and extending the theory's application to IT organizational contexts.

3. *IL differential effects.* We found that perceived IL behaviors, particularly openness and availability, significantly increase the chances of IT employees moving into InT profiles with higher levels of ABT/CBT. This effect is more powerful for those initially categorized into the low-trust subgroup, providing a behavioral roadmap for leaders seeking to strengthen employee trust.

4. *The specifics of cultural context.* Belonging to a particular country plays a notable role for membership in the InT profile when team members experience a relatively low level of openness behavior from supervisors. In this way, Russian employees were more likely to respond positively to leader openness, indicating that trust-building strategies must be culturally adapted.

References

- Aboramadan, M., Crawford, J., Turkmenoglu, M. A., & Farao, C. (2022). Green inclusive leadership and employee green behaviors in the hotel industry: Does perceived green organizational support matter? *International Journal of Hospitality Management*, 107, Article 103330. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2022.103330>
- Belokoskova-Mikhaylova, E., Korotov, K., & Izotova, I. (2018). Russia: Leadership in Russia: Between hero and victim. In S. Western & É.-J. Garcia (Eds.), *Global leadership perspectives: Insights and analysis* (pp. 129–136). SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781529714845>
- Bhutto, T. A., Farooq, R., Talwar, S., Awan, U., & Dhir, A. (2021). Green inclusive leadership and green creativity in the tourism and hospitality sector: Serial mediation of green psychological climate and work engagement. *Journal of Sustainable Tourism*, 29(10), 1716–1737. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1867864>
- Booker, D. L., & Williams, M. R. (2022). An inclusive leadership model insights from the tech industry. *Advances in Developing Human Resources*, 24(4), 263–274. <https://doi.org/10.1177/15234223221118955>
- Bowen, K. N., Roberts, J. J., Kocian, E., & Bartula, A. (2014). An empirical test of social information processing theory and emotions in violent situations. *Western Criminology Review*, 15(1), 18–33.
- Carmeli, A., Reiter-Palmon, R., & Ziv, E. (2010). Inclusive leadership and employee involvement in creative tasks in the workplace: The mediating role of psychological safety. *Creativity Research Journal*, 22(3), 250–260. <https://doi.org/10.1080/10400419.2010.504654>
- Chang, P.-C., Ma, G., & Lin, Y.-Y. (2022). Inclusive leadership and employee proactive behavior: A cross-level moderated mediation model. *Psychology Research and Behavior Management*, 15, 1797–1808. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S363434>
- Chen, F. F. (2007). Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 14(3), 464–504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>
- Chen, Y., Yu, C., Yuan, Y., Lu, F., & Shen, W. (2021). The influence of trust on creativity: A review. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 706234. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.706234>
- Cheung, G. W., Cooper-Thomas, H. D., Lau, R. S., & Wang, L. C. (2024). Reporting reliability, convergent and discriminant validity with structural equation modeling: A review and best-practice recommendations. *Asia Pacific Journal of Management*, 41(2), 745–783. <https://doi.org/10.1007/s10490-023-09871-y>
- Choi, S. B., Tran, T. B. H., & Kang, S.-W. (2017). Inclusive leadership and employee well-being: The mediating role of person-job fit. *Journal of Happiness Studies*, 18(6), 1877–1901. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9801-6>
- Chua, R. Y. J., Ingram, P., & Morris, M. W. (2008). From the head and the heart: Locating cognition- and affect-based trust in managers' professional networks. *Academy of Management Journal*, 51(3), 436–452. <https://doi.org/10.5465/amj.2008.32625956>
- Dirks, K. T., & De Jong, B. (2022). Trust within the workplace: A review of two waves of research and a glimpse of the third. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 9(1), 247–276. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-012420-083025>
- Dirks, K. T., & Ferrin, D. L. (2002). Trust in leadership: Meta-analytic findings and implications for research and practice. *Journal of Applied Psychology*, 87(4), 611–628. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.87.4.611>

- Edmondson, A. (2004). Psychological safety, trust, and learning in organizations: A group-level lens. In R. M. Kramer & K. S. Cook (Eds.), *Trust and distrust in organizations: Dilemmas and approaches* (pp. 239–272). Russell Sage.
- Fischer, S., Hyder, S., & Walker, A. (2020). The effect of employee affective and cognitive trust in leadership on organisational citizenship behaviour and organisational commitment: Meta-analytic findings and implications for trust research. *Australian Journal of Management*, *45*(4), 662–679. <https://doi.org/10.1177/0312896219899450>
- Fiske, S. T., Cuddy, A. J. C., & Glick, P. (2007). Universal dimensions of social cognition: Warmth and competence. *Trends in Cognitive Sciences*, *11*(2), 77–83. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2006.11.005>
- Gupta, B., Wang, K. Y., & Cai, W. (2020). Interactional justice and willingness to share tacit knowledge: Perceived cost as a mediator, and respectful engagement as moderator. *Personnel Review*, *50*(2), 478–497. <https://doi.org/10.1108/PR-08-2019-0436>
- Halbesleben, J. R. B., Neveu, J.-P., Paustian-Underdahl, S. C., & Westman, M. (2014). Getting to the “COR”: Understanding the role of resources in conservation of resources theory. *Journal of Management*, *40*(5), 1334–1364. <https://doi.org/10.1177/0149206314527130>
- Hofstede, G. H., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and organizations: Software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival* (3rd ed). McGraw-Hill.
- Javed, B., Fatima, T., Khan, A. K., & Bashir, S. (2021). Impact of inclusive leadership on innovative work behavior: The role of creative self efficacy. *The Journal of Creative Behavior*, *55*(3), 769–782. <https://doi.org/10.1002/jocb.487>
- Joy Thompson, R. (2017). Inclusive leadership: A Western concept or a strategy that will transform the world? In A. B. De Moras, R. L. Dutra, & H. E. Schockman (Eds.), *Breaking the Zero-Sum game* (pp. 227–243). Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/978-1-78743-185-020171015>
- Kim, J., & Chung, M.-H. (2024). Trust networks, compassionate helping and employee performance. *Personnel Review*, *53*(2), 605–620. <https://doi.org/10.1108/PR-08-2021-0593>
- Koveshnikov, A., & Ehrnrooth, M. (2018). The cross-cultural variation of the effects of transformational leadership behaviors on followers’ organizational identification: The case of idealized influence and individualized consideration in Finland and Russia. *Management and Organization Review*, *14*(4), 747–779. <https://doi.org/10.1017/mor.2018.27>
- Lamm, A., & Lamm, K. (2019). Using non-probability sampling methods in agricultural and extension education research. *Journal of International Agricultural and Extension Education*, *26*(1), 52–59. <https://doi.org/10.5191/iaee.2019.26105>
- Lapointe, É., & Vandenberghe, C. (2018). Trust in the supervisor and the development of employees’ social capital during organizational entry: A conservation of resources approach. *The International Journal of Human Resource Management*, *29*(17), 2503–2523. <https://doi.org/10.1080/09585192.2016.1244097>
- Lee, J. I., Dirks, K. T., & Campagna, R. L. (2023). At the heart of trust: Understanding the integral relationship between emotion and trust. *Group & Organization Management*, *48*(2), 546–580. <https://doi.org/10.1177/10596011221118499>
- Legood, A., van der Werff, L., Lee, A., Den Hartog, D., & van Knippenberg, D. (2023). A critical review of the conceptualization, operationalization, and empirical literature on cognition based and affect based trust. *Journal of Management Studies*, *60*(2), 495–537. <https://doi.org/10.1111/joms.12811>
- Lewicki, R. J., Tomlinson, E. C., & Gillespie, N. (2006). Models of interpersonal trust development: Theoretical approaches, empirical evidence, and future directions. *Journal of Management*, *32*(6), 991–1022. <https://doi.org/10.1177/0149206306294405>

- Lu, S. C., Kong, D. T., Ferrin, D. L., & Dirks, K. T. (2017). What are the determinants of interpersonal trust in dyadic negotiations? Meta-analytic evidence and implications for future research. *Journal of Trust Research*, 7(1), 22–50. <https://doi.org/10.1080/21515581.2017.1285241>
- McAllister, D. J. (1995). Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. *Academy of Management Journal*, 38(1), 24–59. <https://doi.org/10.2307/256727>
- Michailova, S. (2002). When common sense becomes uncommon: Participation and empowerment in Russian companies with Western participation. *Journal of World Business*, 37(3), 180–187. [https://doi.org/10.1016/S1090-9516\(02\)00076-7](https://doi.org/10.1016/S1090-9516(02)00076-7)
- Nembhard, I. M., & Edmondson, A. C. (2006). Making it safe: The effects of leader inclusiveness and professional status on psychological safety and improvement efforts in health care teams. *Journal of Organizational Behavior*, 27(7), 941–966. <https://doi.org/10.1002/job.413>
- Oh, J., Kim, D. H., & Kim, D. (2023). The impact of inclusive leadership and autocratic leadership on employees' job satisfaction and commitment in sport organizations: The mediating role of organizational trust and the moderating role of sport involvement. *Sustainability*, 15(4), Article 4. <https://doi.org/10.3390/su15043367>
- Ojo, K. S., & Volkova, N. V. (2023). Modelling Innovation competence profiles: The empowering roles of self-monitoring and resilience. *BMC Psychology*, 11(1), Article 293. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01340-x>
- Orekoya, I. O. (2024). Inclusive leadership and team climate: The role of team power distance and trust in leadership. *Leadership & Organization Development Journal*, 45(1), 94–115. <https://doi.org/10.1108/LODJ-03-2023-0142>
- Perry, R. W., & Mankin, L. D. (2004). Understanding employee trust in management: Conceptual clarification and correlates. *Public Personnel Management*, 33(3), 277–290.
- Qin, C., Wang, P., Liu, S., & Xu, G. (2023). Rational or emotional? Prohibitive voice of outsourced employees in a time trajectory perspective. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 61(3), 643–667. <https://doi.org/10.1111/1744-7941.12334>
- Randel, A. E., Galvin, B. M., Shore, L. M., Ehrhart, K. H., Chung, B. G., Dean, M. A., & Kedharnath, U. (2018). Inclusive leadership: Realizing positive outcomes through belongingness and being valued for uniqueness. *Human Resource Management Review*, 28(2), 190–203. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2017.07.002>
- Roberson, Q., & Perry, J. L. (2022). Inclusive leadership in thought and action: A thematic analysis. *Group & Organization Management*, 47(4), 755–778. <https://doi.org/10.1177/10596011211013161>
- Salancik, G. R., & Pfeffer, J. (1978). A social information processing approach to job attitudes and task design. *Administrative Science Quarterly*, 23(2), 224–253. <https://doi.org/10.2307/2392563>
- Shore, L. M., & Chung, B. G. (2022). Inclusive leadership: How leaders sustain or discourage work group inclusion. *Group & Organization Management*, 47(4), 723–754. <https://doi.org/10.1177/1059601121999580>
- Siyal, S., Liu, J., Ma, L., Kumari, K., Saeed, M., Xin, C., & Hussain, S. N. (2023). Does inclusive leadership influence task performance of hospitality industry employees? Role of psychological empowerment and trust in leader. *Heliyon*, 9(5), Article e15507. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15507>
- Spurk, D., Hirschi, A., Wang, M., Valero, D., & Kauffeld, S. (2020). Latent profile analysis: A review and “how to” guide of its application within vocational behavior research. *Journal of Vocational Behavior*, 120, Article 103445. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103445>

- Stevens, J. P. (2009). *Applied multivariate statistics for the social sciences* (5th ed.). Routledge.
- Stoltz, D. S., & Lizardo, O. (2018). Deliberate trust and intuitive faith: A dual process model of reliance. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 48(2), 230–250. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12160>
- Tomlinson, E. C., Schnackenberg, A. K., Dawley, D., & Ash, S. R. (2020). Revisiting the trustworthiness–trust relationship: Exploring the differential predictors of cognition and affect based trust. *Journal of Organizational Behavior*, 41(6), 535–550. <https://doi.org/10.1002/job.2448>
- Vadi, M., & Vereshagin, M. (2006). The deposit of collectivism in organizational culture in Russia: Some consequences of human resources management. *Baltic Journal of Management*, 1(2), 188–200. <https://doi.org/10.1108/17465260610663881>
- Veli Korkmaz, A., Van Engen, M. L., Knappert, L., & Schalk, R. (2022). About and beyond leading uniqueness and belongingness: A systematic review of inclusive leadership research. *Human Resource Management Review*, 32(4), Article 100894. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2022.100894>
- Ye, S., Xiao, Y., Wu, S., & Wu, L. (2021). Feeling trusted or feeling used? The relationship between perceived leader trust, reciprocation wariness, and proactive behavior. *Psychology Research and Behavior Management*, 14, 1461–1472. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S328458>
- Younas, A., Wang, D., Javed, B., & Zaffar, M. A. (2021). Moving beyond the mechanistic structures: The role of inclusive leadership in developing change-oriented organizational citizenship behaviour. *Canadian Journal of Administrative Sciences / Revue Canadienne des Sciences de l'Administration*, 38(1), 42–52. <https://doi.org/10.1002/cjas.1586>
- Zhang, M. J. (2014). The impacts of trust and feelings on knowledge sharing among chinese employees. *New England Journal of Entrepreneurship*, 17(1), 21–28. <https://doi.org/10.1108/NEJE-17-01-2014-B003>

Appendix 1

Demographic Characteristics per Country

	Russia (N = 250)	the USA (N = 250)	Overall (N = 500)
Gender			
Men	119 (47.6%)	77 (30.8%)	196 (39.2%)
Women	125 (50.0%)	160 (64.0%)	285 (57.0%)
Prefer not to disclose	6 (2.4%)	13 (5.2%)	19 (3.8%)
Age			
18–24	66 (26.4%)	20 (8.0%)	86 (17.2%)
25–29	144 (57.6%)	154 (61.6%)	298 (59.6%)
30–39	24 (9.6%)	64 (25.6%)	88 (17.6%)
40–49	13 (5.2%)	11 (4.4%)	24 (4.8%)
50–59	0 (0%)	1 (0.4%)	1 (0.2%)
60+	3 (1.2%)	0 (0%)	3 (0.6%)
Education			
High School	34 (13.6%)	11 (4.4%)	45 (9.0%)
Bachelor degree	140 (56.0%)	111 (44.4%)	251 (50.2%)
Master degree	63 (25.2%)	121 (48.4%)	184 (36.8%)

	Russia (N = 250)	the USA (N = 250)	Overall (N = 500)
Pd.D.	7 (2.8%)	5 (2.0%)	12 (2.4%)
Vocational	6 (2.4%)	2 (0.8%)	8 (1.6%)
Work Tenure			
Less than 1 year	83 (33.2%)	24 (9.6%)	107 (21.4%)
1–3 years	129 (51.6%)	168 (67.2%)	297 (59.4%)
4–5 years	15 (6.0%)	43 (17.2%)	58 (11.6%)
More than 5 years	23 (9.2%)	15 (6.0%)	38 (7.6%)
Status			
Team Member	144 (57.6%)	116 (46.4%)	260 (52.0%)
Supervisor	106 (42.4%)	134 (53.6%)	240 (48.0%)

Means, Standard Deviations, and Correlations with Confidence Intervals

Variable	M	SD	1	2	3	4
<i>US sample</i>						
1. Openness	4.17	0.62				
2. Availability	4.13	0.58	.72** [.63, .80]			
3. Accessibility	4.11	0.68	.60** [.47, .71]	.66** [.54, .75]		
4. Affect-based trust	3.90	0.55	.76** [.67, .83]	.70** [.60, .78]	.55** [.41, .66]	
5. Cognition-based trust	3.99	0.60	.72** [.62, .80]	.76** [.67, .83]	.61** [.48, .71]	.71** [.65, .77]
<i>Russian sample</i>						
1. Openness	3.85	0.90				
2. Availability	3.89	0.88	.84** [.78, .88]			
3. Accessibility	4.00	0.80	.66** [.55, .74]	.78** [.71, .84]		
4. Affect-based trust	3.73	0.79	.51** [.38, .62]	.60** [.48, .69]	.52** [.39, .63]	
5. Cognition-based trust	3.81	0.71	.59** [.47, .69]	.68** [.58, .76]	.59** [.47, .69]	.74** [.68, .79]

** $p < 0.01$.

Appendix 2

Standardized Factor Loadings of Confirmatory Factor Analysis for Interpersonal Trust Scale by Country

	Items	The USA	Russia
	<i>Affect-based interpersonal trust</i>		
1	We have a sharing relationship. We can both freely share our ideas, feelings, and hopes.	.59	.75
2	We would both feel a sense of loss if one of us was transferred and we could no longer work together.	.80	.60
3	I would have to say that we have both made considerable emotional investments in our working relationship.	.66	.80
	Internal reliability (Cronbach's alpha)	.76	.81
	<i>Cognition-based interpersonal trust</i>		
4	This person approaches his/her job with professionalism and dedication.	.73	.69
5	Given this person's track record, I see no reason to doubt his/her competence and preparation for the job.	.82	.80
6	I can rely on this person to not make my job more difficult by careless work.	.83	.78
7	Most people, even those who aren't close friends of this individual, trust and respect him/her as a coworker.	.77	.76
8	Other work associates of mine who must interact with this individual consider him/her to be trustworthy.	.78	.87
	Internal reliability (Cronbach's alpha)	.87	.89

Note. 1. Supervisor answering keeping in mind their relationship with their team members or subordinates. 2. Team members answering keeping in mind their relationship with their team lead, supervisor, or manager.

Appendix 2

Standardized Factor Loadings of Confirmatory Factor Analysis for Inclusive Leadership Scale by Country

	Items	The USA	Russia
	<i>Openness</i>		
1	My supervisor is open to hearing new ideas	.80	.82
2	My supervisor is attentive to new opportunities to improve work processes	.86	.75
3	My supervisor is open to discussing the desired goals and new ways to achieve them	.78	.89
	Internal reliability (Cronbach's alpha)	.86	.87
	<i>Availability</i>		
4	My supervisor is available for consultation on problems	.77	.87

	Items	The USA	Russia
5	My supervisor is an ongoing 'presence' in this team-someone who is readily available	.71	.84
6	My supervisor is available for professional questions I would like to consult with him/her	.76	.75
7	My supervisor is ready to listen to my requests regarding work issues	.74	.80
	Internal reliability (Cronbach's alpha)	.84	.88
<i>Accessibility</i>			
8	My supervisor encourages me to access him/her on emerging issues	.83	.61
9	My supervisor is accessible for discussing emerging problems	.84	.81
	Internal reliability (Cronbach's alpha)	.82	.65

Appendix 3

Multigroup Confirmatory Factor Analysis

A multigroup confirmatory factor analysis was performed via the semTools package in R Studio to assess whether the two dimensions of the interpersonal trust were invariant to group membership and could be used with both countries. The following measurement invariance steps were considered: (1) configural, equivalence of model form; (2) metric, equivalence of factor loadings; (3) scalar, equivalence of item intercepts; and (4) the model with equivalence of the factor means across groups. For testing invariance, Chen (2007) suggested that the average values in the deltas of CFI, SRMR, and RMSEA were relatively independent of sample size compared to chi-square difference tests, especially for adequate sample ($N > 300$). As is evident in Table 1, the deltas of CFI values do not exceed $-.01$, extended by RMSEA with changes less than 0.015 and SRMR with deltas not more than $.03$ for metric invariance and $.01$ for scalar invariance, indicating non-invariance when sample sizes are equal across groups.

Model	CFI	RMSEA	SRMR	χ^2	df	Model com	Δ CFI	Δ RMSEA	Δ SRMR	df
M1: Configural invariance	.984	.065	.025	65.29	32	-	-	-	-	-
M2: Metric Invariance	.980	.067	.051	81.05	38	M1	.004	.003	.026	6
M3: Scalar Invariance	.971	.075	.055	105.1	44	M2	.009	.007	.004	6
M4: The equivalence of the factor means	.966	.079	.076	117.8	46	M3	.005	.004	.02	2

Note. $N = 500$; the US: $n = 250$. CFI = Comparative Fit Index; RMSEA – Root Mean Square Error of Approximation; df – degrees of freedom, SRMR – Standardized Root Mean-square Residual, χ^2 – chi-square, Model com – model to which the given model is compared.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 7,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id@hse.ru

Формат 70x100/16. Тираж 180 экз. Печ. л. 14.5

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42